

КУЛЬТУРА В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Коллективная монография

Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

КУЛЬТУРА В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Коллективная монография

Под общей редакцией С. Е. Туркулец

Хабаровск
Издательство ДВГУПС
2023

УДК 316.7
ББК С550.2я73
К 906

Рецензенты:

доктор философских наук,
заведующий кафедрой социологии и философии
Адыгейского государственного университета
доцент *Н. А. Ильинова*;

доктор философских наук,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Дальневосточного института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
В. В. Вальковская

Коллектив авторов:

А. А. Азаров, Н. С. Аникеева, Н. С. Барей, Н. В. Бородулина,
И. А. Гареева, А. Н. Кононец, А. В. Кузнецова, К. Э. Лисица,
Е. В. Листопадова, Н. А. Мерецкая, А. С. Миронова-Тихомирова,
И. А. Петрулевич, Я. В. Погребная, Д. А. Рыбас, Г. Е. Снежко,
А. Г. Сенченко, Е. В. Стрелкова, В. Б. Сушко, Т. В. Тулупьева,
А. В. Туркулец, В. А. Туркулец, И. А. Туркулец, С. Е. Туркулец,
Ю. А. Тюрина, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель

К 906 Культура в социогуманитарном дискурсе : коллективная монография / под общ. ред. С. Е. Туркулец. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2023. – 215 с. : ил. – Электронный ресурс.
ISBN 978-5-262-00940-4

Изложены различные социогуманитарные подходы к актуальным вопросам развития современной культуры. Материалы, включённые в монографию, представляют собой результаты теоретических и эмпирических исследований, проведённых философами, социологами, психологами, филологами, правоведами, библиографами и другими специалистами в сфере культуры.

Адресована широкому кругу читателей.

УДК 316.7
ББК С550.2я73

ISBN 978-5-262-00940-4

© ДВГУПС, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ	6
1.1. Метакультура как превращенная форма современной культуры	6
1.2. Мультикультурализм как явление и стратегия исследования	12
1.3. Петровская книга в Донской государственной публичной библиотеке	30
1.4. Опыт изучения особенностей и традиций книжных культур в процессе реставрации	37
2. КУЛЬТУРА ВО ВРЕМЕННОМ И ПРОСТРАНСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ	46
2.1. Методологические основы исследования распоряжения временем в культуре	46
2.2. Культура стратегического управления городом	58
2.3. Сегментация пространства и времени в городе: жизнь поколений	67
2.4. Образ острова в русской культуре: традиционная и современная репрезентации	76
3. ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	83
3.1. Антропологический поворот в литературоведении и «антропологический переворот» в действительности и литературе	83
3.2. Культивирование ценностей и формирование компетенций у студенческой молодежи современной России	97
3.3. Детско-подростковые криминальные объединения: сущность и особенности субкультур	108
4. КУЛЬТУРА, ЗДОРОВЬЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ	114
4.1. «Здоровье и болезнь» в социокультурной динамике	114
4.2. Йога – культура движения, повышающая качество жизни	128
4.3. Культура формирования организационной безопасности в условиях цифровизации	136
5. КУЛЬТУРА И ЯЗЫК	155
5.1. Функциональный статус русского языка в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации	155
5.2. Правовые основы культуры речи при использовании русского языка как государственного	164
6. КУЛЬТУРА, ПРАВО, МОРАЛЬ	173
6.1. Правовая культура, правосознание и мораль: взаимодействие и взаимовлияние	173
6.2. Специфика правовой культуры российского общества	182
6.3. Профессиональная культура юриста	188
6.4. Уголовно-правовые основы защиты культурного и исторического наследия народов России в аспекте борьбы с незаконным перемещением культурных ценностей через таможенную и государственную границу Российской Федерации	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	213

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние культуры отличается сложным и противоречивым характером. Актуальность обращения представителей социогуманитарного знания к проблемам развития культуры состоит в потребности возрождения системы традиционных духовно-нравственных ценностей, утраченных в кризисные годы функционирования российского общества.

Оглядываясь на несколько десятилетий назад, можно с уверенностью утверждать, что отечественная культура представляла собой оплот духовной жизни нашего общества. Мировое сообщество всегда высоко ценило достижения российской (русской) культуры. Изучению ее специфики, различных аспектов посвящались многочисленные исследования ученых. Однако в условиях современности ситуация сильно изменилась: социальная реальность демонстрирует «выхолащивание» содержания и предназначения духовной культуры, приоритет так называемой культуры общества потребления.

Решение о подготовке коллективной монографии по актуальным проблемам социокультурного развития было принято по итогам прошедшего в октябре 2022 г. в Кисловодске Третьего Международного научно-просветительского форума «Природа. Человек. Культура». Форум наглядно показал важность и востребованность дискуссий по вопросам функционирования духовной сферы общества. Особый интерес вызвали проблемы развития отечественной культуры и трансляции ее достижений в условиях общемирового культурного кризиса и распространения русофобии.

Коллективная монография содержит результаты исследований ученых по самым разным научным направлениям. И это вполне закономерно, ведь культура охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Материалы, включенные в монографию, представляют собой квинтэссенцию научных изысканий представителей социогуманитарного знания по наиболее актуальным в настоящее время проблемам. Некоторые из них прошли апробацию на различного уровня форумах и конференциях, получили отражение в отдельных публикациях. Тематическое многообразие разделов настоящей работы дает возможность включиться в профессиональное обсуждение обозначенных в ней проблем представителям всех направлений социогуманитарного знания.

В работе над монографией приняли участие: А. А. Азаров (4.3), Н. С. Аникеева (6.1), Н. С. Барей (6.4), Н. В. Бородулина (1.3), И. А. Гареева (4.1), А. Н. Кононец (6.3), А. В. Кузнецова (5.1), К. Э. Лисица (6.3), Е. В. Листопадова (6.2), Н. А. Мерецкая (6.2), А. С. Миронова-Тихомиро-

ва (4.2), И. А. Петрулевич (2.2), Я. В. Погребная (3.1), Д. А. Рыбас (3.3), Г. Е. Снежко (2.1), А. Г. Сенченко (2.4), Е. В. Стрелкова (6.1), В. Б. Сушко (1.4), Т. В. Тулупьева (4.3), А. В. Туркулец (1.2), В. А. Туркулец (5.2), И. А. Туркулец (5.2), С. Е. Туркулец – введение, (1.1), заключение, Ю. А. Тюрина (3.2), Л. А. Штомпель (2.3), О. М. Штомпель (2.4).

1. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

1.1. Метакультура как превращенная форма современной культуры

Понятие «культура» уходит своими корнями глубоко в историю. Известно, что в истории науки было дано более 6 тысяч определений понятия «культура». В эпоху Античности под культурой понимались мера, норма, гармония, «золотая середина». Культура определялась как «возделывание души» человека. Позже, во времена Средневековья, культуру связывали с понятием культа, и здесь акцент делался на почитании высшей сверхъестественной силы. Эпоха Возрождения вновь возвращает в культуру «человеческое» содержание, т.е. процесс совершенствования самого человека. Просвещение положило начало отождествлению понятий «культура» и «цивилизация».

В настоящее время существует множество подходов к содержанию понятия культуры. Вот одна из классификаций этих подходов:

- *описательный* (культура – это сумма всех видов деятельности, обычаев, верований; она как сокровищница всего созданного людьми включает в себя книги, картины и т.п., знание путей приспособления к социальному и природному окружению, язык, религию, которые складывались веками);

- *исторический* (культура – результат исторического развития, в которую входит всё то, что является искусственным, произведенным людьми, и передаётся от поколения к поколению: орудия, символы, общая деятельность, взгляды и т.п.);

- *нормативный* (культура – это образ жизни индивида, определяемый социальным окружением);

- *ценностный* (культура – это материальные и социальные ценности группы людей, их институты, реакции поведения);

- *психологический* (культура – особое приспособление людей к природному окружению и экономическим потребностям);

- *структурный* (культура – система определённых признаков, различным образом связанных между собой. Материальные и нематериальные признаки, организованные вокруг основных потребностей, образуют социальные институты, являющиеся ядром культуры);

– *символический* (культура – организация различных феноменов (материальных предметов, действий, идей, чувств), содержащая употребление символов или зависящая от этого);

– *на базе теорий обучения* (культура – это поведение, которому человек научился, а не получил в качестве биологического наследства);

– *идеологический* (культура – это поток идей, переходящих от индивида к индивиду посредством особых действий (слов, подражаний)) [1, с. 162].

Существование различных подходов вполне закономерно ввиду сложности содержания самого исследуемого понятия. И всё же есть нечто общее, разделяемое большинством ученых, «культура – это сфера воспроизводства самого человека как личности и, соответственно, человеческого общества» [6, с. 243].

Безусловно, тот или иной подход к определению сущности культуры, прежде всего, обусловлен той методологической позицией, на которой стоит исследователь. Сразу оговоримся, что мы стоим на позиции материалистической диалектики, суть которой заключается в изучении предмета в развитии, а также в обосновании онтологического приоритета материального над идеальным.

Слово «культура» произошло от латинского *cultura*, которое изначально переводилось как «возделывание», а со временем приобрело ещё несколько значений: воспитание, образование, развитие. Чаще всего под культурой понимают совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми, являющимися членами определённого социума, и её уровень, очевидно, зависит от уровня развития общества. Культура носит конкретно-исторический, преходящий характер. В контексте данной работы и с позиции заявленной методологии культура рассматривается, прежде всего, как результат экономического развития общества, отражающегося на духовной сфере.

После краткого вступления обратимся к современному пониманию культуры, выяснению того, что определяет ее содержание в современных социальных условиях, какова ее подлинная сущность и в чем заключаются перспективы ее существования. Для этого, как нам представляется, целесообразно использовать термин «метакультура», т.е. попытаться проанализировать современное состояние культуры, как бы выйдя за ее пределы, посмотреть на всё, что с ней связано, со стороны. Для данной цели мы будем использовать приставку «мета», которая как раз и означает нечто выходящее «за» пределы или «после» предмета изучения (метафизика, метафилософия и т.п.).

Определенный опыт использования понятий с данной приставкой существует в научной литературе. В общей дисциплинарной классификации научного знания весьма широко применяются понятия, сконструированные при помощи этой смысловой приставки. Так, в традиции психоанализа используется понятие «метапсихология» для обозначения психических явлений, лежащих за границами осознаваемых переживаний. В филологии под «металингвистикой» понимается отрасль языкознания, предметом изучения которой являются содержательные особенности языка в их непосредственной связи с процессом мышления и социальной жизнью коллектива, говорящего на данном языке. Например, «металогика» как область современной логики исследует строение и свойства самих логических систем, способы конструирования различных логических теорий, а также отношения между ними; «метаматематика» (раздел математической логики) изучает основания математики, структуру самих математических доказательств, различные интерпретации формальных систем и пр. Смысловую приставку «мета» можно использовать также и при характеристике творчества отдельного учёного или мыслителя. В одной из статей о выдающемся отечественном философе, культурологе Алексее Васильевиче Потемкине говорится, что его философия носила характер *метафилософии*, т.е. выходящей за пределы собственно философии [2, с. 185].

Конечно, имеется огромное количество различных понятий с приставкой «мета». И каждый исследователь в силу заявленных целей и поставленных задач волен использовать их в своих теоретико-методологических изысканиях.

Относительно применения смысловой приставки «мета» к понятию «культура» отметим интересное определение дальневосточного философа С. Е. Ячина: «Метакультура – это состояние культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором рефлексивно проясняется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности» [7, с. 161].

Термин «метакультура» получил широкое распространение благодаря сочинению «Роза Мира» известного русского философа Даниила Андреева. В его произведении метакультура понимается как такая специфическая творческая сфера, которая позволяет человеку творить и создавать культурные произведения, тиражируемые далее в обычной культуре.

Вступая в некоторую полемику с приведенными подходами к понятию метакультуры и основываясь, прежде всего, на этимологии слова, обозначим свою позицию, отличающуюся от подхода С. Е. Ячина, утверждающего, что «"Мета" – указывает на источник развития культуры, который находится за пределами самой культуры в творческом потенциале лично-

сти» [7, с. 151]. На наш взгляд, выход за пределы культуры одновременно требует и абстрагирования от творческой личности, чья деятельность является составной частью культуры. Предпринимая попытку изучения современной культуры с позиции *метакультуры*, оговоримся, что метакультура в нашем понимании – это современное состояние культуры, обусловленное социально-экономическими, политическими и иными значимыми факторами, характеризующееся, прежде всего, отказом от традиционных духовных ценностей, их замещением ценностями потребления и масскульта, что спровоцировано однонаправленным воздействием западных супердержав на национальные культуры менее развитых стран. Это, по сути, культура, вышедшая за свои рамки, переставшая выполнять функции сферы духовного развития личности и общества.

Если идти дальше, то метакультуру следует рассматривать как превращённую форму современной культуры. Здесь следует пояснить, что представляет собой превращённая форма. Один из выдающихся советских философов М. Мамардашвили в свое время указывал на особенности *формы превращённой*, отмечая, что отличие ее от классического отношения формы и содержания состоит в «объективной устранённости здесь содержательных определений: форма проявления получает здесь самостоятельное "сущностное" значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы» [3, с. 387]. Позднее он уточняет: «Спецификой превращённой формы является действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо» [4, с. 247–248].

Современные исследователи редко обращаются к анализу сущности категории *формы превращённой*, отгородившись от нее, как и в целом от учения К. Маркса, который ввел в обращение данное понятие. Однако те немногие ученые, кто все же изучает сущность *формы превращённой*, определяют ее суть следующим образом: «быть формой превращённой – значит быть формой производной, значит быть результатом и следствием сложной цепи метаморфоз развития исходного основания целостной системы общественных связей и отношений» [5, с. 66]. Исходя из нашей методологической позиции и соглашаясь с мнением Т. Э. Рагозиной, можно утверждать, что метакультура как превращённая форма культуры является исторически закономерным явлением. «Важность такого понимания, помимо прочего, состоит в том, что оно вплотную подводит философскую мысль к выводу, всё значение которого в полной мере ещё предстоит оценить в будущем, а именно: что форма превращённая есть всеобщий и не-

обходимый способ осуществления исторического развития. Но уже сегодня совершенно очевидно, что круг проблем, к решению которых применима эта категория, отнюдь не исчерпывается задачами объяснения сумеречного сознания с его химерами, неважно какого толка и происхождения, – будь то объективно фетишистские иллюзии и заблуждения, стихийно складывающиеся в головах социальных агентов, или идеологические мистификации, осознанно вырабатываемые специалистами-апологетами» [5, с. 68]. Таким образом, можно заключить, что нынешняя превращённая форма культуры, определяемая нами как метакультура, явилась необходимым способом осуществления исторического развития.

В контексте сказанного нам импонирует мнение С. Е. Ячина о противоречивом характере современного состояния культуры, причины которого он видит в амбивалентности тенденций, связанных с процессами культурной глобализации: «С одной стороны, происходит интенсификация межкультурных взаимодействий, так, что большая часть людей сдвигается к границам других культур, результатом чего, казалось бы, должен стать рост творческого потенциала личностей. Но с другой стороны, происходит обратное: интенсификация межкультурных контактов приводит к стиранию культурных границ, к массовому распространению усредненных культурных образцов, не имеющих прямого отношения ни к одной национальной культуре» [7, с. 154].

Российские ученые-гуманитарии неоднократно отмечали упадок российской культуры после распада СССР, крах системы традиционных ценностей, кризис духовности, что объяснялось ими как результат поглощения западной цивилизацией духовной сферы российского общества. На наш взгляд, причины кризиса кроются, прежде всего, в экономическом подчинении России западным «партнерам», которые всегда видели в нашей стране сырьевую базу, с одной стороны, и привлекательный рынок сбыта, с другой. Развитие духовности, а вместе с тем образования, искусства, культуры, не входило в их планы и в этой связи предпринимались весьма серьезные усилия по формированию в российском обществе прозападного мировоззрения, настроенного на развитие потребительских установок и индивидуалистических ценностей.

Вместе с тем, события последних месяцев позволяют говорить об изменении вектора развития культуры. Агрессивные русофобские настроения в странах Европы и США, отказ от величайших достижений российской культуры во всех ее многонациональных проявлениях ведут к нарастанию процесса антиглобализации, и, вероятнее всего, к установлению «культурного железного занавеса». С одной стороны, это оказывает нега-

тивное влияние на тиражирование достижений российской культуры, на включение России в общемировой процесс культурного развития, однако это может положительно сказаться на возрождении традиционных духовных ценностей, приобщении россиян, прежде всего молодежи, к достижениям отечественного искусства и культуры, развитию российской духовности, что было утрачено в последние десятилетия насаждения в нашей стране западной потребительской массовой культуры.

Справедливо мнение И. В. Фотиевой, утверждающей, что «именно русская культура в максимальной степени воплощала ориентацию на духовно-творческое начало в человеке, на «бытийственную», а не «потребительскую» (пользуясь оппозицией Э. Фромма) жизненную ориентацию. Именно поэтому сейчас надо говорить не о том, какие культурные формы мы можем «предложить на глобальный рынок», но о том, что, независимо от этих форм – русская культура не просто актуальна, но, возможно, спасительна для современного мира. «Русская идея», вокруг которой так или иначе выстраивались дискуссии ведущих российских мыслителей XIX – начала XX вв. очевидно возрождается, и сам этот факт доказывает ее жизненность, как и то, что попытка пренебрежения ею обернулась идейным крахом прежде всего для нашей страны, повлекшим другие разрушительные процессы» [6, с. 245].

Антиглобализационные процессы запустили механизм возрождения российской духовности, а также творческого развития российской культуры с учетом общемировых достижений и современных форм искусства на отечественной почве. В данной ситуации появилась надежда на то, что рефлексия прошлого опыта позволит построить и реализовать стратегию развития духовной сферы, как российского, так и всего человеческого общества.

Список литературы

1. Дергачева, И. Н. Эволюция понятия «культура»: от истоков к возрождению... / И. Н. Дергачева // Омский научный вестник. – 2004. – № 1 (26). – С. 160–165.
2. Майданский, А. Д. Радикальная метафилософия А. В. Потемкина / А. Д. Майданский // Научные ведомости. – 2017. – № 3 (252). – С. 185–186. – (Серия: Философия. Социология. Право).
3. Мамардашвили, М. Форма превращённая / М. Мамардашвили // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР ; гл. ред.

Ф. В. Константинов. – Москва, 1970. – Т. 5 : Сигнальные системы – Яшты. – С. 386–389.

4. Мамардашвили, М. Формы и содержание мышления / М. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.

5. Рагозина, Т. Э. Форма превращенная как универсальная категория диалектики / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация. – 2017. – № 2 (6). – С. 60–69.

6. Фотиева, И. В. Русская культура в глобальном мире / И. В. Фотиева // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6 (25). – С. 243–245.

7. Ячин, С. Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред / С. Е. Ячин // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. V. – С. 149–161.

1.2. Мультикультурализм как явление и стратегия исследования

Истина обязана быть иной [13, с. 448].
Р. Райт

На протяжении последнего десятилетия в современных научных философских исследованиях все более настойчиво продвигается идея о кризисе социально-гуманитарного знания. Различные направления и школы, сообщества ученых-гуманитариев, а также отдельные специалисты (позиционирующие себя в качестве самостоятельных и независимых экспертов) принимают «кризисную парадигму» в качестве исходной при оценке не только текущих социально-культурных явлений и событий, но и при анализе фундаментальных процессов, протекающих в социально-культурной сфере. Действительно, глобальные изменения всего общественного мироустройства сегодня налицо. Динамика преобразований настолько сложна и скоротечна, что научный социально-гуманитарный отклик на нее, как правило, запаздывает. Ученые привычно думают «задним умом», применяя устоявшиеся и проверенные временем методы и способы исследования культурных феноменов. Например, аналитико-дедуктивные способы описания или поверхностно-диалектические характеристики, сущность которых сводится к выделению контрадикторных противоположностей с дальнейшим выбором наиболее перспективной из них в настоящее время. Конечно, трудно отрицать определенную эффективность данного инструментария. Применяя его, вполне можно сконструировать взаимосвязанные объяснительные схемы и выдвинуть проективные рекомендации. Однако, на наш взгляд, исследования процессов, происходящих в современной культуре, должны основываться не столько на принципе взаи-

моисключения («или – или», «либо – либо»), но, скорее, на принципе дополнительности («как то, так и другое»). «Сама культура постольку носит творческий характер по своей сути, поскольку она взаимодополняема, открыта и комплементарна» [18, с. 52].

В этом отношении перспективным является не традиционный анализ тех или иных контрадикций (например, «прогрессивное – регрессивное», «глобализация – антиглобализация» и пр.), а описание культурного многообразия современного мира, раскрытие многоуровневых и многоаспектных взаимосвязей между его участниками, объяснение противоречивой динамики процессов, протекающих в современной культуре. Только на основе этого возможно увидеть за диссоциативной иллюзорностью событий общую телеономическую основу современных культурных трансформаций. Одним из рабочих вариантов такого исследовательского подхода может быть мультикультурализм.

Можно выделить две группы факторов, актуализирующих проблему соотношения различных культур: 1) внешние факторы социального характера (трансформация традиционных социальных институтов, прежде всего семьи; трансмутация системы общественного образования, изменение её функций и роли в передаче когнитивного опыта; диффузия социальной структуры общества, что наглядно проявляется в трансфузивной стратификации населения; изменение места и роли самой культуры в современных глобальных кризисных процессах); 2) внутренние факторы (быстрая девальвация прежних мировоззренческих ориентиров – свобода, справедливость, равенство, гуманизм и т.п.; масштабная агрессия квазикультурных ценностей – «клиповые идеалы», «потребительские ориентиры», «стереотипы массового сознания»; виртуализация культурных смыслов и идеалов).

Культуру в ее простейшем наглядном выражении можно представить в качестве своеобразной подвижной системы с двумя «осями ориентации», которые постоянно меняют свою «точку пересечения»: 1) пространственная ось: внутреннее – внешнее (свое – чужое) (ось X); 2) временная ось: сиюминутное – долговременное (тактическое – стратегическое) (ось Y). При всей своей символической относительности данный «осевой образ» проясняет весьма важные аспекты для понимания реальной динамики культурных процессов. Точкой пересечения данных осей может служить любой культурный субъект (отдельный самодостаточный персонаж, развитая личность или объединяющее их сообщество, группа), адекватно оценивающий свои способности и навыки, критически фиксирующий

возможности и перспективы их применения и развития, а также имеющий определенный опыт культурного творчества.

С точки зрения субъекта культуры, *пространственная ось* разграничивает (разделяет) события, зависимые в своем происхождении от его личного ответственного выбора (ценности, установки, мировоззрение), от тех событий, которые от его решения (выбора, оценки, мировоззрения) не зависят.

Свое (моё, наше) – это нечто близкое, родное, освоенное, открытое, известное, понятное, доступное, знакомое, откровенное, внутренне пережитое, кроющееся в интимных глубинах души, хотя не всегда, правда, ясно называемое (артикулируемое); нечто, требующее нежной заботы и бережного сохранения (приумножения); в своем крайнем (высшем) выражении – это то, что дает мне (нам) право быть самим собой.

Чужое (чуждое) – это нечто далёкое (удаленное), внешне воспринимаемое, непонятное, хотя и называемое; нечто закрытое, замкнутое, скрытое, неизвестное, скрывающее свои истинные качества, свою подлинную суть (одновременно пугающую и притягивающую); нечто, требующее постоянного внимания и напряженной концентрации сил, направленных на процесс взаимодействия с ним; в своем крайнем (наиболее сильном) выражении – это то, что требует преодоления (или даже устранения, как нечто враждебного).

Конечно, субъект культуры выбирает всегда своё-родное (как ему иногда кажется), пытаясь исключить чужое-ненавистное.

С точки зрения всё того же субъекта культуры, *временная ось* служит своеобразным маркером, позволяющим дифференцировать наступление или течение культурных событий и процессов по хронометрическому критерию – «сейчас» («текущее», «сиюминутное», «мгновенное») или «тогда» («тогда, когда было», «тогда, когда будет», «вечное»).

Постоянное «сейчас» (близкое и родное) или «неизменная неизвестная вечность» (чужое и далекое). Преодолевая эту контроверзу (противостояние, контрарность), субъект культуры способен выработать более достойную позицию – мультикультурализм. Мультикультурализм в этом случае и может выступать как способ преодоления («процесс снятия») ограниченности диспозиций своего/чужого и близкого/далекого.

Эти «крестные муки» субъекту культуры приходится переживать постоянно. От них невозможно избавиться, если, конечно, мы хотим оставаться самостоятельными, автономными, суверенными, ответственными.

Однако данный образ культуры не раскрывает саму сущность культурного творчества. Он как бы фиксирует культуру в одной плоскости. Пояс-

ним: в основании вышеописанного образа культуры как пересечения двух осей лежит понятие субъекта. Но в своей реальной динамике культура есть взаимодействие разных субъектов, причем взаимодействие в самых разнообразных формах, начиная от самых гармоничных и заканчивая самыми конфликтно-враждебными сценариями. Поэтому для развития образа культуры следует добавить еще одну ось (ось Z), которая придаст объёмную видимость образу культуры. Данная ось выражает противоречивую динамику междисциплинарного взаимодействия в сфере культурного творчества. Именно на этой оси и происходит самое важное – формирование ситуации культурного выбора и реализация перспектив того решения, которое было принято. Как раз мультикультурализм и является той своеобразной почвой, из которой и произрастает ось Z.

Мультикультурализм не есть смешение всего и вся. Это не многоцветная мозаика, сверкающая всеми цветами радуги. Это не фантастический мир, в котором можно найти бесконечные оттенки серого. Это не паноптикум, в котором выставлены для всеобщего обозрения различные «экзистенции», «симулякры», «куматоиды», «габитусы», «гипертелии», «альтерации», «металепсии» и прочие обценные трикстеры современной философии культуры.

Мультикультурализм не есть некая перверсия (отклонение от нормы, искажение («извращение»)) или субверсия (подрыв устоев, ниспровержение, подрывная деятельность) культуры.

У мультикультурализма есть свои бытийные основания, свои социально-исторические корни, свои специфические ценностные критерии, методологические принципы и практические границы применения.

Для корректного раскрытия всего многообразия данных аспектов в их взаимозависимых проявлениях мы будем рассматривать мультикультурализм с двух сторон – онтологической и гносеологической. Эта дуальность в рассмотрении феномена мультикультурализма служит нам лишь методологическим инструментом для его осмысления. Мы не претендуем на всеохватность анализа, абсолютность выводов и нормативность их практического применения.

Проблема мультикультурализма, *с точки зрения онтологии*, выражается в следующих вопросах: 1) что есть мультикультурализм в своей предметной сути; 2) каково его реальное содержание; 3) каковы формы его исторического проявления в процессе культурного творчества человечества? Предлагаемые ответы на эти вопросы должны лишь ориентировать современных исследователей в области культуры, но не ограничивать творческую инициативу ученых в достижении тех целей, которые они

считают для себя достойными и необходимыми. Конечно, эти вопросы отнюдь не исключают возможности постановки других «онтологических задач». Например, каковы социально-экономические основания мультикультурализма, какова его социально-историческая детерминация, каков механизм трансляции предметно воплощенных культурных ценностей? Поиск ответов на них может быть предметом внимания в последующих исследованиях. Здесь мы их специально не затрагиваем.

С онтологической стороны, мультикультурализм представляет собой определенную совокупность объективных явлений, событий и процессов в историческом развитии культуры. Основное содержание мультикультурализма сводится к вполне простому основанию: сутью культуры является творческая потенция человека в личностном преобразовании и развитии, созидании себя как разумного, свободного, этически ответственного, гармонично развитого существа (личности). Конечно, этому тезису можно давать различные мировоззренческие оценки. Средством реализации этой потенции является взаимоприемлемое сотрудничество с другими людьми (культурами), имеющими свои неповторимые качества, ценности, установки, традиции и уникальный жизненный опыт. Практическое воплощение такого сотрудничества (процессуального контакта) не предполагает строго заданные предметно-материальные рамки или заранее сформулированные (обговорённые) духовно-мировоззренческие условия для коммуницирующих субъектов (культур). Для своего перспективного осуществления сама реальная динамика межкультурных взаимодействий прямо требует от ее участников основываться на мировоззренческом плюрализме. Более того, исторически осуществленные варианты мультикультурального взаимодействия интересны не столько своими конкретными качествами, видимыми признаками или наглядными формами, своей этнической или национальной стилистикой (язык, одежда, обряды, организация быта, религия, музыка и пр.), сколько скрытой за всем этим родовой человеческой основой. Как бы экзотически не выражалась пёстрая палитра мультикультурализма, какие бы необычайные сюжеты не разыгрывались на его сцене, всегда нужно помнить, что фундаментом для мировоззренческого плюрализма служит родовая сущность человека, которая, впрочем, требует своего адекватного культурно-исторического восприятия, оценивания и понимания. «Ход истории требует, чтобы люди расширяли круг своих симпатий и понимания, увеличивали сферу нравственного воображения, разделяли взгляды других людей, все более удаленных от них. Время подталкивает нас к такой здоровой, однако ускользающей

истине, согласно которой повсюду люди – точно такие же люди, как мы» [13, с. 453].

Если остановиться только на онтологической стороне, т.е. на описании бесконечного множества запутанных взаимосвязей различных реальных культурных явлений и событий, то неизбежным следствием такой позиции будет некритический созерцательный эклектизм. В результате культурный процесс предстанет перед нами как захватывающий, завораживающий, но абсолютно алеаторный, в котором его различные проявления лишь калейдоскопически сменяют друг друга. Крайней формой такой мировоззренческой позиции (установки) будет девальвация истинного значения многообразия культур, проявляющаяся в иронико-нигилистическом отношении к ним. Поэтому необходимо дополнить анализ гносеологическим аспектом мультикультурализма.

Проблема мультикультурализма, с точки зрения гносеологии, выражается в вопросах: 1) каковы способы адекватного понимания (описания) мультикультуралистических явлений, событий, процессов; 2) каковы принципы философско-культурологического исследования мультикультуралистических феноменов; 3) каково соотношение их эстетического восприятия и этического оценивания (диалектика эстетического и этического)?

С гносеологической стороны, мультикультурализм определяется как концептуальная стратегия исследования культуры, рациональный анализ культурных явлений и процессов, базирующийся на методологическом плюрализме, что предполагает использование определенного набора принципов, методов, установок, категорий и понятий, средств анализа и пр. Необходимо заметить, что этот набор не представляет собой статичную систему строго заданных правил, стандартов, образцов. Скорее он должен формироваться по аналогии с ситуационными исследованиями (case studies), в которых предмет изучения раскрывается в контексте уникального набора условий, тех или иных конкретных жизненных ситуаций, возможных или даже случайных взаимосвязей, которые не вписываются в традиционные схемы объяснений. «Способы рассмотрения и решения социальных проблем и проблем взаимодействия культур также зависят от обстоятельств их возникновения, средств решения, доступных в данный момент времени, и от желания людей, которые ими занимаются. Не существует неизменных граничных условий человеческой деятельности» [16, с. 403].

Безусловно, существует определенное соотношение онтологического и гносеологического аспектов в исследовании феномена мультикультурализма. Всякое разграничение сторон, аспектов (позиций, полюсов и т.п.)

требует от исследователя, принимающего эти и подобные им «дуальности», четкого указания на их возможные взаимосвязи. Иначе говоря, необходимо указать фундаментальную основу их реляционизма.

Авторская позиция базируется на классическом научном принципе соответствия предмета методу исследования. Суть данного принципа в следующем: предмет мысли предполагает соответствующие данному предмету способы своего осмысления, анализа, описания и изложения. Другими словами, онтологический аспект проблемы мультикультурализма, выражающийся в мировоззренческом плюрализме участников реальных межкультурных взаимодействий, должен адекватно соотноситься с гносеологическим аспектом данной проблемы, выражающимся в методологическом плюрализме самого исследователя.

Поэтому, если предметом нашего рассмотрения является «феномен мультикультурализма», то необходимо использовать адекватные ему гносеологические приёмы. Другими словами, описание данного феномена предполагает мультикультуральные (разнообразные, открытые) формы изложения (с использованием как традиций строгого академизма, рационализма, аксиоматизма, так и современных стилевых новаций: метафоричности, афористичности, образности, аллегоричности, искусства аллюзии, цитатных ссылок и прочего «творческого арсенала» текстового изложения). «Чтобы мыслить об экстремальных явлениях, мышление само должно стать экстремальным явлением» [2, с. 78].

Онтологический аспект.

В определенном смысле мультикультурализм можно рассматривать как проявление культурной эволюции, по мере осуществления которой происходит как сущностная трансмутация исходных культурных значений («культурная кодификация»), так и перманентная трансляция культурного опыта в новые культурные среды («культурный трансфер»). Эти преобразования затрагивают весь культурный комплекс: 1) в его наглядно-предметном выражении (обряды, ритуалы, традиции и пр.); 2) ментально-когнитивном проявлении (переживания, образы, понятия, символы, идеи, ценности и пр.); 3) идейно-организационном воплощении (группы, секты, организации, сообщества и пр.). Если провести аналогию с биологической эволюцией, то культурная эволюция так же имманентно включает в себя не только позитивные результаты, но чревата и негативными последствиями (появление патологий, нежизнеспособных мутаций).

В многообразии исторических вариантов мультикультурализма проявляется общая объективная закономерность возникновения, формирования и развития самой культуры, что, конечно, выражается в конкретной сти-

листике той или иной исторической эпохи или культурно-исторической ситуации. Именно в мультикультуралистической версии более всего проявлена глубинная сущность самой культуры как способа осуществления человеческого творчества и реализации человеческой свободы.

Конечно, любая культура уникальна в своих глубинных экзистенциальных смыслах, мировоззренческих ценностных установках и символическо-предметном оформлении, что может затруднять так называемый «диалог культур». Явные наблюдаемые различия между культурами (достигающие иногда до прямого эпатажа), как правило, в большей степени являются исторически временными, зависимыми от внешних обстоятельств (например, специфика языковой коммуникации носителей культуры). Однако, если принять во внимание тезис о том, что мера развития культуры непосредственно выражается в степени свободы и уровне достоинства самого человека, а также в наличии реальных возможностей его творческой самореализации, то данные препятствия не столько разделяют людей, запирают их в своей «культурной раковине», сколько, наоборот, провоцируют любопытство и внимание к другим, непонятым интригующим культурным феноменам. Очевидные несоответствия иных культур собственному культурному опыту могут выступать своеобразным триггером в попытках установить контакт с представителями других культур. Диалог ведь и возможен именно тогда, когда звучат многие голоса, создающие полифонию культурных смыслов. Весьма образно высказал эту идею о сочетаемости различий Ж. Бодрийяр (говоря о многообразии человеческих языков): «Языки настолько прекрасны, все без исключения, лишь потому что они несравнимы, несводимы друг к другу. Именно благодаря этому различию они обязаны своему особому соблазну, именно благодаря этой инаковости они являются в высшей степени сопричастны друг другу» [2, с. 104]. С полным правом это можно отнести и к многообразию человеческих культур.

Кроме этого, необходимость контактов с представителями иных культур требует от носителей культуры (субъектов культуры) также и собственной аутентичной культурной идентификации. Чем интенсивнее в своем качественном состоянии и чем длительнее в своем количественном выражении осуществляется взаимодействие различающихся между собой культур, тем настоятельнее проявляется потребность в сохранении и упрочении своей идентичности. Более того, как отмечают специалисты, «мультикультурный подход позволяет и особенно содействует развитию двойной или даже множественной идентичности (например, мы можем быть россиянами и украинцами/русскими/чеченцами одновременно)» [6, с. 61].

А так называемый мультикультурный прайминг¹ может усилить этот эффект мультиидентичности.

В человеческой истории, начиная с самых древнейших ее эпох и по настоящее время, в любом из пространственно-географически освоенных людьми регионов можно увидеть проявления мультикультурализма. В одних случаях это будут вполне наглядные формы взаимодействия, причем очевидны они будут не столько для ученых (философов, историков, культурологов), но прежде всего и для самих участников межкультурной коммуникации. Более того, для людей, непосредственно включённых в мультикультуралистические процессы (другими словами, для современников), данные взаимосвязи будут более понятны и знакомы (естественны и доступны), чем для их будущих потомков в лице ученых-специалистов. В других случаях взаимопроникновение культур может носить неявный, латентный характер, не очевидный даже для непосредственных участников межкультурных взаимодействий. Исходя из этого, можно предположить, что мультикультурализм проявляется в двух основных формах – поверхностной и глубинной.

Возникновение, становление и развитие мультикультурализма как целостного явления (а также отдельных его проявлений) необходимо рассматривать в исторической динамике, диалектически, как процесс не взаимоисключающих, но взаимопроникающих противоречий.

Конкретное межкультурное единство (в отличие от абстрактно-формального описания культур) есть многообразие, осуществляемое посредством борьбы противоположностей. Это взаимосвязь (взаимозависимость) явлений, событий, процессов, образующих целостную систему взаимодействий, внутренне устойчивую в своих многообразных изменениях.

В реальной динамике межкультурных взаимодействий можно выделить следующие противоречия:

1) традиции (сохранение, трансляция) и новации (преобразование, трансмутация). Это проявляется в двух разнонаправленных тенденциях: с одной стороны, есть стремление сохранить накопленный опыт и передать его новым поколениям, с другой стороны, есть желание преобразовать прежние культурные устои или даже создать и обосновать новые традиции, опирающиеся на новые ценности и приоритеты. «Культура есть про-

¹ Прайминг (англ. *to prime* заправлять, натаскивать, давать установку) – психологический механизм принятия субъектом того или иного решения под воздействием неосознаваемого и произвольного влияния отдельного конкретного стимула или предшествующего когнитивного опыта.

тиворечивое единство сохранения, воспроизводства и обновления, развития ее элементов, свойств и отношений» [18, с. 25];

2) прогрессивное и регрессивное. Конечно, само смысловое содержание данных понятий выражает субъективную точку зрения их интерпретаторов. Например, для представителей религиозно-догматических культурных течений открытия и достижения современной науки символизируют не столько прогресс человечества, сколько его нравственный регресс. Для ученых-атеистов дело обстоит совсем иначе: именно религиозная догматика препятствует подлинному прогрессу научного творчества. Однако как бы ни отличались друг от друга субъектные интерпретации тех или иных культурных феноменов (предметов, явлений, событий, процессов), они обязательно включают в себя эту смысловую полярность;

3) глобальное и локальное. Здесь существуют две противоречивые тенденции. С одной стороны, происходит определенная универсализация (глобализация) культурной жизни, нивелирование предметных различий между традиционными культурами, что проявляется, в свою очередь, как в позитивных (например, ясность, понятность, доступность взаимодействия для представителей разных культур), так и в негативных аспектах (например, выхолащивание ценностных ориентиров, девальвация накопленного культурного опыта). С другой стороны, наблюдается рост консервативных проявлений в межкультурном взаимодействии (локализация), что проявляется как в полном отказе от контактов с прочими культурами (пассивно-деструктивный вариант), так и в попытках их запретить, устранить, уничтожить (активно-деструктивный вариант). Своеобразной версией преодоления этого противоречия может выступить концепция глокализации. Глокализация понимается в этом случае как процесс формирования и развития этнического самосознания народов в направлении установления и сохранения ими своей культурной идентичности во все более глобализирующемся мире, что требует постоянного и масштабного межкультурного взаимодействия.

Обозначенные противоречия не исчерпывают всех сложностей и трудностей в межкультурных взаимодействиях. Конечно, при более детальном анализе можно выделить и прочие противоречивые тенденции (например, модернизация – демодернизация; семантизация – десемантизация; гуманизация – дегуманизация и пр.), которые могут быть предметом дальнейших исследований.

В каждом из географических регионов, где имелись более или менее крупные государственные (или даже предгосударственные) институты

организации социальной жизни, можно отметить наличие этих мультикультуралистических тенденций.

Укажем лишь некоторые наиболее масштабные исторические примеры мультикультуралистического опыта в развитии культур Старого Света: 1) формирование и организация древнегреческих колоний в акваториях современных Средиземного, Черного и Азовского морей; 2) становление и развитие эллинистической культуры на завоеванных во время походов Александра Македонского территориях; 3) римское освоение Передней Азии, Центральной и Северной Европы; 4) взаимодействие христианской и мусульманской культур во время распространения халифата (это взаимодействие принимало различные формы, начиная от сотрудничества и до агрессивного соперничества во время крестовых походов); 5) распространение и развитие христианства на территории языческой Руси; 6) освоение европейцами новых территорий в процессе Великих географических открытий; 7) культурная динамика Кавказского региона, на территории которого постоянно происходили в исторически обозримом прошлом и осуществляются в текущем настоящем масштабные и глубокие межкультурные взаимодействия, результатом которых являются как взаимопроникновение традиционных культур, так и их аутентичное сохранение².

Определенные проявления мультикультурализма можно отметить и в Новом Свете. Например, весьма интересный материал по межкультурному взаимодействию из доколумбовой эпохи дает исследователям опыт формирования империи инков XV–XVI вв. в Центральных Андах. Своеобразный симбиоз христианства и доколумбовых религий в некоторых современных южноамериканских государствах также является характерным примером мультикультурализма. История становления и развития США, а также современная динамика межкультурных связей в этой стране (например, латиноамериканская миграция) дает богатый материал для исследований.

Гносеологический аспект.

Научное осмысление проблемы межкультурных контактов в развитии человеческих сообществ имеет длительную историю. На наш взгляд, перспективным направлением в исследовании этой темы являются концепции аккультурации. Становление данных концепций происходило в рамках развития американской антропологии на рубеже XIX–XX вв. Здесь можно

² Кавказский регион имеет богатый потенциал для мультикультуралистических исследований, он может служить своеобразным полигоном мультикультурализма. История освоения Кавказа, накопленный его народами культурный опыт являются крепким фундаментом для современных исследователей в построении перспективных прогнозов будущих тенденций развития мультикультурализма.

назвать таких ученых, как Ф. Боас (1858–1942), А. Крёбер (1876–1960), Р. Линтон (1893–1953), Р. Редфилд (1897–1958), М. Херсковиц (1895–1963), М. Мид (1901–1978), К. Клакхон (1905–1960).

В наиболее общем понимании аккультурация представляет собой процесс обмена между различными культурами. Данный обмен осуществляется на разных уровнях (например, макроуровень – государство, страна, нация или народ; мезоуровень – социально-культурная группа, сообщество; микроуровень – отдельные личности, персоны) и разных формах (например, экономическая, социально-политическая, этническая, духовно-религиозная, повседневно-бытовая и пр.). Предмет обмена может выступать в виде материального субстрата (конкретные вещи, материальные ценности, предметы быта, те или иные ресурсы, необходимые для жизнеобеспечения), а также представлять собой символическое значение (религиозные верования, духовных ценности, национальные традиции, обычаи, обряды, морально-этические приоритеты, языковые клише и пр.). Результаты обмена воплощаются в совершенно определенных (непосредственно наглядных, видимых, зримых) изменениях материальной и духовной составляющих контактирующих друг с другом культур. Как правило, в процессе аккультурации роли между взаимодействующими культурами распределены неравномерно. Это обусловлено тем, что обмен осуществляется посредством системы власти и господства (насильственного или ненасильственного) и, следовательно, одна из культур является доминирующей, а другая подчиненной.

Конечно, на процессы межкультурного взаимодействия оказывают влияние различные обстоятельства. Среди прочих, в качестве наиболее важных, специалисты выделяют следующие: 1) уровень сходства/различия между культурами; 2) характер исторического опыта контактов с прочими культурами (например, был этот опыт постоянным или эпизодическим, масштабным или локальным); 3) особенности детерминации межкультурного взаимодействия (например, был ли контакт жестко необходимым, вынужденным или только возможным, случайным).

Определенный интерес в исследовании данной темы представляет теория аккультурации, выдвинутая в 90-е гг. XX в. канадским ученым (кросс-культурным психологом) Джоном Берри [19, с. 491–511; 20; 21]. Он исходит из того, что процесс аккультурации обуславливают два взаимосвязанных фактора: 1) степень признания необходимости сохранения собственной культурной идентичности, т.е. насколько важно носителям конкретной культуры поддерживать свою собственную культурную уникальность в условиях межкультурного контакта; 2) степень участия/неучастия в си-

туациях межкультурных контактов, т.е. насколько привлекательным является для представителей конкретной культуры усиливать эти контакты или избегать их.

В зависимости от доминирования того или иного фактора Берри выделяет четыре возможных стратегии аккультурации.

1. Ассимиляция: субъекты утрачивают свою культурную идентичность, активно поддерживая контакты с другой культурой.

2. Сепарация: субъекты сохраняют и чтут свою культуру, отказываясь от активного взаимодействия с представителями другой культуры.

3. Маргинализация: субъекты всё более и более утрачивают свою культурную идентичность, однако не поддерживают (или даже не устанавливают) тесные взаимосвязи с другой культурой.

4. Интеграция: субъекты межкультурного взаимодействия сохраняют свою идентичность, одновременно поддерживая тесные контакты с представителями другой культуры.

За пределами внимания ученого оказалась еще одна возможная негативная стратегия аккультурации – геноцид. Геноцид, по сути, отрицает возможность равноправного сосуществования различных культур. В своих крайних формах он нацелен на физическое уничтожение других людей, отличающихся от некоего высшего, истинного «культурного стандарта».

Из всех данных стратегий аккультурации только одна выражает истинную суть мультикультурализма как способа осуществления человеческого творчества и реализации подлинной человеческой свободы. Это интеграционная стратегия, которая основывается не только на открытом принятии, адекватном понимании, уважительном отношении субъектов одной культуры к представителям других, как бы и чем бы они ни отличались друг от друга, но также на сохранении и приумножении собственных культурных традиций. Безусловно, это требует от участников межкультурного взаимодействия постоянного поиска взаимных компромиссов, возможностей идти на определенные уступки, выработки инструментов взаимной поддержки, критериев взаимной ответственности за реализуемый в межкультурных контактах выбор. Только в преодолении этой «провокации культурного выбора» возможен действительный контакт культур, их реальное, а не иллюзорное открытие навстречу друг другу. Именно эта позиция и является возможным основанием для формирования, становления и перспективного развития самого мультикультурализма. Прочие стратегии аккультурации являются скорее проявлениями псевдомultiкультурализма, некими абберрациями подлинного гуманистического взаимодействия культур.

Согласно традиционному подходу, в исследовании культуры необходимо основываться на принципе плюрализма, суть которого сводится к следующим требованиям: 1) любые культурные явления в их функциональном значении следует рассматривать как взаимодополнительные; 2) для адекватного понимания культурных феноменов следует применять различные объяснительные схемы, которые могут даже противоречить друг другу; 3) для всестороннего рассмотрения культурных реалий следует усиливать методологическую версию их анализа; 4) множественность разнообразных оценок, мнений, точек зрения, теорий, концепций является не препятствием, а необходимым условием для полноценного научного исследования. Заметим, что исполнение данных требований должны быть не самоцелью, а инструментом в исследовательской работе. Плюрализм не должен пониматься как не критическое смешение, как некий калейдоскоп меняющихся данных, фактов, убеждений, взглядов, школ и направлений. Плюрализм можно рассматривать как своеобразный гарант преодоления такой позиции, как абстрактный гуманизм, согласно которому существуют внеисторические, внеполитические, вненациональные ценности, имеющие всеобщий, универсальный характер.

Мультикультурализм следует также рассматривать как стратегию (политику) сохранения и развития культурных различий, которая нацелена не на гипертрофию данных различий (искусственное выпячивание противоречий, чрезмерное подчеркивание неповторимости, непохожести культурных реалий и пр.), а на их адекватное восприятие, оценку и понимание. Данная стратегия направлена на сосуществование (на основе взаимовыгодного сотрудничества) и взаимообогащение (на основе творческого взаимодействия) различных культур. Другими словами, понимание оригинальной «культуры Других» служит необходимым условием для выработки собственной культурной идентичности, для принятия и адекватной оценки возможных перспектив культурной коммуникации.

Нужно помнить, что мультикультурализм – это не цель, а лишь средство для межкультурного взаимодействия. Неумелое использование (применение, реализация) мультикультуралистического инструментария может привести к культурному изоляционизму (сепаратизму), спровоцировать диффузию или даже деструкцию процессов межкультурного взаимодействия.

Существует несколько методологических следствий принятия мультикультуралистической стратегии.

1. Реляционный детерминизм: а) для объяснения процессов, протекающих в культуре, универсальные схемы причинно-следственного ана-

лиза не эффективны; б) культурные феномены возможно описывать лишь при помощи вероятностных моделей; в) одна причина способна породить как минимум два возможных следствия (как максимум – бесконечное их разнообразие), в свою очередь, одно следствие может быть результатом действия как минимум двух возможных причин (как максимум – их бесконечным разнообразием); г) хронологический аспект взаимосвязи причины и следствия («раньше-позже») не является абсолютным.

2. Функционально-аналитический альтернативизм: а) культура представляет собой определенный набор функционально взаимосвязанных элементов; б) отдельно взятый элемент может выполнять множество альтернативных функций; в) одна и та же функция может быть реализована разными (возможно даже взаимоисключающими друг друга) элементами; г) каждая функция допускает возможность альтернативных способов своего самораскрытия; д) существует область возможной вариативности функции, причем масштаб данной области зависит от культурного контекста.

3. Умеренный кондиционализм: в сфере культуры не существует объективно заданных причинно-следственных связей, а есть только совокупность (комплекс, ансамбль) условий для осуществления того или иного культурного явления (события), причем оценка осуществленного (или осуществляемого) явления (события) всегда предполагает субъективно-мировоззренческие версии.

4. Понятийный комплементаризм: для воспроизведения целостности того или иного культурного объекта (явления, события, процесса) необходимо применять взаимоисключающие классы понятий, каждый из которых применим в своих особых конкретно-ситуационных условиях (категориальных границах).

5. Аутентичный синергетизм: культура представляет собой: а) саморазвивающуюся систему, неизбежное изменение свойств и качеств которой происходит вне каких-либо дополнительных влияний, вследствие её взаимодействия системы с условиями существования, что приводит данную систему к некоторому относительно устойчивому состоянию; б) сложноорганизованную систему, т.е. некую совокупность закрытых и открытых подсистем, причем характеристика подсистемы в качестве открытой или закрытой является относительной и зависит от исследовательской установки; в) неустойчивую систему, в которой, с одной стороны, происходит самопроизвольное возникновение элементов, обуславливающих относительно устойчивое существование системы, с другой стороны – формирование элементов, провоцирующих саморазрушение ее системных

качеств; г) открытую систему, актуальное состояние которой строго не детерминировано ее прошлым опытом (состоянием, функционированием).

6. Предметный компаративизм: исследование культуры должно строиться на основе критического сравнения культурных феноменов, что обязательно предполагает как выявление их противоречивых взаимосвязей, так и наличие в каждом из них своих собственных имманентных противоречий.

Сформулированные выше положения необходимо рассматривать также в качестве принципов культурологического исследования. Последовательно применяя эти установки к исследованию культуры в целом или ее отдельных феноменов, можно прийти к адекватному пониманию их творческой сущности. «Если же творчество – высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы его духа, то нет на земле и не может быть ничего драгоценнее и священнее культуры, и тем драгоценнее, чем духовнее данный культурный слой, данная культурная область, данное творение» [1, с. 50].

В завершение отметим некоторые перспективы мультикультурализма в его онтологическом и гносеологическом аспектах.

У мультикультурализма в его *онтологическом аспекте*, как объективного явления в развитии/эволюции культуры, есть как минимум две «взаимно переплетающиеся» возможности развития – это позитивная и негативная перспективы. Результатом осуществления позитивной перспективы является реализация творческих потенций взаимодействия различных культур в едином процессе общечеловеческого культурного творчества. Эффективным способом здесь значатся межкультурная коммуникация, межкультурный диалог. «Диалог культур приводит к углублению культурного саморазвития, к взаимообогащению за счет иного культурного опыта как в рамках определённых национальных культур, так и в масштабах мировой культуры. Необходимость межэтнического диалога культур выступает условием самосохранения человечества» [18, с. 63]. Основанием для осуществления негативной перспективы могут стать усиление национально-культурного изоляционизма, диффузия значений культурных феноменов, примитивизация и выхолащивание ценностных смыслов подлинно культурных событий, поверхностное, формализованное участие носителей культурных традиций в межкультурной коммуникации, сознательная деструкция культурно-исторического опыта и пр. В случае доминирования первой возможности процесс развития культуры будет приобретать направленность к формированию так называемых космосомных культурных форм. В обратном случае (при усилении или реализации нега-

тивной перспективы) нас ждет хаосомная культурная реальность, в которой прекрасно уживутся всевозможные ризомно-химерические симулякры.

Мультикультурализм как стратегия исследования дает возможность раскрыть компаративную полистилистику разнообразного опыта культур, являющихся по отношению друг к другу «традиционно несоизмеримыми» или «принципиально иными». Например, в хронологическом аспекте – находящихся за гранью «культурного времени» друг друга (культуры Древнего Египта и Мезоамерики); в пространственном аспекте – находящихся в несопоставимых регионально-географических горизонтах (культуры австралийских аборигенов и культуры Центральной Африки).

У мультикультурализма в его *гносеологическом аспекте*, как стратегии исследования культуры, также есть две возможные перспективы: эклектизация и диалектизация. Осуществление первой неизбежно приводит к увеличению всевозможных количественных параметров, показателей, индикаторов, коэффициентов в описании многообразия межкультурных взаимодействий во всей их фактической событийности, наглядной явственности и текучей процессуальности. Причем это калейдоскопическое описание выражает произвольный выбор самого исследователя. Другими словами, здесь происходит поверхностное смешение, некритическое соединение, простое перечисление известных фактов межкультурного взаимодействия. Реализация второй перспективы требует от исследователя помимо обращения к известной диалектической методологии (законы, принципы, категории диалектики) также критической оценки собственных познавательных средств на предмет их практической применимости (эффективности) для анализа конкретных событий, явлений, процессов в сфере межкультурных взаимодействий.

Конечно, выделенные выше возможные перспективы мультикультурализма в его онтологическом и гносеологическом аспектах, требуют своего специального дальнейшего рассмотрения. Причем исследовать необходимо не только их линейные векторы (позитивное – негативное; эклектическое – диалектическое), но и возможные их многомерные переплетения, порождающие многозначные пространства смысла. Например, позитивная/негативная (космосомная/хаосомная) эклектизация или позитивная/негативная (космосомная/хаосомная) диалектизация межкультурных взаимодействий. Данная тематика может быть предметом будущих авторских исследований.

О тайном догадывайся по явному
Солон

Список литературы

1. Андреев, Д. Л. Роза Мира / Д. Л. Андреев. – Москва : Эксмо, 2022. – 704 с.
2. Бодрийяр, Ж. Заговор искусства. Совершенное преступление / Ж. Бодрийяр. – Москва : РИПОЛ классик, 2022. – 250 с.
3. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева / И. Валлерстайн. – Москва : Логос, 2003. – 368с.
4. Ван ден Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. – Москва : РИПОЛ классик, 2022. – 342 с.
5. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – Москва : Весь мир, 2004. – 120 с.
6. Григорьев, Д. С. Анализ взаимосвязи мультикультурной идеологии Дж. Берри и различных принципов межэтнической категоризации / Д. С. Григорьев // Вестник Московского университета. – 2017. – № 4. – С. 54–67. (Серия 14. Психология).
7. Дэвис, Э. Техногнозис : миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. – 480 с.
8. Коэн, С. Народные дьяволы и моральная паника / С. Коэн. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 352 с.
9. Макаров, С. В. Великорусская социоматериальная матрешка. Проектный подход к будущему / С. В. Макаров. – Москва : Макаров С., 2022. – 416 с.
10. Меррел-Вольф, Ф. Философия сознания без объекта: размышления о природе трансцендентального сознания / Ф. Меррел-Вольф. – Москва : ООО «Книжное издательство "София"», 2020. – 288 с.
11. Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Ханнингтона ; пер. с англ. под ред. В. В. Сапова. – Москва : Аспект-Пресс. 2004. – 379 с.
12. Ольховский, О. Ф. Древние русы и Кавказ: Кавказ – русская земля / О. Ф. Ольховский. – Ростов-на-Дону : ЗАО «Книга», 2014. – 288 с.
13. Райт, Р. Эволюция Бога. Бог глазами Библии, Корана, науки / Р. Райт. – Москва : Эксмо, 2017. – 608 с.
14. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. – Москва : Наука, 2007. – 640 с.

15. Трансформации культуры в глобальном информационном обществе : сборник научных статей / Московский гуманитарный университет. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2009. – 496 с.
16. Фейерабенд, П. Прощай, разум / П. Фейерабенд. – Москва : АСТ : Астрель, 2010. – 477 с.
17. Чумаков, А. Н. Глобализация: контуры целостного мира / А. Н. Чумаков. – Москва : Проспект, 2009. – 428 с.
18. Штомпель, О. М. Демодернизационные эффекты в культуре / О. М. Штомпель. – Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2013. – 240 с.
19. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1974, № 5, p. 382–406.
20. Berry J. W. Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation. London: Sage, 1976.
21. Berry J. W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress. // *International Migration Review*, № 21, p. 491–511, 1987.

1.3. Петровская книга в Донской государственной публичной библиотеке

Возникновение книги гражданской печати было подготовлено всем ходом развития русской государственной жизни XVI–XVII вв. Её светское содержание, форма, представлявшая не отказ от кириллицы, а лишь видоизменение последней, имели свои корни в книжном производстве XVIII в.

Пётр I рано осознал большую организующую роль печати. С самого начала его государственной деятельности печать занимает важное место в правительственных мероприятиях.

Гражданская азбука, отлитая в 1708 г. словолитцем М. Ефремовым по образцам, присланным Петром в 1707 г., представляла развитие так называемого «белорусского» или «литовского письма», т.е. почерка, выработанного сначала у белорусских, а затем и у московских книгописцев второй половины XVII в.

В результате реформы русские книги светского характера с 1708 г. стали печататься гражданским шрифтом. Тем самым новая по своему содержанию петровская книга получила и обновленную графику, в ней более широко стал применяться иллюстративный материал. А кириллицей продолжали печататься книги духовного содержания.

Всего с 1708 по январь 1725 г. вышло в свет 320 наименований книг гражданской печати. Из этого числа 115 книг (36 %) – военного и военно-

морского профиля. Как видно, они занимали значительное место в общем объеме книжной продукции того времени [4, с. 114].

Совокупный тираж книг этого периода – около 500 тысяч экземпляров. Тираж отдельной книги варьировался от 100 до 1200 экземпляров (за редким исключением), но азбуки, буквари и календари печатались в значительно большем количестве [3, с. 169].

Переплеты гражданских книг начала XVIII в. традиционно цельнокожаные, но в отличие от книг предшествующего периода – на картонной основе. Обычно по периметру верхней крышки переплета идет легкая орнаментальная рамка, воспроизведённая блинтовым (бескрасочным), реже – золотым тиснением; аналогичным тиснением с названием книги украшен и бинтовой корешок. Встречаются переплеты с обработанной прыском поверхностью, суперэкслибрисами. Сафьян и дорогие сорта тканей в переплетах петровского времени употреблялись редко. Книги печатались преимущественно на бумаге вержé иностранного производства (в основном голландской), русская бумага встречается нечасто.

Многие книги петровского времени были переводными, поэтому и гравюры-иллюстрации часто представляли собой копии иностранных изданий. Однако русские мастера обычно вносили в них что-то свое. Лучшими гравёрами того времени считались братья Алексей и Иван Зубовы, работавшие в технике офорта и создавшие большое количество книжных иллюстраций и гравированных листов как самостоятельных изданий. Им принадлежит и первенство введения в России техники мёццо-тінто (от итал. *mezzo* средний и *tinto* окрашенный) или «чёрной манеры» – разновидности ручного способа изготовления печатной формы в углубленной гравюре на металле, отличающейся глубиной и бархатистостью светотени, позволяющей передавать полутона изображения.

Братьями Зубовыми создано более ста чертежей и гравированных изображений к книге выдающегося итальянского зодчего Джакомо Бароцци да Виньола «Правило о пяти чинах в архитектуре» (1709) – одному из первых русских изданий по архитектуре и строительству. Резцу Алексея Зубова принадлежат: гравюра-аллегория к книге «Устав Морской» (1720), созданная по рисунку Карла Растрелли; иллюстрации к «Географии генеральной» Бернгарда Варениуса (1718); виньетка с видом на Неву, помещаемая в начале каждого номера газеты «Ведомости»; гравюры из «Книги Марсовой» (1713) и многое другое.

Переводы иностранных сочинений в Славяно-греко-латинской академии и при типографии в Москве обыкновенно делались до учреждения Си-

нода, по распоряжению Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, начальствовавшего над Монастырским приказом после смерти патриарха Адриана.

Поручения царя о переводах и печатании книг становятся более частыми с 1708 г. В октябре Петр I приказывает Мусину-Пушкину, а тот в свою очередь директору Московского печатного двора, писателю, переводчику и издателю Федору Поликарповичу Поликарпову, найти немецкий календарь и перевести его как можно скорее, а также исправить перевод книги «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа.

В 1710 г. Петр приказывает Мусину-Пушкину перевести на русский язык и напечатать грамоту королевы английской и речь посла ее Витфорта с церемониалом аудиенции.

14 мая 1713 г. Мусину-Пушкину была передана Петром «История о Кромвеле» на латинском языке для отсылки ее в Москву к перфекту Томиловичу с целью перевода на русский язык.

Из письма Мусина-Пушкина к Поликарпову 1715 года мы видим, что царь приказал первому «...дабы трудились не леностно в переводе книг с латинского ректор Лопатинский и деректор Поликарпов» [5, с. 211].

Если взять всю печатную продукцию 1708–1725 гг. в целом, то она частью по форме, частью по содержанию может быть разделена на следующие группы: 1) указы и другие правительственные акты; 2) газета «Ведомости»; 3) книги учебные; 4) книги по военному и морскому делу; 5) книги исторического характера; 6) книги, обслуживавшие специфические дворянские интересы (книги по геральдике, изучению «хорошего тона» и пр.); 7) издания с политической тематикой; 8) художественная литература (панегирики в прозе и стихах, литература притч и фацеций (шуток)); 9) прочее.

Книги гражданской печати Петровской эпохи уже давно стали большой библиографической редкостью. Объясняется этот факт тем, что большинство книг после смерти Петра I было изъято и уничтожено теми, кто не принимал новые порядки и всячески противился реформам первого русского императора.

Мы поставили себе цель выяснить, сколько же книг петровского времени сохранилось в фондах библиотек, музеев и архивов юга России. Оказалось, что книги гражданской печати, изданные при жизни Петра I, отсутствуют в таких крупных книгохранилищах юга, как Астраханская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской, Краснодарская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина, в национальных библиотеках Северного Кавказа и центральных библиотеках Кавказских Минеральных Вод. И только Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова имеет в своих фондах одно един-

ственное издание петровского времени – книгу Шафирова П. П. «Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Великий ... к начатию войны против короля Карола XII... имел» (Санкт-Петербург, 1717). Эта же книга, но уже третье ее издание 1722 г. есть в Зональной научной библиотеке Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) и в Новочеркасском музее донского казачества. Неудивительно, что именно это издание встречается чаще, чем остальные – ее тираж в 20 тысяч экземпляров был весьма солидным для того времени.

В фонде Донской государственной публичной библиотеки (ДГПБ) хранятся девять книг гражданской печати, вышедших при жизни Петра Великого, и это рекордная цифра для юга нашей страны.

1. Артикул воинский с кратким толкованием... . Санкт-Петербург, 1715 г.

2. Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание из старой и новой географии. Москва, 1719 г.

3. Полидор Вергилий. Осмь книг о изобретателях вещей. Москва, 1720 г.

4. Шафиров П. П. Рассуждение какие законные причины царское величество Петр Великий ... к начатию войны против короля Карола XII... имел. Санкт-Петербург, 1722 г.

5. Кантемир Д. К. Книга систима или Состояние мухаммеданской религии. Санкт-Петербург, 1722 г.

6. Орбини М. Книга историография початия имене... народа славянского... . Санкт-Петербург, 1722 г.

7. Гвидо делле Колонне. История в неиже пишет о разорении града Трои Санкт-Петербург, апрель 1717 г.

8. Пуфендорф С. Введение, в историю европейскую. Санкт-Петербург, 1718 г.

9. Аполлодор. Аполлодора грамматика афинеяского библиотеки или О богах. Москва, 1725 г.

Анализируя коллекцию книг Петровской эпохи фонда ДГПБ, можно с уверенностью сказать, что восемь из девяти книг – это переводные издания.

Судьба каждой из перечисленных книг очень интересна, но рамки небольшого сообщения не позволяют более подробно остановиться на каждой. И все же обратим внимание на перевод труда немецкого юриста, историка и философа Самуэля фон Пуфендорфа (1632–1694) «Введение, в Гисторию Европейскую...» (Санкт-Петербург, 1718), который в своем сочинении одним из первых не только хронологически изложил исторические факты, но и предпринял попытку их обобщения.

Пётр I очень ценил сочинения Пуфендорфа. «Введение в историю» было включено в наказ о воспитании царевича Алексея Петровича. Перевод книги на русский язык был выполнен церковным деятелем и переводчиком Гавриилом Бужинским (1680–1731) с латинского перевода, вышедшего во Франкфурте-на-Майне в 1704 г. Работа осуществлялась под личным наблюдением Петра I, на что указывает сам Г. Бужинский в предисловии к изданию. При переводе Бужинский опустил в статье о России нелестный отзыв Пуфендорфа о русских, однако при просмотре материала Пётр I велел восстановить текст подлинника.

И все же книгу ждала непростая судьба. Во время правления императрицы Анны Иоанновны 25 июня 1731 г. последовало распоряжение изъять «Введение в историю» Пуфендорфа из продажи и из библиотек, поскольку в книге оскорбительно говорилось об отце императрицы – царе Иоанне Алексеевиче. При императрице Елизавете Петровне указом от 17 ноября 1743 г. запрещение с книги было снято, но к тому времени множество экземпляров, скорее всего, уничтожили. А тираж издания составлял всего 600 экземпляров [1, с. 247]. Таким образом, уже к середине XVIII столетия труд Пуфендорфа становится большой библиографической редкостью.

Не менее увлекательна история издания книги итальянского историка-гуманиста Полидора Вергилия Урбинского «Осьмь книг о изобретателях вещей...» (Москва, 1720). Впервые книга увидела свет в 1599 г. в Венеции и с тех пор много раз переиздавалась. Один из экземпляров первого издания хранится в Москве в Российской государственной библиотеке.

Перевод книги на русский язык осуществил православный богослов и философ Феофилакт Лопатинский (в миру Федор Леонтьевич Лопатинский; (1670-е гг. – 1741)). Он был преподавателем и ректором Славяно-греко-латинской академии (1708–1722), настоятелем Заиконоспасского монастыря, затем архиепископом Тверским и вице-президентом Святейшего синода. Сведения о переводчике мы узнаем из переписки Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина с Федором Поликарповичем Поликарповым от 21 сентября 1718 г.: *«Да для чего, придал государь, по сию пору не переведена книга Виргия Урбина о начале всяких изобретений – книга не большая, а так мешкаете. Отпиши о сем Лопатинскому»* [5, с. 211].

В первых трёх частях книги Полидор Вергилий пытается, опираясь на труды философов и историков, объяснить начало и зарождение наук, искусств, техники, общественных форм жизни. В последующих пяти частях повествуется о религиозных обычаях народов, начиная с древних, подробно рассматриваются обычаи англичан, установления католической церкви и папства.

Большой библиографической редкостью стало и издание труда Дмитрия Константиновича Кантемира «Книга Систима или Состояние мухамеданской религии» (Санкт-Петербург, 1722).

Книга об исламе была написана Д. Кантемиром в 1719 г. и стала одним из самых значительных произведений автора. Д. К. Кантемир был необычайно образованным человеком своей эпохи. За время 20-летнего пребывания в качестве заложника в Стамбуле он расширил круг своих познаний и навыков и стал ближайшим советником русского императора. Кроме родного румынского языка, он владел турецким, персидским, арабским, греческим, латынью, итальянским, русским и французским. Д. К. Кантемир составлял трактаты на любом из этих языков, изобрел собственный музыкальный инструмент, сочинял музыкальные произведения, превосходно знал историю турок-осман и основы ислама. Петр I сумел оценить неординарные способности этого человека и избрал его советником по восточным вопросам. Царь Петр и Дмитрий Кантемир оказались необычайно близкими по духу людьми, имели схожие принципы и стремились к идеалу просвещенной монархии.

В своей книге Д. Кантемир выступил как исламовед, корановед, суфиолог, арабист, иранист и тюрколог. Автор собрал воедино все, что было известно об исламе в его время, донёс и сохранил материал, который стал неоценимым источником для изучения истории и развития общественного сознания мусульман. «Книга Систима» объединила историю ислама с точки зрения законов Корана, повседневных и праздничных мусульманских обрядов, сектантства в исламе (в особенности дервишские секты бекташи, мевлеви, каландари, кадири). Д. Кантемир раскрыл мусульманское мистическое учение, обычаи и нравы, коснулся мусульманской науки, отдав должное глубокой основе всей системы ислама. Д. Кантемир выступил не только как прилежный летописец, сохранивший неоценимый для изучения истории материал, но и привел результаты собственных исследований. Основываясь на доступных источниках на арабском и турецком языках, он определил точную дату рождения пророка Мухаммеда, провел лингвистический анализ Корана в главах «О стиле курановом» и «О трудностях языка куранова».

В «Словоприношении» к книге оставлены пустые места для стихов «турецкими литеррами», которые в результате так и не были напечатаны, по-видимому, по распоряжению Петра. В письме к Синоду 18 октября 1722 г. император писал: *«Что же пишете, чтоб в книге о мохаметанской вере печатать некоторые слова турецким языком, и того, кажет-*

ца, не надобно, ибо не для турок, но для русских ведения она печатается» [1, с. 395].

Петр I отправил распоряжение перевести сочинение Д. Кантемира 18 июля 1722 г. из Персидского похода, в день, когда российская флотилия вошла в Каспийское море. Книга была в короткие сроки переведена с латыни Иваном Ильинским и издана в Петербурге спустя полгода. И. Ильинский служил у князя Д. Кантемира, и как воспитатель и учитель его сына, пользовался большим доверием.

Гравюры и буквицы к изданию выполнил старший мастер Санкт-Петербургской типографии Алексей Федорович Зубов (1682–1751). Авторство установлено по подписи «Грыд. А. Зубов» на гравюре с символическим изображением Азии, Африки и Европы, собравшихся вокруг дерева, ветви и корни которого превратились в змей. Символ мирового дерева, использованный художником, объединил небо и землю, пространство и отсылал к Древу познания Эдемского сада.

Несмотря на сопротивление Синода, скептически относившегося к трудам первого русского востоковеда, издание было отправлено в действующую армию, где находился Петр Великий и сам автор Дмитрий Кантемир, который руководил походной канцелярией императора.

Сочинение Д. Кантемира во многом повлияло на Персидский поход 1722–1724 гг. – одно из крупнейших внешнеполитических предприятий Петра Великого. Константинопольский мирный договор между Российской и Османской империями закрепил право России на западный берег Каспия вместе с крепостями Баку, Рештом и др. Следует отметить, что завоёванные земли были потеряны в 1730-х гг. Анной Иоанновной, считавшей Каспийское побережье бесперспективным регионом.

Как уже упоминалось, тиражи книг петровского времени составляли от 500 до 1200 экземпляров. И лишь некоторые издания печатались многотысячными тиражами. Речь идет о книге государственного деятеля и дипломата Петра Павловича Шафирова (1669–1739) «Рассуждение какие законные причины царское величество Петр Великий ... к начатию войны против короля Карола XII... имел» (Санкт-Петербург, 1722). В фонде Донской публичной библиотеки представлено третье издание этой книги, тираж которой был огромен – 20 тысяч экземпляров. Предполагалось распространить книгу по российским губерниям и провинциям. Издание печаталось в течение 8 месяцев на 5 станках. Изначально предполагалось продавать книгу по 16 алтын 4 денги за каждую, но Петр I назначил другую, более низкую цену – 10 алтын. Однако с 1722 по 1725 год в Санкт-Петербурге

было продано всего 50 экземпляров [6 с. 585], рассылка книг по всей стране так и не состоялась. В 1756 г. в Московской синодальной типографии оставалось на хранении еще 16 тысяч экземпляров труда Шафирова.

В Донскую государственную публичную библиотеку книги петровского времени поступили в январе-марте 1936 г. А некоторые попали в библиотеку по книгообмену в 1967 г.

Цифровые копии отдельных представленных в сообщении книг размещены в Донской электронной библиотеке (<http://elib.dspl.ru/wlib>), а на портале «Книжные памятники» Национальной электронной библиотеки (<https://kr.rusneb.ru>) можно увидеть и другие замечательные издания, напечатанные при жизни Петра Великого.

Список литературы

1. Быкова, Т. А. Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725 / Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – Москва ; Ленинград, 1955.
2. Бычков, А. Ф. Каталог хранящимся в Императорской публичной библиотеке изданиям, напечатанных гражданским шрифтом при Петре Великом / А. Ф. Бычков. – Санкт-Петербург, 1867.
3. Книга в России. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. – 2-е изд. – Москва, 2008.
4. Колосов, Е. Е. Русская военная книга петровского времени / Е. Е. Колосов // Книга исследования и материалы : сборник XVI. – Москва, 1968. – С. 114.
5. Пекарский, П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2 т. Т. 1 / П. П. Пекарский. – Санкт-Петербург, 1862.
6. Пекарский, П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2 т. Т. 2 / П. П. Пекарский. – Санкт-Петербург, 1862.
7. Сводный каталог редких и ценных книг библиотек Ростовской области: русская книга гражданской печати (171501800). – Ростов-на-Дону, 2006.

1.4. Опыт изучения особенностей и традиций книжных культур в процессе реставрации

Человеку, далёкому от профессии реставратора, деятельность этого специалиста может показаться однообразной, рутинной и попросту скучной. В действительности это так и есть, когда речь идет о реставрации до-

вольно объёмного экземпляра. Поскольку характер повреждений листов одной книги, как правило, одинаков, то и работы по их устранению не отличаются большим разнообразием. Реставратор вынужден изо дня в день выполнять одни и те же операции на протяжении нескольких недель, а порой и месяцев. Это кропотливый и ответственный труд, ведь ошибки могут привести к повреждению или даже уничтожению документа.

Чтобы провести качественную реставрацию, порой нужно глубоко изучить артефакт, которому потребовалась помощь. Реставраторам приходится становиться историками, изучая историю создания и бытования документа; химиками, исследуя его физико-химические свойства и проводя лабораторные исследования; и дизайнерами, определяя стилистику и технику исполнения. Одним словом, реставрация – это интересная, но сложная работа, не терпящая спешки и суеты, полная различных загадок, над которыми приходится «ломать голову». Нередко она преподносит нам настоящие сюрпризы, одаривая уникальными находками.

Об одной из таких находок при реставрации книги с более чем двухсотлетней историей хочется рассказать подробнее.

В центр консервации библиотечных фондов Донской государственной публичной библиотеки из Ростовского областного музея краеведения поступила на реставрацию книга «Краткий лечебник» П. Калантаряна на армянском языке, изданная в 1793 г. в типографии Сурб Хач г. Нор-Нахичеван.

Петрос Калантарян родился 20 октября 1735 г. в Новой Джульфе. В 1748 г. окончил местную армянскую школу, в 1751 г. эмигрировал в Астрахань, оттуда в январе 1760 г. уехал (через Москву) в Санкт-Петербург к другу своего отца Авету Халдарову [2, с. 75–77]. Поступил в госпитальную школу Санкт-Петербурга (ныне Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова), которую окончил в 1764 г., и стал первым армянским врачом, получившим российское образование [4, с. 384]. Будучи современником известных русских врачей Нестора Максимовича-Амбодика и Данилы Самойловича, Калантарян, как и они, по окончании Петербургской школы нёс тяготы жизни военного врача, участвовал в первой Русско-турецкой войне (1768–1774). В 1773 г. был демобилизован и переехал в Москву, где стал работать в Лазаревской гимназии. Впоследствии Петрос Калантарян обобщил свой врачебный опыт в книге «Краткий лечебник» (арм. Բժշկարանի հիմնարկ), написанной (1789) и опубликованной (1793) в Нор-Нахичеване в типографии Сурб Хач.

Изучение этого лечебника и его сравнение с трудами армянских врачей XVIII в. О. Огуллухяна, С. Шариманяна, М. Рестена рисует сложные пути

развития армянской медицины, которая переживала бурный процесс обновления, перехода от старой традиционной системы к новой, построенной целиком на опыте и клиническом наблюдении [3, с. 15–22].

Труд П. Калантаряна в основном посвящён инфекционным, аллергическим, дерматологическим, психическим и нервным заболеваниям, но есть и другие разделы (например, о травматологии). Книга состоит из двух частей – собственно лечебника и глоссария армянских, латинских, греческих, арабских, персидских и русских медицинских терминов.

Поступивший к нам экземпляр лечебника имеет твердый переплёт, обтянутый грубой телячьей кожей темно-коричневого цвета. Состояние сохранности книги – плохое, что характерно для большинства книг, попадающих на реставрацию.

Много вопросов вызывало переплетное покрытие, а конкретнее – кожа, из которой оно было выполнено. От времени она потемнела, деформировалась, покоробилась и утратила эластичность. По всей поверхности появились жиропылевые загрязнения и потёртости, многочисленные царапины и срывы фактурного слоя. По всей площади переплетной крышки (особенно на верхней сторонке) был замечен белёсый налет, пятна различного характера и формы. Сторонки переплета, изготовленные из серого тряпичного наборного картона толщиной 2 мм, имели сильную деформацию, расслоения, заломы и утраты на углах (рис. 1.1).

Рис. 1.1. Переплёт книги «Краткий лечебник» П. Калантаряна

Состояние книжного блока тоже оставляло желать лучшего. Видно было, что книга зачитана «до дыр». Блок состоит из 9 четырехлистовых тетрадей одинаковой конструкции, сшит на пеньковых шнурах хлопчатобумажной нитью, шитье блока было нарушено. Бумага тряпичная с узо-

ром из водяных знаков – «вержé». Листы имели весь набор повреждений – утраты, разрывы, перегибы, заломы, стойкие загрязнения, пигментные пятна, затёки, следы сырости, чернильные надписи, штампы, пометы и маргиналии простым и цветным карандашами, а также чернилами. Капталы утрачены³ (рис. 1.2).

Рис. 1.2. Книжный блок «Краткого лечебника»

Как и любая книга, которая попадает в наш центр консервации библиотечных фондов, «Краткий лечебник» прошел определенный путь. Прежде, чем начинаются работы по восстановлению, специалист знакомится с объектом предстоящей работы, детально изучает и анализирует конструкцию переплета, переплетные материалы и их состояние, состояние основы листов и красочного типографского слоя, определяет виды и степень повреждений. Проводит визуальные и лабораторные исследования, а затем, основываясь на результатах, составляет программу реставрации, намечает объём и последовательность реставрационных мероприятий, которые он считает целесообразными.

Разумеется, ни один специалист нашей профессии не имеет права взять на себя смелость единолично принять решение относительно порядка предстоящей работы. Программа реставрации принимается коллегиально на реставрационном совете, в состав которого входят не только специалисты нашего отдела, но и представители отделов хранения, собственно заказчики реставрации. На реставрационном совете мы обсуждаем методики, рецепты, реставрационные материалы, которые предполагается применить. Хранители в свою очередь высказывают свои пожелания и требо-

³ Капталы – декоративные элементы книжного переплёта, используемые для защиты корешка блока от воздействий внешних факторов и придающие конструкции книги дополнительную надёжность.

вания, к которым мы, безусловно, прислушиваемся, и при необходимости вносим изменения в программу, корректируем ее. После того, как программа принята и занесена в протокол, проводится фотофиксация объекта, и только после этого специалист приступает непосредственно к работе.

Реставрация лечебника П. Калантаряна началась и продолжалась в плановом режиме более месяца, до момента отделения форзацев⁴, когда появились сложности. Дело в том, что здесь стояла задача – устранить деформацию сторонок. Проще всего было бы увлажнить их и затем отпрессовать, но при этом могла бы повредиться кожа: поменять цвет, сжаться, поморщиться, покоробиться, задубеть. Было принято решение применить более щадящую методику отдаленного увлажнения: равномерное повышение влажности документа через вспомогательный материал. Этот процесс требует времени, но в ситуации, когда в руках такое ценное издание, лучше перестраховаться.

Наше терпение было вознаграждено – реставраторами практически было совершено открытие. На этапе выпрессовывания в сукнах, когда деформация стала заметно уменьшаться, появились сомнения по поводу внутренних поверхностей сторонок. То, что первоначально было принято за складки и морщины картона, от которых мы старались избавиться, стало принимать строгие очертания, что заставило пристальней присмотреться к ним. Углубления в картоне не разглаживались, а, наоборот, становились рельефнее. Они были расположены симметрично и по центру сторонок, при этом их контур совпадал по размеру и очертаниям. Возникло предположение, что это следы тиснения, следовательно, задача для реставраторов кардинально менялась. Теперь в первую очередь стало необходимым изучить и сохранить изображение, дошедшее до нас.

Очертания и расположение геометрических форм, проявившихся на картоне, удивительным образом напоминали элементы декора, использовавшегося при переплете восточных рукописей Средней Азии в средние века. Возникла гипотеза, что обнаруженные оттиски – это часть восточного украшения. Предстояло найти ответ на вопрос: как образец армянского книгопечатания связан с исламскими переплетами? Пришлось погрузиться в анализ работ специалистов, занимавшихся изучением декоративного оформления подобных книг.

В процессе работы выяснилась масса интересных вещей. В частности, согласно результатам исследований наиболее типичных восточных переплетов XVIII–XX вв., полученных специалистом в области иранской ру-

⁴ Форзацы – элементы конструкции книги, листы, соединяющие книжный блок с переплётной крышкой.

кописной книжности профессором Олегом Федоровичем Акимушкиным, появилась возможность выделить наиболее характерные особенности конструкции и декора, присущие переплетам Средней Азии того времени [1, с. 143–146]. Эти переплеты почти целиком были сделаны из картона (мукавва). Обе крышки представляли собой хорошо проклеенные и спрессованные из отдельных листов бумаги картоны (рис. 1.3).

Рис. 1.3. Внутренняя часть переплёта «Краткого лечебника»

Процесс изготовления переплетов мукавва был стереотипен и сводился в основном к следующему: края крышек с целью их укрепления обязательно обклеивались мягкой, тонкой, хорошей выделки кожей с заступом на картон 4–5 мм и скреплялись корешком-задником той же выделки и цвета. Внутренние стороны крышек покрывались проклеенной одноцветной бумагой, чаще всего белой, но иногда так называемой «мраморной» – эбру⁵, лишённой, как правило, какого-либо украшения. При этом листы бумаги закрывали собой 2–3 мм кожаной окантовки картона. На внешние стороны крышек наклеивались цветные однотонные проклеенные листы бумаги с заходом на кожаную окантовку краев картонной основы переплета 2–3 мм. После этого бумага покрывалась двумя-тремя слоями бесцветного или светло-желтого лака.

Практика изготовления переплетов мукавва стремительно распространилась по всем ханствам Средней Азии, и мастера переплетных дел (мукаввасаз, саххаф) широко применяли ее в Бухаре и Самарканде, Фергане и Коканде, Хиве и Гургандже. Конечно, такой переплёт уступал кожаному изяществом отделки и художественным оформлением, выглядел значи-

⁵ Эбру (от перс. *ebri* воздушные облака) – техника рисования на поверхности воды с последующим переносом изображения на бумагу или другую твёрдую основу (дерево, ткань, керамику, кожу).

тельно скромнее. Вместе с тем, мукавва был прочен и функционален, к тому же стоил в несколько раз дешевле кожного.

В центре наружных сторон крышек переплета помещался тисненый овальной формы медальон-средник (торондж), как правило, украшенный растительным орнаментом, сверху и снизу от которого располагались по вертикали две тисненные пальметты (сарторондж). В подавляющем большинстве случаев в этих пальметтах, напоминающих своей формой стилизованный цветок лотоса или его лист, ставилось личное клеймо мастера, изготовившего переплет. Формула клейм была стереотипна и гласила: «исполнил такой-то переплетчик» (амала фулан саххаф). Цветовой фон средника и пальметт обязательно контрастировал с цветом крышек. Переплетчики ставили свои именные клéйма, как правило, в указанных пальметтах, в редких случаях имена мастеров встречаются в медальоне-среднике, который обычно выполнял орнаментальную функцию. Очевидно, по желанию заказчика (владельца рукописи) в среднике могло появиться и его имя.

Право на индивидуальное клеймо-штамп мастера (мухр) с собственным именем и датой, переплетчик получал после прохождения определенного срока ученичества и исполнения квалификационной работы, получившей одобрение его учителя и ведущих мастеров цеха. Став мастером, он заказывал персональную печатку-штамп, которую отливали обычно в Коканде из желтой меди либо из дорогостоящей «восточной бронзы» (хафтджуш) – сплава из семи металлов. Наряду с именем на печатке могла быть указана дата, фиксировавшая, как правило, тот год, когда ученик стал мастером. Из-за дороговизны штампа мастера переплета клише с обновленной датой или вообще не приобретали, или заказывали его по прошествии весьма длительного срока. Именно с этим обстоятельством связано часто весьма значительное расхождение между датами, указанными на переплете, и временем завершения работы над рукописью, при сопоставлении которых вдруг оказывается, что в переплет рукопись была «одета» задолго до того, как она была переписана.

Именно такой медальон-средник, на наш взгляд, и был обнаружен на внутренней поверхности сторонек лечебника Калантаряна. Конечно, тиснение узора внутри медальона сохранилось плохо, но по очертаниям контура безошибочно угадывался основной элемент декоративного оформления исламских рукописей. Это давало нам право предположить, что переплетчик, сшивавший книгу, использовал для изготовления картон от старой восточной рукописи, повернув каждый лист лицевой стороной внутрь.

Размер переплета «Краткого лечебника» – 217×128 мм. Известно, что наиболее популярными форматами мусульманских переплетов были соотношения высоты к ширине 1,5:1,0 (180×120 мм, 240×180 мм, 300×200 мм). Гораздо реже встречались переплеты размером 360×340 мм и более, которые использовались при оформлении литографированных изданий.

Кроме того, нам показался особенно важным тот факт, что вся организация орнаментированной поверхности сторон подчиняется строгим правилам и канонам. Она буквально рассчитывается по определенным математическим формулам. Зная их, достаточно задать реальные значения для высоты и ширины внутренней рамки, чтобы разместить внутри нее позиции всех элементов фигуративной структуры на переплете.

На внешней стороне переплетной крышки можно выделить три самостоятельные структуры: 1) центральный медальон (средник-торондж) с парными «спутниками» и четырьмя угольниками; 2) цветочно-орнитологический орнамент; 3) многополосную прямоугольную рамку, охватывающую по периметру две первые структуры.

Если с крышки переплета удалить цветочно-орнитологический орнамент, т.е. всю вторую структуру, то оставшиеся две структурные части

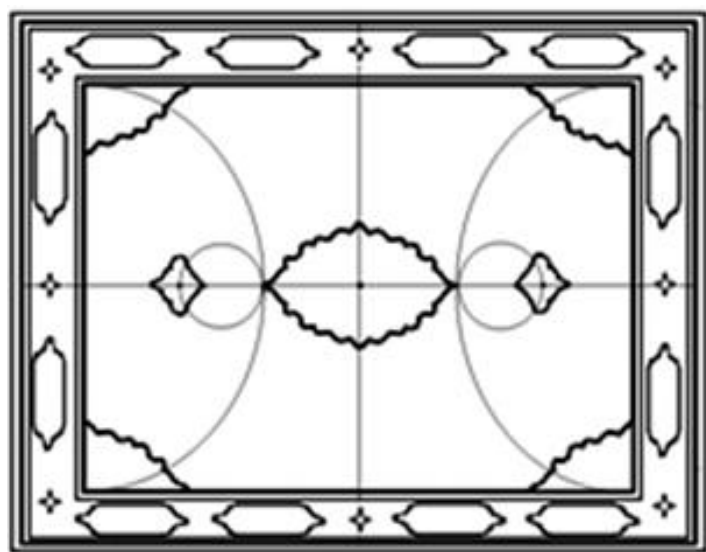

Рис. 1.4. Схема расположения декоративных элементов восточного переплета

украшения представили бы собой тот самый декоративный набор, который для мусульманских переплетов можно считать традиционным в полном смысле этого слова – это так называемый «центральный медальон со спутниками». Он легко обобщается, превращаясь в принципиальную схему построения, которая открывает путь к изучению украшения нетрадиционным способом, а именно сквозь призму построений и зависимостей (рис. 1.4).

Вот некоторые из наиболее очевидных зависимостей:

1) две дуги, проведенные из середины противоположных меньших сторон внутренней рамки радиусом в половину длины этих сторон, фиксируют местоположение центрального медальона и определяют его высоту:

она равна разности между длинной и короткой сторонами внутренней рамки;

б) две окружности характеризуют местоположение двух близлежащих к медальону «спутников», высота (толщина) которых оказывается заданной второй окружностью, и, следовательно, тоже связана с построением;

в) наконец, центры дальних спутников тоже лежат на окружности, радиус которой так же связан с рамочным оформлением переплета.

Если высоту и ширину внутренней рамки обозначить соответственно H и L , то по результатам различных промеров можно констатировать следующее:

- 1) высота центрального медальона равна $H-L$ или $H:2,5$, или $L:1,5$;
- 2) ширина центрального медальона равна $1/2 L$;
- 3) расстояние между центрами дальних спутников (сарторондж) равно $5/6 H$.

Судя по размерам средников, обнаруженных в книге П. Калантаряна (а они непропорционально велики для переплетных сторонков), очевидным представляется тот факт, что сторонки старого переплета использовались мастером не полностью, а были обрезаны по краям, при этом медальоны оставлены по центру. Что заставило переплетчика поступить именно так, остается только догадываться: возможно, ветхие или утраченные края. Но, как правило, края сторонков обтрепываются с трех сторон (верхнего, переднего и нижнего обрезов), а корешковое поле сторонков обычно сохраняется хорошо, т.е. средники должны были бы в случае обрезки обветшалых краев сместиться от корешка к обрезами. Тем не менее, мы видим, что декоративные элементы расположены строго по центру, что является ещё одной загадкой этой книги.

Чтобы подтвердить эти предположения, было решено обратиться за консультацией к российскому историку-востоковеду, доктору исторических наук Илье Владимировичу Зайцеву. Ему были отправлены фотографии с объяснениями и получен ответ. По мнению эксперта, крышки книги были изготовлены из картона, принадлежавшего ранее другому переплету: следы тиснения ясно видны и нет оснований сомневаться, что это именно элементы восточного переплета. По мнению И. В. Зайцева, крышки сначала готовили под какую-то исламскую книгу, но затем решили переиспользовать, обернув тисненные шемсе внутрь и оклеив кожей⁶. Не оставалось сомнений, что блок был вставлен в переплетную крышку, не принадлежавшую изначально этой книге.

⁶ Илья Владимирович Зайцев (род. 12 августа 1973 г., Москва) – российский историк-востоковед, доктор исторических наук, с 2016 г. – и. о. директора ИНИОН РАН.

По результатам проведенного исследования было принято решение отреставрировать листы сшить в блок по старой схеме шитья, подкруглить, проклеить, но не вставлять в отреставрированный переплет, а изготовить индивидуальный микроклиматический футляр специально разработанной конструкции для отдельного хранения переплетной крышки, книжного блока и вкладного листа.

Специалисты Донской государственной публичной библиотеки не только отреставрировали книгу Калантаряна П. «Краткий лечебник» (Нор-Нахичеван, 1793), но и оцифровали, а цифровую копию издания разместили в Донской электронной библиотеке (<https://vivaldi.dspl.ru/br0000011/view>), тем самым открыв доступ для её изучения, который ранее был невозможен. Несмотря на то, что книга написана на староармянском языке и может вызвать интерес у очень узкого круга лиц, она весьма востребована у пользователей Донской электронной библиотеки.

Список литературы

1. Акимушкин, О. Ф. К вопросу о среднеазиатских переплетах рукописных книг (30-е гг. XVIII – 30-е гг. XX в.) / О. Ф. Акимушкин // Письменные памятники Востока. – № 1 (1). – С. 143–146.

2. Арутюнян, Г. Некоторые критические замечания относительно первой части «Истории армянского народа», изд. 1951 г. / Г. Арутюнян, А. Кцоян // Известия АН АрмССР. – 1953. – № 4. – С. 75–77.

3. Варданян, С. А. Врач Петрос Калантарян и некоторые вопросы армянской медицины XVIII века / С. А. Варданян // Медицинская наука Армении НАН РА. – 2009. – № 4. – С. 15–22.

4. Петрос Калантарян Պէտրոս Բաշկիրաշէրլի // Армянская Советская Энциклопедия. – 1986. – Т. 12. – С. 384.

2. КУЛЬТУРА ВО ВРЕМЕННÓМ И ПРОСТРАНСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

2.1. Методологические основы исследования распоряжения временем в культуре

Время выступает важнейшей ценностью человеческой жизни, продолжительность которой и отношения между длительностями занятий внутри неё, собственно, и есть объективно развёртывающееся время каждой ин-

дивидуальной человеческой жизни. С рождением человека его индивидуальное время «запускается», а со смертью – завершается. Но, поскольку человек не только выстраивает стратегию своей жизни во времени, но и обладает различными образами, представлениями о нём, то на этот объективный ход времени (т.е. на отношения между объективными длительностями) накладываются ещё несколько слоев: доминирующие в каждой культуре образы времени (время как круг, круговорот вечного возвращения; время как стрела, летящая из прошлого в будущее, полёт которой необратим; время как спираль, выходящая из одной точки и неудержимо удаляющаяся от неё); преобладающие в каждом индивидуальном сознании ориентации на его модусы (прошлое, настоящее, будущее); психологические особенности восприятия длительностей разных видов деятельности и т.д. Эта многослойность многократно увеличивается, если исследователь увязывает индивидуальное время личности с сеткой многих других его разнообразных образов в культуре и способов обращения с ним (время профанное и священное, повседневное и ритуальное, переживаемое и уже пережитое и т.д.), а также объективно задаваемых историко-культурной обстановкой ритмов жизнедеятельности. Если выделить именно этот срез в понимании времени – проживание длительностей своих занятий (от их планирования до осуществления) и сопутствующие ему образы, существующие в культуре и создающие некий «каркас» индивидуальных представлений о нём, то задача классификации методологических основ исследования времени конкретизируется, а круг поисков сужается. Такой подход даёт нам возможность в данной работе сосредоточиться на социологических, культурантропологических и частично – психологических исследованиях времени. Их значение определяется для нас в данном случае возможностью сопоставить прошедшие и современные способы обращения со временем, которые и составляют культуру распоряжения им. Уже прошедшие способы, зафиксированные и осмысленные культурантропологами и социологами, можно попытаться сравнить с современными. Один из вопросов, на который мы попытаемся дать ответ в результате этого сравнения: насколько современные способы обращения со временем богаче или, напротив, беднее по сравнению с предыдущими, и что выступает основой для сравнения?

Первое, на что следует обратить внимание: способы распоряжения временем самым тесным образом связаны с темпоральными представлениями людей – представлениями, детерминированными не только доминирующими в данной культуре образами времени, но и собственным опытом жизни, а также интерпретацией опыта жизни других людей. Совре-

менный мир представляет собой сложное переплетение культур не только разных народов, но и их разных позиций на шкале единого исторического процесса. Соответственно, важнейшим методом исследования выступает выявление и анализ конкретных способов ориентаций во времени в рамках культур, находящихся в разных точках единого процесса развития человечества. Ещё более интересным является выявление «гибридных» способов, полученных в результате смешения приёмов, принятых в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществах.

Важнейшие шаги в понимании культуры распоряжения временем в традиционном обществе предприняли культурантропологи. Так, классическое культурантропологическое (его часто относят и к области политической антропологии) исследование Э. Эванса-Притчарда одного из крупнейших племенных союзов Южного Судана – нуэров – не просто раскрывает систему организации управления нилотским обществом на догосударственном этапе, но и показывает, что у нуэров существовало два типа темпоральных представлений: качественное микровремя, выстраиваемое соотношениями между видами повседневной деятельности и определяемое отношением к окружающей среде (он назвал его «экологическим временем») и количественное макровремя, определяемое отношениями внутри социальной структуры и выражаемое в терминах родства и возраста («структурное время») [14, с. 88]. Такое представление о времени, вернее, о двух типах времени можно рассматривать как предпосылку современного понимания того, что каждый тип реальности создаёт «собственное» время, которое встраивается в длительности большего масштаба. Это то, что сегодня называется свойством включённости: время индивидуальной человеческой жизни включено во время организаций, а последнее – во время больших исторических длительностей, и всё вместе встроено в астрономическое время.

Культурантропологи фиксируют также такую особенность мифологического сознания, как совмещение диахронического (последовательность «до» и «после») и синхронического (оппозиции «старый-молодой», «быстрый-медленный» и т.п.) подходов. Это даёт возможность за видимой сменяемостью, изменчивостью социальной жизни усматривать нечто константное: сохраняются те же возрастные группы, праздники, категории, в которых осмысливаются происходящие события [19]. Это в корне отличается от современного понимания поколений: меняются жизненный опыт и важнейшие характеристики поколения, в том числе темпоральные характеристики. Константными в современном обществе не являются и праздники. Каждый крупный политический поворот в развитии обществ сопро-

вождался стиранием исторической памяти, в частности, путём создания новой календарной системы. Достаточно вспомнить календарную реформу после Великой французской революции и переход на юлианский календарь после Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Можно сказать, что синхронический подход в организации жизни всё больше уступает место диахроническому, за исключением одного – поиска смысложизненных оснований, о которых писал К. Г. Юнг, но об этом мы скажем позже.

Важнейшим источником информации о темпоральных представлениях людей древней аграрной культуры (и даже народов с присваивающим типом хозяйства) являются календари. Один из древнейших календарей с циклической функцией – календарь вуку – позволяет реконструировать балийские представления о времени. Согласно им, время циклично, а жизнь непрерывна, поэтому любое событие ощущается только тогда, когда независимо существующие жизненные циклы приходят в соприкосновение [23, с. 52–53].

Идею о многослойности времени мы встречаем и у гёре – одной из народностей Кот-д’Ивуара. Согласно их представлениям, существует время происхождения мира («мифическое время»); время, отражённое в героических сказаниях; время, выражающее память о предках (до 10 поколений назад); переживаемое время и предвосхищаемое время [24]. Фактически здесь мы видим рождение представления о сложном устройстве прошлого, настоящего («переживаемое время») и будущего («предвосхищаемое время»).

Интерес культурантропологов не ограничивается древними людьми: он давно распространяется и на наших современников. Наблюдения за способами обращения со временем, а точнее распределения во времени различных занятий привели Э. Холла к идее различения культур на монохромные и полихромные [20, 21]. Понятие полихронности, введённое Э. Холлом, стало широко использоваться в кросскультурной и организационной психологии, где для измерения этого конструкта были разработаны соответствующие стандартизированные шкалы [26, с. 205–230; 27].

Учёный зафиксировал, что в разных культурах различается даже мысленное деление времени на части. Так, в американской и немецкой культурах, относящихся к монохромным, время линейно, и каждая его часть обладает стоимостью. Отсюда проистекает столь тревожное отношение к потере, трате и сохранению времени. Время, не заполненное принятием решений или выполнением каких-либо действий, уходит для представителей этих культур без пользы. Только в условиях протестантской этики вы-

ражение античного философа Теофраста «Время – дорогая трата» приобрело значение, озвученное Б. Франклином: «Время – деньги». Именно в этом выражении было зафиксировано новое отношение ко времени, воспринятое развивающимся индустриальным миром. В противоположность этому, в полихромной культуре (к которой Э. Холл относил страны Южной Европы, Латинской Америки, Африки и Арабского Востока) планирование дел не является строго линейным и последовательным: она ориентирована на общение, налаживание связей, тогда как монохромные культуры нацелены на достижения целей.

Монохромная и полихромная культуры рисуют линейный образ времени. Однако в некоторых восточных культурах всё ещё продолжает существовать циклический образ времени. Так, Д. П. Файг и Э. Мортлок, сравнивая отношение ко времени тайцев и американцев, заметили, что тайцы представляют время как озеро, вокруг которого можно бесконечно прогуливаться, продумывая своё решение [18].

Во всех случаях исследования времени культурантропологами мы наблюдаем два зафиксированных ими в древних и современных культурах приёмы: во-первых, время выступает способом измерения длительности разных видов активностей. Фактически этот приём используют и социологи при изучении бюджетов времени разных социальных групп. Во-вторых, время выступает неким ориентиром, отделяющим один временной отрезок, определяемый темпоральными представлениями, от других. И эти временные отрезки в древних культурах, по всей видимости, не накладывались друг на друга. В противоположность современному пониманию, когда разные временные срезы могут сосуществовать, приходить в соприкосновение, усиливать или, напротив, ослаблять друг друга. О таком полифоническом накладывании времени пишет Н. Н. Берберова в своих мемуарах. Гуляя по послевоенному Парижу, она остановилась перед витриной фотоателье, на которой были размещены фотографии разных лет: «На левой стороне витрины шли ряды солдат 1914 года, справа висели военные последней войны. Те и другие рассматривали друг друга, а я рассматривала их всех. ... Не звуковой, не музыкальный, но «картинный» или, может быть, «зрительный» контрапункт делался мне всё более знакомым, даже привычным в то время. ... В одну единицу времени могут не только звучать, то есть возникать, различные уровни в музыкальной сфере, но и появляться, сосуществовать в памяти различные картины, одна в другую входящие, одна из другой выходящие, в панорамической перспективе стоящие в не поддающейся анализу координации друг с другом. Десять или даже больше «картин», «снимков», «диапозитивов», «рисун-

ков», видений могут в один и тот же отрезок времени (мгновение, секунду, минуту) составить контрапункт не слышимый, а видимый воображением, зависящий от своих частей, зависимый от предыдущих видений в цепи. Части, его составляющие, то есть структуральная организация этого контрапункта образов, не зависят от давности, от отдалённости их от данной минуты ... Причём эти части контрапункта статичны, в них ничего не происходит, они *являются* и сосуществуют не во времени (как в музыке), но в перспективе (в панораме)» [2, с. 543–544]. Вот это полифоническое представление в сознании разных временных моментов родилось, как и сама полифония в музыке, не сразу, но, появившись, полифония темпоральных образов сделала излишней разделение единого потока времени на отдельные «временные зоны», изолированные друг от друга. Кроме того, само словосочетание «временные зоны» представляется не совсем удачным, так как слишком явно отсылает нас к процедуре специализации времени. Опространствование времени – процедура известная с древнейших времён, однако в современном изучении времени следует попытаться найти понятие, выражающее разнокачественность отдельных моментов, исходящих именно от времени, а не от пространства. Нам представляется, что таким понятием может выступить понятие «локус времени». Ю. М. Лотман понимал под локусом приуроченность каких-либо событий к определённому месту. Мы же предлагаем ещё одно значение для этого термина: осуществление какого-то вида человеческой активности в ранее непривычный отрезок времени, выделенный на временной, а не на пространственной шкале.

В современном обществе осваиваемых временных локусов становится всё больше. На процесс «миграции во времени», т. е. переноса осуществления человеческой активности из дневных часов в вечерние и ночные обратил внимание и Э. Гидденс, ссылаясь на М. Мэлбина, именовавшего этот процесс «колонизацией времени» [3, с. 112]. Освоение новых временных локусов означает бодрствование в ночное время миллионов людей, часть которых заняты круглосуточным поддержанием функционирования социальной инфраструктуры города; другая часть неспящих – это посетители ночных развлекательных заведений и «рабы» бесконечных компьютерных игр. Следует вспомнить и о миллионах путешественников по всему миру, переходящих в течение одних суток из одного часового пояса в другие. Как сказывается такое круглосуточное бодрствование на самочувствии разных возрастных групп – проблема не только медицинская, но и социально-культурная. Увеличение активности бодрствования в течение большей части 24-часовых суток, как считает М. Мэлбин, не

только выводит нас «за пределы экологического цикла – смены дня и ночи, в котором развивается наша биологическая и социальная жизнь», но и превращает человека, существо «дневного вида», в новый вид – вид «без временных ограничений», что может явиться источником инноваций [25, с. 105–106].

Разной степенью интенсивности и наполненности человеческой активностью отличаются рабочие, выходные и праздничные дни, хотя для многих работающих людей выходные бывают загруженными работой, а для многих пожилых людей различие между рабочими и выходными днями уже не так существенно, как раньше. Для выявления количественных временных затрат на разные виды активностей групп населения и применяется такой метод исследования, как хронокартографирование. Хронокарты позволяют зафиксировать, на первый взгляд, лишь количественное распределение видов деятельности на избранной временной шкале (как правило, это сутки или неделя). Но в современном обществе человек способен самостоятельно выстраивать «темпоральную иерархию», т. е. самостоятельно выбирать, сколько времени и на какие виды активности он будет тратить своё время. Конечно, время человека вписано во время социальных институтов, общества и даже в астрономическое. Но чем выше развитие цивилизации, тем большей свободой обладает каждый индивид. Так, благодаря электричеству мы можем не подчиняться суточным ритмам, благодаря современным информационным технологиям – работать в дистанционном режиме и т.д. Чем больше наша свобода, тем выше ответственность перед самими собой за организацию собственной жизни во времени, за использование этого ценнейшего ресурса.

Таким образом, метод хронокартографирования интересен не только получаемыми количественными, но и качественными данными: установление конкретного распределения в течение суток разных видов человеческой деятельности косвенно позволяет зафиксировать такие качественные характеристики, как степень зрелости конкретной личности, меру её самостоятельности, иерархию и взаимосвязанность различных занятий, обнаружить резервы времени, а главное – выявить те ценности, для достижения которых человек готов тратить своё время. При этом «чем более подробные характеристики занятий регистрирует исследователь, тем шире возможность их концептуального истолкования и гипотезирования» [8, с. 455]. Следует отметить трудоёмкость этого метода исследования для самих испытуемых: достаточно трудно записывать каждое своё занятие с точностью до 15 минут каждый день в течение недели. Поэтому опасность недобросовестности респондентов подстерегает исследователей и может

быть проявлена ими при заполнении обычных анкет. Для минимизации этого риска очень важно предварительно убедить самих информантов в ценности этой работы для них. Кроме того, хронокарта может быть дополнена самооценками: выявлением субъективных оценок информантами эффективности использования собственного времени.

Значительный интерес представляют кросскультурные исследования ориентаций на модусы времени – прошлое, настоящее или будущее. Выделение универсальных закономерностей и культурно-специфических особенностей формирования темпоральной перспективы проводится на основе Стенфордского опросника Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, адаптированного, в том числе, и к нашей стране [10, с. 19–31].

Но что означает ориентация на определённый модус времени? На этот вопрос не всегда легко ответить. Так, ориентация на будущее связана прежде всего с умением планировать свою жизнь на более или менее длительную перспективу, а также с низким уровнем склонности к более рискованному поведению; ориентация на прошлое означает опору на апробированные схемы поведения и на традиционные ценности. А что означает ориентация на настоящее? Только ли умение проживать, прочувствовать текущий и всегда ускользающий момент? Подчиняться текущим обстоятельствам или сопротивляться им? Какова длительность каждого из модусов? Если добавить к этому то, что в реальности человек ориентируется не на один, а на несколько модусов времени, и любая темпоральная ориентация детерминируется доминирующими культурными образами, текущим социально-экономическим статусом индивида, его образовательным уровнем, возрастом, местожительством и прочими обстоятельствами, то становится очевидной трудность ответа на поставленный вопрос. Поэтому методика Ф. Зимбардо по временной перспективе (ZTPI) предполагает выделение пяти временных ориентаций (будущее, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее, позитивное прошлое и негативное прошлое), содержательная наполненность которых, как показывают многочисленные исследования, различна в разных культурах.

Примечательно, что, наряду со способностью/неспособностью организовывать свою жизнь в реальном времени, существует ряд феноменов, связанных с невозможностью в принципе представлять себе прошлое или будущее. Так, психиатры зафиксировали у некоторых пациентов утрату памяти о собственной личности, сопровождающуюся страхом воспоминания «забытого» и вместе с тем – тягу к нему. В. Г. Остроглазов назвал этот феномен аутоперсонамнезией [7, с. 35–41]. Феномен беспамятства проявляется не только на уровне отдельной личности относительно событий её личной истории, но и применительно к истории всего общества.

Ещё М. Хальбвакс показал, что память – это не только психофизиологический феномен: она имеет коллективный характер, выполняя важнейшую социальную функцию. Индивидуальная память существует благодаря «коллективной памяти», которая репрезентируется в традициях, социальных институтах и т. п. [22]. Утрата коллективной памяти получила название социального манкуртизма, с проявлениями которого мы встречаемся достаточно часто. Но можно зафиксировать и неспособность прогнозирования, когда последствия предпринимаемых здесь и сейчас – в настоящем времени – шагов не просчитываются. Эта ущербность воображения отсекает от нас образ будущего, а, следовательно, и возможность ориентироваться на него, на цели, на идеалы.

Важно отметить, что прошлое (не говоря уже о других модусах времени) не является неизменным. На это обратила внимание Алейда Ассман: «...прошлое постоянно изменяется в зависимости от переменчивых взглядов и потребностей людей, живущих в настоящем. ... реликты прошлого... не воплощают собой прошлое как таковое, поскольку зависят от актуальных контекстов, рамок и толкований» [1, с. 193]. Это обстоятельство вызывает постоянные изменения во взаимосвязи прошлого и настоящего. Применительно к экзистенциальной форме освоения действительности отдельным человеком это означает постоянные изменения в оценках своей позиции во времени и своего бюджета времени, что обязывает исследователя постоянно выявлять субъективные оценки респондентов.

Если культурантропологи и психологи исследуют, в первую очередь, коллективные представления о времени, то в социологии главное внимание уделяется объективным темпоральным характеристикам самих социальных процессов, что нашло отражение во введении понятия «социальное время». Однако понятие времени проникало в социальные науки с трудом: несмотря на то, что Э. Дюркгеймом это понятие было употреблено ещё в 1912 г., а П. Сорокин и Р. Мертон дали ему достаточно точное определение (социальное время – это выражение «изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве отсчёта» [28, с. 615–629]), исследования собственно социального времени в нашей стране начались лишь с 60-х гг., когда в СССР стали интенсивно проводиться исследования бюджетов времени трудящихся. В философском плане социальное время начали изучать ещё позже: отметим работы А. Н. Лоя, Н. Н. Трубникова, В. П. Яковлева, В. Н. Ярской [4, 9, 16, 17]. С тех пор интерес к социальному времени постоянно возрастает.

Мы не можем согласиться с утверждением, что «социальное время отождествляется с самими социальными изменениями» [6, с. 41]. Скорее,

социальное время – это форма, выражающая отношения между длительностями и другими темпоральными характеристиками социальных процессов (таких как последовательность, скорость, ритмичность, направленность, периодичность и т.д.). Эпистемологическое значение понятия социального времени выражается в фиксации различий между отдельными стадиями развивающихся социальных процессов, определении границ этих стадий, перерывов в движении, разрывов в поступательном развёртывании, установлении направленности развития (поступательного или попятного), наконец, в регистрации (идентификации) длительности разных видов активности субъектов (акторов). В таком понимании время использовалось социологами на всём протяжении XX в.: достаточно указать на исследования бюджетов времени. Но следует различать время как инструмент измерения и время как предмет самостоятельного анализа. И, конечно, принципиально важным является разграничение объективного времени социальных изменений и субъективного восприятия времени.

Наконец, следующим поворотом темы времени выступает осознание возможности перехода от философских рассуждений к «актуальной социологии», например, к «социологии рискованного поведения, ответственности, различных временных перспектив и так далее» [5, с. 221]. Этот переход возможен и необходим, так как, как показал Н. Луман: «время есть измерение смысла» [5, с. 228].

Следует отметить, что интерес к социально-историческому времени развился, когда встала проблема Смысла: смысла человеческой жизни и человеческой истории [11]. Связь времени со Смыслом показал К. Г. Юнг, исследуя невероятные совпадения, встречающиеся в человеческой жизни. Его основной идеей является мысль о существовании единого смыслового поля (пространства идей, мыслей, представлений), развёртывающимся вне пространства и времени. Такое апричинное представление о смысловых совпадениях К. Г. Юнг и называет синхронистичностью: синхронистичность – это «особый пример общей акаузальной упорядоченности», связанной с архетипами [11, с. 303]. Но даже не углубляясь в сферу бессознательного, можно обнаружить связь времени со Смыслом, поскольку «интерпретативные схемы» нашего сознания конституируют измерение нашего внутреннего времени [12, с. 371–398]. «Смысл отсылает к внутреннему сознанию времени, к *durée*, в которой он изначально конституируется в своём наиболее общем понимании» [13, с. 729].

Таким образом, исследования культуры распоряжения временем базируются как на вычленении множества образов времени, так и на выявлении способов, с помощью которых индивиды организуют свою деятель-

ность, мысленно размещая свои цели и мотивы в разных модусах времени и в разных интерпретациях этих модусов. Из всего богатства исследовательских приёмов наиболее интересным нам представляется хронокартографирование, которое предоставляет бесценный эмпирический материал, который можно интерпретировать и реинтерпретировать во вторичном анализе, используя разные теоретические подходы – от деятельностного до конструктивистского.

Список литературы

1. Ассман, А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима модерна / А. Ассман ; пер. с англ. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
2. Берберова, Н. Н. Курсив мой. Автобиография / Н. Н. Берберова. – Москва : Согласие, 1996. – 736 с.
3. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс ; пер. с англ. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. Лой, А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство» / А. Н. Лой. – Киев : Наукова думка, 1978. – 135 с.
5. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман ; пер. с нем. – Москва : Логос, 2007. – 360 с.
6. Нестик, Т. А. Социальная психология времени / Т. А. Нестик. – Москва : Институт психологии РАН, 2014. – 496 с.
7. Остроглазов, В. Г. «AUTOPERSONAMNESIA». Новый психопатологический феномен? / В. Г. Остроглазов // Независимый Психиатрический журнал. – 2005. – № 1. – С. 35–41.
8. Патрушев, В. Д. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей / В. Д. Патрушев // Социология в России. – Москва : Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 452–471.
9. Трубников, Н. Н. Время человеческого бытия / Н. Н. Трубников. – Москва : Наука, 1987. – 256 с.
10. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZTPI) / А. Сырцова, О. В. Митина, Дж. Бойд [и др.] // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 4. – С. 19–31.
11. Штомпель, Л. А. Лики времени / Л. А. Штомпель. – Ростов-на-Дону – Санкт-Петербург : Компьютериконь-АРИТА, 1997. – 201 с.

12. Шюц, А. Биографическая ситуация / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. // Мир, светящийся смыслом. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – С. 371–398.
13. Шюц, А. Смысловое строение социального мира / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. // Мир, светящийся смыслом. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – С. 687–1022.
14. Эванс-Притчард, Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / Э. Эванс-Притчард ; пер. с англ. – Москва : Наука, 1985. – 235 с.
15. Юнг, К. Г. Синхронистичность / К. Г. Юнг ; пер. с англ. – Москва : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 1997. – 320 с.
16. Яковлев, В. П. Социальное время / В. П. Яковлев. – Ростов-на-Дону : Изд-во РУ, 1980. – 160 с.
17. Ярская, В. Н. Время в эволюции культуры / В. Н. Ярская. – Саратов : Изд-во СУ, 1989. – 152 с.
18. Fieg, J. P. Common Core: Thais and Americans / J. P. Fieg, E. A. Mortlock. – Publisher : UNKNO ; Revised edition, 1989. – 118 p.
19. Gell, A. The Antropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images / A. Gell. – Oxford : Berg, 1992. – 354 p.
20. Hall, E. T. The Dance of Life: The Other Dimension of Time / E. T. Hall. – New York : Anchor Press, 1983. – 250 p.
21. Hall, E. T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans / E. T. Hall, M. R. Hall. – Boston : Nicholas Brealey Publishing. 2000. – 224 p.
22. Halbwachs, M. La mémoire collective / M. Halbwachs. – Paris : Presses univ. de France, 1950. – 170 p.
23. Lansing, J. St. The Three Worlds of Bali / J. St. Lansing. – New York : Praeger, 1983. – 170 p.
24. Le Goff, J. Histoire et mémoire / J. Le Goff. – Paris : Gallimard, 1988. – 416 p.
25. Melbin M. Night as frontier / M. Melbin. In : *Cultures & Conflits*. [En ligne], 105–106 | printemps/été 2017, mis en ligne le 15 juillet 2019. – URL : <http://journals.openedition.org/conflits/19434> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/conflits.19434> (дата обращения: 17.10.22).
26. Polychronicity and the Inventory of Polychronic Values (IPV): The development of an instrument to measure a fundamental dimension of organizational culture / A. C. Bluedorn, T. J. Kalliath, M. J. Strube & G. D. Martin // *Journal of Managerial Psychology*. – 1999. – V. 14. – P. 205–230.

27. Poposki, E. M. Development of a New Measure of Polychronicity / Elizabeth M. Poposki, Frederick L. Oswald, Randy J. Brou // Navy Personnel Research, Studies, and Technology. April, 2009. – М. : Michigan State University, 2009. – 36 p. – URL : https://www.researchgate.net/publication/235186497_Development_of_a_New_Measure_of_Polychronicity (дата обращения : 22 октября 2022 г.)

28. Sorokin, P. A. Social Time: A Methodological and Functional Analysis / P. A. Sorokin, R. K. Merton // American Journal of Sociology. – 1937. – Vol. 42. – № 5 (Mar., 1937). – P. 615–629. Published By: The University of Chicago Press.

2.2. Культура стратегического управления городом

Процесс современной урбанизации носит противоречивый характер: с одной стороны, в мире продолжается количественный рост городов и городского населения (что является подтверждением сохраняющейся притягательности города для наших современников), с другой стороны, города переживают кризис. Он выражается в угасании жизни в старых промышленных центрах и моногородах, росте социального неравенства, обостряющегося всё более высокими ценами на жильё и процессами городской сегрегации, хаотичной точечной застройке, транспортных проблемах. В этих обстоятельствах Р. Флорида и усматривает суть нового кризиса городов [13]. Кризис, как известно, способен выводить на новый уровень развития при условии разрешения того противоречия, крайним выражением которого он является. На наш взгляд, таким противоречием является противоречие между интересами горожан, составляющих существо города (следовательно, интересом Города как единого целого), и его управленческими структурами, действия которых во многом и привели к современному городскому кризису. Поэтому сам Город можно рассматривать (опираясь на теорию полей Н. Флигстина и Д. Макадам [12]) как поле стратегических действий, поскольку городская жизнь со всеми упорядочивающими её нормами, правилами и осуществляющимися практиками представляет собой сконструированный социальный порядок, к которому привязаны все «городские акторы» и в котором они взаимодействуют.

Для более детального рассмотрения Города как поля стратегических действий и культуры стратегического управления им мы обратимся к рассмотрению логики развития городов, моделям городского переустройства и тому социальному порядку, который конструируется в нём.

Большинство ранее сформулированных моделей и теорий так или иначе исходят из старого понимания логики развития городов, состоящей, во-первых, в рассмотрении города как зеркала социальных процессов; во-вторых, в убеждении, что все города развиваются примерно одинаково: они экстенсивно развивают те градообразующие признаки, из которых возникли (промышленный город развивает промышленность, административные центры наращивают политико-административные ресурсы, курортные города захватывают всё большие природные ресурсы для расширения сети гостиниц и санаториев и т.д.). Одновременно современные города вписывают в свои стратегические планы развития решение транспортных, экологических, социально-демографических и других проблем. Однако такое понимание не учитывает открытия, что каждый город способен совершать прорывы в своем развитии на основе выработки и следования собственной логике развития. Об этом заявили создатели сборника «Собственная логика городов» [11], проанализировав пути развития ряда европейских и американских городов: Манчестера и Шеффилда, Парижа и Лос-Анджелеса, Дрездена, Берлина и др.

О завершении прежней логики развития пишет Э. Глейзер: «...эра индустриального города закончена..., и нам по наследству достались проблемы былых промышленных гигантов, которые в эту новую эпоху не смогли найти путь к обновлению» [4, с. 70]. Обновление возможно лишь на пути выстраивания собственной логики развития. Мы согласны с авторами Л. А. Штомпель и В. С. Гриценко в том, что развитие городов следует рассматривать системно, выделяя не только такие факторы, как технико-технологические нововведения, пространственные изменения, экономические или политические преобразования, культурные трансформации, а выискивая «собственную имманентную логику развития каждого конкретного города. ... Поэтому модель "идеального города" без учета специфической логики конкретного города будет всегда либо поверхностна, либо утопична» [5, с. 643].

Примеры утопических проектов весьма многочисленны: от «Города Солнца» Т. Кампанеллы, «города-сада» Э. Говарда до социалистических градостроительных утопий и современных концепций городского устройства: «мировых городов» П. Холла, «супергорода» Ф. Броделя, «глобального города» С. Сассен, «информационального города» М. Кастельса. Все они основаны на идее «перекройки» городской «ткани», которая состоит из вещественных элементов (зданий, сооружений, комплексов застройки, упорядоченных в градостроительном плане) и людей, способы жизни которых весьма различны. Поэтому и акцент в утопических проек-

тах делается то на изменении материально-вещественного «тела» города, то на изменении образа жизни людей. Ведь «города – это не здания, а люди» [4, с. 24]. На том, что город – это прежде всего люди, не уставал напоминать В. Л. Глазычев: «Город – это ведь не просто скопление домов и скопление людей, в основном оторванных от сельского труда. Это еще и средоточие всех форм активности множества людей, составляющих самоуправляемое сообщество» [3, с. 7].

Именно поэтому в основе большинства моделей развития городов лежит идея улучшения качества человеческой жизни. Так, благородный мотив обеспечения собственным жильём рабочих сподвиг Э. Говарда на развитие идеи возведения новых автономных и самодостаточных поселений за чертой существующих городов – так должны были возникнуть города-сады. «Говард поставил перед собой амбициозную задачу: соединить лучшее, что могли дать город и сельская местность (экономическая активность и широта выбора у первого, чистый воздух и природный ландшафт у второй), избавившись от их недостатков: ужаса трущоб викторианского города и нищеты деревенской жизни, угнетённой общим упадком сельского хозяйства» [2, с. 98]. Функционировать «город-сад» должен был на основе самоуправления жителей – рабочие добровольно вступали в члены жилищного товарищества (возводившего поселок и потом владеющего им), становились его акционерами (пайщиками), а затем, погашая облигационный долг, превращались во владельцев акций, и тем самым, из нанимателей квартир – в собственников жилищ. Э. Говард делал особый акцент на «финансовую поддержку самодеятельности горожан со стороны строительных обществ, ассоциаций кооперативов и едва набиравших силу профсоюзов» [2, с. 99].

Мотив соединения городского и сельского преимуществ, а также мотив обеспечения «достоинства и ценности личности» демонстрирует предложение Ф. Л. Райта о создании «Акрогорода» [9, с. 41]. Идея совмещения «коллективно-индивидуального» и индивидуальности как значимого образования представляется действительно перспективной, но требующей своего развития и конкретизации. Нам представляется, что коллективно-индивидуальное – это и есть тот интерес Города, т.е. коллективный интерес всех населяющих его людей, удовлетворять который и надлежит городским управленцам. В качестве сигналов неблагополучия для них должны выступать транспортная проблема (само наличие которой выступает «не симптомом успеха города, а доказательством его провала»), точечная застройка многоэтажными домами (концепция «замуровывания человека... среди безумия небоскрёбов» безнадежно устарела) [9, с. 73,

77], наличие ветхого и бедного жилья. Но не всё в теории «Акрогорода» было утопичным: вполне реальной и реализованной сегодня оказалась идея самоэксплуатации на садовых участках наших соотечественников. Райт тоже предлагал работникам (в дополнение к своей основной работе) трудиться «с полного согласия работодателя» в своём саду и «интегрировать» свою продукцию «в общую систему местных рынков», получая за это половину её розничной стоимости) [9, с. 125–126]. В обоих примерах мы видим стремление превратить интересы горожан в коллективный интерес Города. Что формирует городские процессы? Соединение политической воли к преобразованиям, административный ресурс, инвестиции и тот осознанный коллективный интерес горожан, который отвечает запросу на улучшение качества жизни. Поэтому игнорирование этого коллективного интереса ведёт к стагнации, застою социального роста и культуры всего города. Взаимодействие различных акторов в едином поле городских процессов, их кооперация и конкуренция между собой на основе осмысления не только своих интересов, но и совокупного интереса города постоянно меняет само поле. В близком ключе рассуждает и Мартина Лёв, делая акцент не на акторах, а на существующие в городе структуры, «которые влияют на деятельность независимо от конкретных акторов. Обнаруживаются типичные паттерны действия, повторяющиеся в истории каждого города, притом, что группы акторов меняются...» [7, с. 49]. Разворачивание этих паттернов действия, вырабатываемых в каждом городе, являются репрезентантами тех правил и тех ресурсов, которые наличествуют в поле городских процессов данного конкретного города. Они и выступают средствами системного воспроизводства городских процессов, в том числе – реакций горожан на происходящее «здесь и сейчас», их манеры поведения, различных практик, и в конце концов – структурирования городской социальности. Так и рождается «собственная логика городов» – как развёртывание общего городского движения, но через «специфические своеобразные связи и композиции» [7, с. 52]. Специфичность практик, осуществляемых в каждом конкретном городе, реализует локальность путей, нарративов, стратегий, «посредством которых своеобразие переживается, создаётся и воспроизводится» [7, с. 53]. Эти практики конструируются и реализуются в конкретном поле городских стратегических действий, оказывая и в дальнейшем воздействие на паттерны опыта людей, живущих там.

Сегодня на примере решения транспортных проблем делается всё более явной тенденция необходимости более тесного взаимодействия органов городской власти и рядовых горожан, так как транспортные нововве-

дения затрагивают повседневную жизнь каждого гражданина. Сама возможность перемещения по городу подразумевает реализацию общественной и личной форм свободы передвижения, реализацию права на использование городского пространства. Таким образом, вырисовывается единое поле взаимодействия трёх акторов: городской власти (т.е. исполнителей нормативной, распределительной и организационно-управленческой и контрольной функций), рядовых горожан и представителей бизнес-сообществ (т.е. тех, кто обеспечивает работу транспорта).

Если же в качестве примера мы будем рассматривать сохранение исторической застройки, то также появляется поле стратегического действия: городская власть, рядовые горожане, объединения горожан (например, Общество сохранения исторического наследия) и представители бизнес-сообщества (являющегося внутренне противоречивым: одна часть потенциально способна взять на себя роль инвесторов для проведения реставрационных работ, бережно сохраняя историческую застройку и «дух» города, а другая придерживается принципиально другой стратегии – быстро получить прибыль, инвестировав в новую застройку на месте снесённых исторических памятников). Практическая реализация такого взаимодействия может принимать форму государственно-частного партнерства, которое демонстрирует использование передовых механизмов реализации общественных услуг, хотя масштаб их деятельности ограничен объемом финансирования за счет государственного бюджета. Н. Флигстин и Д. Макадам, признавая большое значение внешних государственных структур, тем не менее, выводят их за границы поля стратегических действий. Мы же считаем, что городские администрации как раз осуществляют взаимодействие между городским полем стратегического действия и различными государственными полями.

Практика соучаствующего проектирования также может быть рассмотрена в качестве примера городского поля стратегического действия. Эта практика рождается в тех случаях, когда мастер-план территории основан на общем видении развития территории всех тех, кто заинтересован в её развитии: т. е. не только застройщиков, власти, бизнес-структур, но и жителей.

Эвристичность введения понятия городского поля стратегических действий подтверждается многими примерами, иллюстрирующими эффективность использования потенциала городских жителей в качестве равноправных акторов. Так, Карстен Циммерман, исследуя возможности муниципальных органов власти в ситуации жестокого бюджетного кризиса в Германии в начале 90-х гг. XX в., рассматривал две противоположные по-

зиции. Сторонники одной (в частности, Х. Вольман) выражали убеждение, что деятельность муниципальных органов власти в решающей степени определяется и ограничивается внешними экономическими и институциональными условиями, тогда как привержены другой (например, М. Майер) указывали, что в условиях постфордистской муниципальной политики муниципальные органы власти способны использовать потенциал социальных сетей и инновативных социальных сред для успешного развития [15, с. 262–292].

Основной вывод сравнительных исследований разных стратегий управления городами в Англии, Франции и Италии, как показывает К. Циммерман, состоит в том, что локальная политика не должна замыкаться только на уже сложившихся политико-административных институтах, привычных практиках администрирования и рамочных социально-экономических условиях, а должна использовать местный общественный контекст, сети бизнес-сообщества, возможности межинституциональных контактов и вовлекать внешних акторов [15]. На этом постоянно настаивал и В. Л. Глазычев, организовывая практическое взаимодействие жителей и властей в ряде городов Поволжья (Тихвине, Набережных Челнах, Елабуге) и Сибири. Он был убеждён, что залогом успешного развития города является выстраивание диалога между властью и населением, бизнесом, экспертными группами.

Городское поле стратегических действий предполагает участие в этом процессе всех горожан, в том числе и малоимущих. Но для этого необходимо поддержать их веру в себя: не просто предоставлять готовое жильё или включать в другие социальные программы (эти меры необходимы, но недостаточны). Как показал Ги Бюржель, также нужно создавать рабочие места, улучшать транспортную доступность, а главное – создавать «возможности подъёма по экономической лестнице» [1, с. 138].

Таким образом, город выступает сложным полем стратегических действий, а действующие в нём акторы (отдельные горожане, объединения горожан в отдельные общества, представители бизнеса и городские управленцы) создают такие эффекты, которые не зависят от первоначальных планов отдельных участников городской жизни.

Вместе с тем, изменения в качестве жизни горожан преобразуют и сам город. Не отдельные акты по созданию бренда города способны изменить его, а качество жизни в нём способно превратить город в притягательный объект как для туристов, так и для постоянных жителей.

Поскольку главным актором, действующим в поле стратегических действий, является государство, то именно оно, а не частные застройщи-

ки, должно стать главным заказчиком амбициозных и дорогостоящих проектов жилого и общественного назначения.

Вместе с тем, городское поле стратегических действий полно несоответствий в разноголосице языков, на которых говорят друг с другом все участники городской жизни. Возможно ли выявить основы, позволяющие им хотя бы слышать друг друга, а в идеале – понять? Для этого обратимся к явным проблемам, которые пытаются решить и урбанисты, и градостроители, и управленцы, и рядовые жители.

Проблема первая: хороши ли наши города, нравятся ли они самим жителям? Если ответ будет отрицательным, то непонятно, почему люди так стремятся в города. Коммунальные удобства, работа, учёба, инфраструктура развлечений – всё это, действительно, больше развито в городах. Однако есть и отрицательные стороны: разобщённость, одиночество, опасности – вот обстоятельства, которые окружают человека в городе.

Для конкретизации ответа на заданный вопрос обратимся к результатам исследования, проведённого в 2018 г. в 29 городах Южного федерального округа. Сравнение ответов на два вопроса («Нравится ли Вам Ваш город?» и «Считаете ли Вы, что Ваш город уютный и привлекательный?») показывает значительный разрыв между общей положительной оценкой города и оценкой его привлекательности: город нравится 82,9 % опрошенных из крупнейших городов, но только 69,1 % респондентов этих же городов считают свои города уютными и привлекательными; такой же разрыв мы фиксируем у жителей крупных городов – 85,3 % и 72,8 %, больших – 84,0 % и 77,9 %; 76,8 % и 72,2 % – в средних и 83,8 % и 72,9 % – в малых городах соответственно [14]. Интерпретация этих разрывов может быть различной, даже полярной: один полюс – люди ценят свой город не за уют и эстетические характеристики, например, за исторические памятники и красивые архитектурные сооружения; другой полюс – люди неискренни и сами не знают, чего хотят.

Нам представляется, что люди приспособились к тем удобствам и неудобствам, которые они встречают в городе. Адаптация к ареалам городского расселения была рассмотрена ещё в чикагской социологической школе. Но нам важен не только анализ процесса, но и его результаты. А результаты исторически изменчивы. Если в процессе строительства нового города (района, дома) его жители активно участвовали в нём, то с течением времени их «захватили» другие занятия. На это обратил внимание Г. Ревзин: «пришедшие» сначала «очень активно участвовали в городской жизни. Но со временем они установили стабильный, минимально необходимый для жизни уровень обмена с остальным городом. И обособи-

лись» [10, с. 258]. Вот это «обособление» горожан от своих городов, можно сказать, отчуждение от них выступает серьёзной проблемой на пути переустройства городской жизни, которое не может быть осуществлено руками одних урбанистов. Отчуждение горожан от решения проблем городской жизни чревато разрушением городского поля стратегических действий.

В противоположность такому разрушению Ч. Монтгомери приводит примеры активного гражданского участия в решении конкретных городских проблем – это установление велосипедной стоянки возле школы в Саратога-Спрингс в 2009 г. (потребовалось вмешательство ТВ и газет), реализация предложения обычного горожанина о том, как разгрузить перекрёсток на Клинтон-стрит в Бруклине в 2001 г. (вначале он бросал яйца в сигналищающего автомобилиста, затем стал посвящать автомобильным сигналам хокку, но закончилось всё, когда, вникнув в тонкости управления транспортной ситуацией, он придумал, как перепрограммировать светофоры на его улице, и предложил свою идею департаменту транспорта. На это у него ушло несколько месяцев). Можно вспомнить и саму Джейн Джекобс, которой вместе с соседями и союзниками удалось победить даже Роберта Мозеса – известного американского градостроителя, благодаря усилиям которого Нью-Йорк принял совершенно другой облик. Но не все его проекты (как и градостроительные работы под руководством барона Османа по изменению Парижа, проводившиеся в третьей четверти XIX в.) отвечали потребностям рядовых горожан, не желающих покидать свои родные районы. Джейн Джекобс с единомышленниками сумела добиться отмены трёх его проектов, которые грозили изменить «физическую ткань» Нижнего Манхэттена. Они «собирали подписи под петициями, обращались к местным властям и шумно прерывали совещания по вопросам градостроительства. Мозес пытался задеть активистов, особенно женщин, называя их простыми мамашками, у которых нет ни опыта, ни знаний в градостроительстве. Но когда эти «мамашки» заручились поддержкой городского политического босса Демократической партии Кармине де Сапио, тоже жившего в Виллидже, городская Бюджетная комиссия проголосовала против плана строительства дороги, и Мозес потерпел сокрушительное поражение» [6, с. 36]. Такое же «низовое противодействие» было организовано и в отношении «плана строительства скоростного шоссе через Брум-стрит, для чего потребовалось бы снести множество лофтовых зданий XIX века по всему району», району, который сегодня известен как Сохо. Третий проект предусматривал снос старых домов и складов рядом

с домом Джекобс, чтобы выстроить многоэтажное социальное жилье. Но и в этом случае «Мозес снова проиграл» [6, с. 37].

Примеры можно продолжать, но главное – таких людей вдохновляет мысль, что «любой, кто готов потрудиться, способен изменить то, как функционирует город» [8, с. 342]. В наших южнороссийских городах тоже немало фактов успешной борьбы горожан за сохранение исторической застройки, озеленение и благоустройство отдельных дворов и районов. Но немало и поражений. Мы ни в коем случае не утверждаем, что город не нуждается в архитектурных преобразованиях. Но гомогенизация застройки, неуважение к желаниям коренных горожан жить там, где они привыкли жить, являются важнейшей проблемой, обсуждать которую надо на одном языке, позволяющем слышать как предложения горожан, так и предложения коммерческих застройщиков. И основанием этого языка должны быть ясные мотивы предполагаемых преобразований, не сводимые лишь к коммерческой выгоде.

Список литературы

1. Бюржель, Ги. Умирает ли Париж? / Ги Бюржель ; пер. с фр. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 176 с.
2. Глазычев, В. Л. Город без границ / В. Л. Глазычев. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 400 с.
3. Глазычев, В. Л. Урбанистика / В. Л. Глазычев. – Москва : Европа ; Новая площадь, 2008. – 218 с.
4. Глейзер, Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / Э. Глейзер ; пер. с англ. И. Кушнareвой. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2014. – 432 с.
5. Гриценко, В. П. Модели выхода из современного урбанизационного кризиса: возможна ли «иная метрополизация». Ст. 1 / В. П. Гриценко, Л. А. Штомпель // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. – 2018. – Т. 43. – № 4. – С. 640–646.
6. Зукин, Ш. Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / Ш. Зукин ; пер. с англ. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2019. – 360 с.
7. Лёв, М. Структуры собственной логики: различия между городами как концептуальная проблема / М. Лёв ; пер. с нем. // Собственная логика

городов: Новые подходы в урбанистике. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 40–66.

8. Монтгомери, Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь / Ч. Монтгомери ; пер. с англ. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 368 с.

9. Райт, Ф. Л. Исчезающий город / Ф. Л. Райт ; пер. с англ. – Москва : Strelka Press, 2016. – 180 с.

10. Ревзин, Г. И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики / Г. И. Ревзин. – Москва : Strelka Press, 2019. – 270 с.

11. Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / пер. с нем. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

12. Флигстин, Н. Теория полей / Н. Флигстин, Д. Макадам ; пер. с англ. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 464 с.

13. Флорида, Р. Новый кризис городов: джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать / Р. Флорида ; пер. с англ. – Москва : Издательская группа «Точка», 2018. – 368 с.

14. Ценность города и ценности горожан: монография / Южный федеральный университет; под общ. ред. Л. А. Штомпель. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2019. – 304 с.

15. Циммерман, К. Собственная логика городов: взгляд с точки зрения политологии / К. Циммерман ; пер. с нем. // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 262–292.

2.3. Сегментация пространства и времени в городе: жизнь поколений⁷

Исследования хода важнейшего процесса современности – урбанизации – всегда сопровождаются размышлениями о форме будущих городов: будет ли это «город широких горизонтов» Ф. Л. Райта, предполагающий развитие пригородов, «город-сад» Э. Говарда, огромные агломерационные ареалы, снижающие плотность населения на грандиозных площадях пригородов или, напротив, сверхплотные города с высотной застройкой – во всех вариантах рассуждают о людях вообще. Учёт такой «детали», как возраст, начинается на другой стадии градостроительного проектирова-

⁷ Исследование выполнено в Южном федеральном университете за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период».

ния. И здесь под влиянием веяний времени проектируют безбарьерную среду, детские и спортивные площадки и некоторые другие «приспособления», облегчающие перемещения по городу и вносящие полезные элементы в образ жизни горожан. Однако значение принадлежности к определённому поколению, значимость межпоколенческих различий между горожанами на более глубоком уровне градостроители не учитывают. С другой стороны, развиваются исследования поколений, но они не проецируют различия между поколениями на условия жизни в городе. Нам представляется, что такая ситуация во многом обусловлена превалированием сегментарного подхода в исследованиях самого разного характера.

Сегментация является одной из особенностей современного управленческого мышления. Она заключается в процессе деления любого изучаемого явления на сегменты, обладающими схожими характеристиками (особенностями поведения, потребностями, предпочтениями и т.д.). С помощью сегментации определяются точки возможной оптимизации управленческой деятельности. В этих же целях оптимизации, но уже в рамках работы домашних хозяек на кухне, т.е. рационализации организации рабочих процессов, происходящих на кухне, архитектор из Австрии Грете Шютте-Лихоцки ещё в 1927 г. создала свою знаменитую модель «Франкфуртской кухни». Для этого она скрупулёзно проанализировала все рабочие процессы, происходящие на кухне, тщательно измерила необходимые для них движения домохозяйки, зафиксировала время, затрачиваемое на каждое из них, а затем придумала, каким образом создать комфортное, практичное рабочее пространство на минимальной площади ($1,87 \times 3,44$ м), сократив каждое движение на несколько секунд за счёт более удобного, рационального, эргономичного расположения каждого предмета в соответствии с технологией рабочего процесса [6]. Предложенные Шютте-Лихоцки встроенная мебель и оборудование, реализации принципов эргономичности, функциональности и рационального использования пространства явились основополагающими для проектирования современного кухонного оборудования. Однако современные хозяйки предпочитают большую площадь, чем $6,43 \text{ м}^2$. Вероятно, что жизнь на кухне не сводится только к экономии усилий и рационализации трудового процесса.

Это же стремление к зонированию мы наблюдаем и на материале квартиры, а также города в целом. Зонирование территории выступает основным способом проектирования и городов, и частных жилищ. Разделение пространства можно рассматривать как следствие разбиения социальных процессов и частной жизни на специализированные сегменты, что было

апробировано, как показал М. Маклюэн, ещё в эпоху Ренессанса [5]. Оно переживалось и тогда, и теперь как страдание и безумие. В. Л. Глазычев отмечает, что зонирование как инструмент управления появилось в США ещё в 1880-е гг., где в калифорнийском городке Модесто его применили в целях вытеснения китайских прачечных из жилых кварталов. «С этого момента зонинг стали использовать с целью сохранения капитализации обитаемых территорий и недопущения нежелательного соседства» [1, с. 118]. В XX в. зонинг стал ещё более распространённым приёмом. В США к инструментам зонирования относится законодательное определение минимального размера участка, фиксация минимальной стоимости возводимой недвижимости (что закрепляло пространственно-городскую сегрегацию, основанную на имущественном неравенстве) и дешёвый ипотечный кредит. Реализация приёмов зонирования привела к неоднозначным последствиям, среди которых выделим монотонность застройки «левитаунов» в Пенсильвании и Нью-Джерси, исход белого населения (представителей нижнего среднего класса) из городов, возрастание доли чернокожего населения в американских городах, приводящий к их упадку вплоть до середины 70-х гг. XX в. Субурбанизация привела к разползанию городов, сокращению сельскохозяйственных угодий в связи с бесконечными лентами застройки вдоль дороги-улицы. Субурбия как тип среды совершенствуется, демонстрируя способность к регенерации, однако это не отменяет главного приёма – сегментации.

Уютно ли человеку в ситуации, когда все его действия просчитываются до миллиметров и секунд, а его жильё как две капли воды похоже на дом соседа? Не чувствует ли он себя придатком производственных (или любых других) процессов и не сопротивляется ли бессознательно (или сознательно) такому давлению? О границах зонирования как приёма свидетельствуют и опросы населения. Так, в 70-х гг. в Ванкувере был проведён масштабный опрос населения с целью выяснения, какой город является наиболее пригодным для жизни. «На основании опросов был сделан принципиальный вывод, что для ответа недостаточно осуществить функциональное зонирование, распределить плотности и этажности застройки, реконструировать транспортные системы» [1, с. 221]. Эта недостаточность преодолевалась с помощью всестороннего учёта составляющих качества жизни населения, в том числе – доступности жилья, чистоты воздуха, развитой социальной инфраструктуры, широкого рынка трудоустройства, доступных мест отдыха, а также возможности граждан участвовать в принятии планировочных решений. Пригодность для жизни базируется на

собственном опыте горожан, но повторяем, что этот опыт – неодинаковый у разных поколений.

Собственно, все вышеприведённые примеры есть образцы обычной аналитической работы. Но любой анализ должен перерасти в нечто большее, а именно в синтез. «Застревание» же на стадии анализа и стадии разложения целостности на составные части ведёт к механистической модели изучаемого явления, а претворение этой модели в реальность – к застуханию развития в целом. Это особенно заметно на материале такого сложного образования, каковым является город.

Город – это, с одной стороны, результат человеческих сознательных усилий, но, с другой стороны, он обладает и собственной логикой развития. Это означает, что ошибки и просчёты, допущенные в любой из сфер его существования, влекут за собой деградацию городской жизни в целом. Классический пример – г. Детройт, ставший в XX в. центром автомобилестроения и поднявшийся благодаря этому на вершину процветания, однако кризис автомобильной промышленности больно ударил не только по основной градообразующей функции, но и по всему городу: его центр превратился в руины, а в некогда роскошном кинотеатре, расположенном в Мичиган-билдинге, устроена крытая автопарковка. Этот пример указывает не только на уязвимость городов, опирающихся на одну-единственную градообразующую функцию, но и на то, что город – это сложное переплетение социальных связей, и видимая часть их (инженерная и транспортная инфраструктура, узаконенная система землепользования, принятая стратегия развития, архитектурно-планировочные особенности и т.д.) – лишь вершина айсберга, а его устойчивость определяется как раз невидимой частью городской жизни – различиями между поколениями.

Казалось бы, различия между поколениями – тема широко обсуждаемая и глубоко исследуемая. На одном полюсе – многочисленные исследования молодёжи (отметим, например, интересное исследование В. Радаева, посвящённое этой теме, но сконцентрированное на проблеме современного молодого поколения [7]), на другом – изучение людей старшего возраста, образ жизни, повседневные практики и коммуникации которых претерпевают значительные изменения (работы Кьюадагно, Й. Рейда, М. Э. Елютиной и Э. Е. Чекановой, Ю. А. Зеликовой, А. А. Смолькина, Г. Р. Хузеевой и других). Активно обсуждаются проблемы урбанизации (от Д. Джекобс до В. Л. Глазычева). Однако преломление особенностей жизни разных поколений горожан применительно к городам как особым социальным мирам и средам (исключение составляет, пожалуй, лишь реализация идеи доступной среды) если и встречается, то исключительно на

основе вышеописанной логики сегментации. Конечно, проводятся опросы и выявляются рейтинги лучших и худших городов для пенсионеров, при этом учитывается степень развитости инфраструктуры, высокий уровень социальных услуг и доступность рекреационных ресурсов. Но эти важнейшие составляющие городской среды существуют для всех, а не только для пенсионеров.

Специально для пенсионеров строят дома престарелых, а также целые города. Первое подобное поселение появилось в 1950-х гг. в США. Назывался этот посёлок Янгстауном, однако он не приобрёл популярности. Но идея была подхвачена владельцем строительной компании Дель Уэббом: он приобрёл рядом с Янгстауном участок земли около 38 км² и приступил к строительству Сан-Сити. Город для пенсионеров Sun City был построен в Техасе специально для пожилых людей. Здесь есть не только удобные дома и квартиры, но и всевозможная инфраструктура, центры занятости (в том числе бассейны, поля для игры в гольф, боулинг-центры, лунопарк и т.д.). Поселиться (т.е. купить себе дом) здесь могут люди, которые достигли пенсионного возраста, но зато время посещения родственниками строго регламентировано, а детям до 18 лет запрещено даже простое посещение бабушки и дедушки, чтобы не нарушать покой остальных горожан. Большинство пенсионеров передвигается здесь на электромотоциклах для гольфа, а также на обычных автомобилях и велосипедах. Они могут осваивать новые профессии и вести подвижный образ жизни. Главный принцип: в Sun City принято не доживать, а наслаждаться жизнью. Согласно статистике, его резиденты живут на 5–6 лет дольше своих ровесников из других типов поселений. Сегодня в США около 500 подобных сообществ, созданных по образу и подобию Сан-Сити. Аналогичные проекты существуют не только в США, но и в Азии, Европе. Содержание такого поселения обходится государству дешевле, поскольку здесь нет необходимости в школах, детских садах и других детских учреждениях. Кроме того, концентрация большого количества пожилых людей на одной территории позволяет проще и дешевле обеспечить их необходимой медицинской помощью. Также на территории закрытого поселения очень низкий уровень преступности. По данным статистики, за год в одном из «Городов Солнца» было зарегистрировано всего лишь два преступления [2].

Всё это действительно выглядит как сказка. Однако смущает реальная изолированность пенсионеров от людей (в том числе – родственников) других возрастов, которая более всего уничтожает основу собственно человеческого существования – отношения между людьми, Ещё Г. Зиммель

писал о том, что общество существует там, где многие индивиды вступают во взаимодействие. Именно в контексте взаимодействия возникают и многообразные смыслы пространства – пространства, заселённого людьми, разными по многим основаниям, в том числе возрастным.

В городах же для пенсионеров мы наблюдаем ту же самую логику сегментации, но уже не предметов, а людей. Внешне можно создать благоприятные условия для проживания пожилых людей, но внутренне ощущение конца жизни не исчезнет до конца. Современные люди боятся очень многих вещей, в том числе и старости. Это связано не только со страхом смерти (старость – как её ни назови: серебряным или золотым возрастом, ранней или поздней старостью – есть последний период жизни перед смертью), но и со многими другими опасениями: стать в тягость своим детям в экономическом плане, да и во всех других тоже. Отметим, что страх на протяжении всей истории человечества был важнейшим социальным индикатором существующей в данном обществе системы приоритетных ценностей – люди прежде всего боятся потерять что-либо наиболее значимое, ценное для них. Именно поэтому время становится у пожилых людей витальной ценностью, которую необходимо беречь, сохранять и распоряжаться ею наиболее рационально и осторожно. Молодёжь же чаще всего относится ко времени как к практически неограниченному ресурсу.

Согласно исследованию 2017 г., проведённого Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), главными проблемами стариков названы бедность/низкие пенсии (59 %) и проблемы со здоровьем (45 %). Следующие проблемы: одиночество (25 %), ощущение ненужности (24 %), неуважительное отношение со стороны молодежи (18 %). Примечательно, что последний фактор почти втрое чаще называют представители молодежных групп (38 % среди 18–24-летних), чем сами граждане преклонного возраста (14 % среди 60-летних и старше) [9].

Ценность наличия разных поколений людей в пространстве одного города можно рассмотреть и на другом уровне анализа, а именно на уровне, связанном с исследованием повседневности – городской повседневности. Здесь культура предстанет как совокупность циркулирующих в данном месте людей, их практик использования и потребления вещей, системой норм, ценностей и ориентиров, регулирующих их поведение. И все это будет увязано в неосознаваемые, рутинные, повторяющиеся обыденные детали, незначительные, на первый взгляд. Как живет культура в потоке рутины? Ещё Ф. Бродель выявил нашу бессознательную вовлеченность в повседневность, структуры которой – импульсы, мотивы, стереотипы, способы действия – предопределяют наше реальное поведение. Насколько

плодотворно для городской культуры разрушение сложившихся в ткани городской жизни структур, носителями которых являются представители старшего поколения? Так, в советское время люди старшего поколения (и не только старшего) могли открыто проявить свою реакцию на неподобающее, по их мнению, поведение, одежду, разговор. Сегодня одобрение или неодобрение скрывается: открытое неодобрение наталкивается на агрессию или безразличие. Какими механизмами поддерживается право оценивать поведение? И что должно являться критерием этих оценок? Нам попытались внушить, что толерантность – это вседозволенность, т. е. безнормность. Так, понята толерантность – это попытка выхода за пределы культуры, а значит, за пределы человечности. На протяжении всех прошедших этапов развития человечества именно механизмы стыда и страха выступали способами, поддерживающими культуру. Механизм страха работает, а вот механизм стыда вроде бы и не отменён, но отодвинут на задний план. Это «отодвижение» обеспечено многими приёмами, в том числе – относительным отстранением представителей старшего поколения от активного участия в жизни, их вынужденным пространственным затворничеством и даже в некоторых случаях дискриминацией по возрасту, что выражается, в частности, в предписании формирования научных коллективов с опорой на молодых людей до 35 лет.

Иерархия ценностей у каждого поколения выстраивается по-своему. Одной из важнейших ценностей человеческой жизни является время. В связи с этим нам показалось интересным выявить различия в использовании собственного времени поколением «60 плюс» (т.е. современными пенсионерами), в терминологии В. В. Радаева – «поколением застоя» (1947–1967 гг. рождения) и студентами, относящимися к поколению Z, или поколением миллениалов [7, с. 48].

В 2022 г. мы собрали 94 хронокарты студентов Южного федерального университета и 86 хронокарт их бабушек и дедушек пенсионного возраста. Помимо хронокарт, испытуемые записывали свои оценки того, как складывается их время. Сравнительный анализ показал, что, во-первых, распорядок суточного времени пенсионеров организован лучше, чем у студентов: он подчиняется одному расписанию, даже пробуждение среди ночи происходит в одно и то же время. Как ни странно, но на проблемы со сном жалуются больше студенты: они плохо засыпают и часто не высыпаются. Некоторые наши респонденты из группы пожилых людей тоже отметили бессонницу, но их – гораздо меньше. Для пенсионеров (в основном для мужчин) характерны регулярные просыпания среди ночи. На распорядок дня студентов преимущественно влияет время занятий и работы,

пенсионеров – не только время работы, но и ранние пробуждения, а также более осознанное отношение к своей жизни. Длительность сна у пенсионеров чуть меньше, чем у студентов, но пожилые люди, в отличие от студентов, ложатся спать примерно в одно и то же время.

Вторая особенность: приём пищи у пенсионеров носит более размеренный характер и почти на час отличается от времени, которое на это занятие отводят студенты. Можно выделить ещё несколько отличий, например, помимо того, что студенты значительную часть своего времени тратят на учёбу, они часто заняты в различных формах подработки, но дополнительные заработки в большинстве своём тратятся на проведение досуга – от дорогостоящих развлечений до спорта и туризма. В свою очередь, многие пенсионеры (даже старше 70 лет) всё ещё работают, возможно, не каждый день. И хотя, согласно прогнозу Минэкономразвития, в ближайшие три года в реальном выражении пенсии будут только снижаться (прежде всего, за счет отказа от индексации работающим пенсионерам), пенсионеры всё ещё продолжают работать – в первую очередь, из экономических соображений. Но ещё один мотив имеет силу – не оказаться выброшенным на «околицу жизни», оставаться востребованным.

Студенты часто обращаются к врачам, в том числе психотерапевтам. Пенсионеры на медицинские процедуры и визиты в поликлиники тратят почти в два раза больше времени, чем студенты. Это было ожидаемо: ежедневный приём лекарств, измерение давления и другие рутинные медицинские манипуляции даже без визитов к врачу занимают до получаса времени в день.

Для пенсионеров характерно достаточно активное общение. Если муж и жена живут вместе, то очень многое они делают сообща. Они также общаются со своими детьми и внуками и непосредственно, и опосредованно (по телефону – в среднем около часа). Не отказывают себе пенсионеры и в непосредственном общении с друзьями (подругами), хотя времени на это уделяют почти в два раза меньше.

Приятно отметить, что многие пенсионерки-женщины посещают салоны красоты. На чтение пенсионеры тратят почти в два раза больше времени, чем студенты. Телевизионные передачи они также смотрят больше, но студенты «компенсируют» это просмотром фильмов по Интернету. Оценивая бюджет своего времени, пожилые люди пожелали сами себе сократить время просмотра телевизора.

Пенсионеры не отказываются от хобби: рыбалки, вязания, коллекционирования и т.д. Прогулки у пенсионеров занимают больше часа, однако они отмечают, что выход на прогулку в большой степени зависит от погоды.

Что касается домашнего хозяйства, то в семейных парах пенсионеров явно проглядывает гендерное неравенство: на уборку и другие домашние занятия женщины тратят больше времени, чем мужчины, хотя есть и исключения.

Наконец, различаются и преобладающие ориентации на модусы времени: «миллениалы» ориентируются на будущее, но в то же время стараются получать удовлетворение от жизни, работы, досуга «здесь и «сейчас», представители поколения «60 плюс» ориентируются на прошлое, но тоже стараются жить в настоящем.

Таким образом, сравнение бюджетов времени двух поколений («поколения застоя» и «миллениалов») показало различия в распоряжении временем, которые частично можно объяснить сложившимися в обществе моделями поведения, частично – степенью личностной развитости и ответственности перед самими собой. Учёт этих различий, а не вытеснение одного поколения из совместной жизни со всеми другими представляется более перспективным способом решения межпоколенческих проблем.

Список литературы

1. Глазычев, В. Л. Город без границ / В. Л. Глазычев. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 400 с.
2. Город солнца 55+: как пенсионеры в США живут по своим правилам. – URL : <https://primamedia.ru/news/743310/> (дата обращения: 15.11.22).
3. Елютина, М. Э. Социальная геронтология : учебное пособие / М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова. – Москва : Инфра-М, 2004. – 155 с.
4. Зеликова, Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология / Ю. А. Зеликова. – Санкт-Петербург : Норма, 2014. – 224 с.
5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – Москва : Академический Проект: Фонд «Мир». 2005. – 496 с.
6. Михайлов, С. М. История дизайна : учебник для вузов. Т. 2 / С. М. Михайлов. – Москва : Союз дизайнеров России, 2004. – 396 с.
7. Радаев, В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
8. Смолькин, А. А. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России / А. А. Смолькин // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 106–121.

9. «Срок дожития» и другие перлы, или о старости в России : аналитический обзор // ВЦИОМ НОВОСТИ. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/srok-dozhitiya-i-drugie-perly-ili-o-starosti-v-rossii> (дата обращения: 16.05.22).

10. Хузеева, Г. Р. Межпоколенное взаимодействие пожилых и молодых людей: специфика коммуникации и образа старости / Г. Р. Хузеева // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10. № 51. – С. 1–19.

11. Quadagno, J. The Political Economy Perspective in Aging / J. Quadagno, J. Reid // Handbook of Theories of Aging / ed. by V. L. Bengtson, K. W. Schaie. – New York : Springer, 1999. – P. 344–360.

12. USA: От 55 и старше. Город пожилых людей Sun City. – URL : <https://protendersi.livejournal.com/73662.html> (дата обращения: 15.11.22).

2.4. Образ острова в русской культуре: традиционная и современная репрезентации

В данной работе речь пойдет об образе острова в рамках русской культуры. Мы не будем рассматривать остров как географический объект, а изучим то, как этот географический объект «отражается» в сознании индивида (в данном случае – представителя русской культуры), какими свойствами он наделяется в ходе этого «отражения» и какой символизм приобретает. Мы попытаемся наглядно продемонстрировать, как символизм образа острова перетекает из традиционной культуры в современную. Для этого обратимся к русскому фольклору (в частности, к заговорам) и современному русскому кинематографу (фильмы «Остров» П. С. Лунгина (2003) и «Возвращение» А. П. Звягинцева (2006)).

Нас не случайно заинтересовал именно образ острова. Он является одной из универсалий мировой культуры и широко представлен в мифологии и фольклоре различных народов мира, обладает характеристиками архетипа и мифологемы.

Если архетипы – «неизменные универсалии человеческого существования», то мифологема – «развертывание в пространстве смыслов, содержащихся в архетипах. При этом архетипы объединяют разнообразные этноспецифичные мифологемы, обеспечивая сквозное единство человеческой культуры, и являются константными доминантами. Поэтому архетип и мифологему можно рассматривать в качестве статических и динамических элементов мифа соответственно» [5, с. 13].

Мифологема является «конкретной интерпретацией универсальной модели коллективного бессознательного (архетипа) в любой форме чело-

веческой деятельности с широким набором функций. Для этой интерпретации характерны отсутствие фабульности, ретроспективность и региональные особенности» [5, с. 17].

Зарождаясь в рамках мифологии и фольклора, образ острова плавно перетекает в художественные произведения, которые имеют конкретного автора (например, художественная литература и кинематограф). При этом сохраняется основной символизм образа: в большинстве случаев остров символизирует «иное» пространство. Его репрезентация осуществляется несколькими способами: остров как inferнальное место, остров как райское место, остров как пространство инициации.

Исключением не стала и русская культура: в ней также присутствует ярко выраженная островная тематика. Чтобы продемонстрировать, как остров представлен в традиционной русской культуре, мы обратимся к некоторым аспектам репрезентации острова в заговорах – одной из древнейших разновидностей русского фольклора.

«Заговоры – малые фольклорные тексты, служащие магическим средством достижения желаемого в лечебных, защитных, продуцирующих и других ритуалах. Исполнение заговора носит окказиональный и сугубо индивидуальный характер. Заговоры отличаются ярким своеобразием семантики, структуры и языка; в жанровом и функциональном отношении ближе всего стоят к заклинаниям и народным молитвам» [11, с. 239]. Обычно заговоры произносили вместе с магическими действиями.

В качестве райского пространства остров чаще всего встречается в заговорах, направленных на избавление от недугов. Согласно этим заговорам, справиться с болезнью помогают фантастические существа, святые и библейские персонажи, божественные силы.

Остров-рай – место исцеления от недугов. Например, в этом заговоре: «На море, на океане, на острове на Буяне стоит золотой столб. На столбе сидит девица, (как-то) шьет-зашивает шелковой иглой рану, чтобы не болело, чтобы не шипело» [10, с. 85]. Исцелять от недуга на острове может не только «девица», но и другие персонажи: «бел муж», «золотой муж», «Олена царевна» [9, с. 128, 133, 156].

Хорошо демонстрирует остров как райское место фрагмент заговора от грыжи, записанного в Обонежье: «В синем море есть Святой Божий остров; на Святом Божьем острове – Святая Божья церковь; в той Святой Божьей церкви есть престол Господень; на том престоле Господнем есть священномученик Христов Антипа – исцелитель зубной и бессребреники Христовы Козьма и Дамиан...» [10, с. 75]. Здесь мы видим несколько вариантов репрезентации острова как сакрального пространства. Значимо

само название острова – «Святой Божий». Далее мы видим один из часто встречающихся сюжетов в русском фольклоре – расположение на острове церкви. Еще одна характерная черта репрезентации острова как райского места в фольклоре – его описание как пристанища для святых людей. Это можно увидеть и в тексте заговоров. В заговорах святые часто являются избавителями от недугов.

Остров как райское место демонстрируют и через расположение на нем священного Алатырь-камня. Например, в этом заговоре от сглаза: «...На море, на окиане, на острове на Буяне стоит латырь-камень. На том на камени, на том на латыри, сидят Климант – Папа Римский, Василей Кесарийской, ...» [10, с. 105]. Или в этом заговоре от кровотечения: «На великом океане, на острове Буяне стоит камень Алатырь. На нем сидят две девицы, они родные сестрицы. Они прядут пряжу. Пряжа-оторвися, а кровь оттолится» [8].

В заговорах священный камень, расположенный на острове, называют «золотым», «белым», «святым». Исследователи считают, что этот фольклорный мотив связан с ритуальным почитанием камней, которые располагались рядом с водными объектами. На Русском Севере есть практика основывать монастыри и церкви на островах на местах, где до прихода русских были языческие капища местного населения. В самих заговорах часто описывают, что на острове церковь располагается на камне.

В некоторых заговорах встречаются библейские сюжеты. Например, история Каина и Авеля в этом заговоре от кровотечения: «На острове, на море-океане, на острове на Буяне стоит горюч камень. У этого камня жили два брата – Кайн и Авель: ножами кололись, – кровь не шла...» [10, с. 87]. Или здесь: «На море, на окиане, на острове на Буяне лежит сер-горюч камень. На этом камне сидит два брата: Каер, Лоер. Ножами они резались, иглами они кололись, но кровь у них не бежала, и руды у них никто не видал» [10, с. 87]. В одном заговоре объединяются православное и дохристианское мировоззрения в виде библейского сюжета и мотива, связанного с почитанием камней.

Но в заговорах обнаруживаются и спорные моменты, связанные с Алатырь-камнем. В заговоре на грыжу с ним связаны существа, которые скорее inferнальны по своей природе: «...Из-под того камня, из-под того латыря выходит змея шестиглавая и щука редкие длинные зубы, – передают и перехватывают все двадцать пять грыж...» [10, с. 69]. Эти существа совершают положительное действие. Можно предположить, что в заговоре присутствуют отголоски дохристианского языческого мировоззре-

ния, в котором «иной» мир дуален и объединяет в себе и райскую, и inferнальную семантики.

Остров как ад в текстах заговоров могут демонстрировать через странное строение, inferнальное по своей природе. В некоторых заговорах на острове располагается баня, которая согласно поверьям восточных славян, является местом обитания нечистой силы: «...В чистом поле стоит окиян-остров, у окияна-острова стоит баня, на бане доска, на доске тоска. Тоска тоску тоскует, сухота сухоту сухотует...» [8]. В этом заговоре мы видим, что остров – пристанище тоски. Это характеризует его как недоброжелательное место. Иногда в похожих по смыслу заговорах баню заменяют избой без окон и дверей.

Остров как inferнальное место демонстрирует семантику смерти и похоронную атрибутику. Например, в этом отрывке из любовного заговора: «...На мори на кияни, на острове на Буяни стоит гробница, во той гробницы лежит девица ...» [9, с. 681]. Или в этом заговоре, где кроме гробницы есть еще и ворон: «...На море на окияне на острове на Буяне стоит там гробница, на сей гробнице сидит девица, держит в руках шелковые нитки, зашивает кровавые раны. Летит ворон, ни крань, а ты, кровь, ни кань» [9, с. 688].

Репрезентация острова как ада в заговорах может осуществляться через inferнальных существ: птиц без перьев и крыльев (которым другие птицы приносят тоску), змеев (которые являются главными среди других змей), огненных царей.

Теперь от репрезентации острова в заговорах перейдем к его репрезентации в современных художественных произведениях. В частности, мы обратим внимание на фильмы «Остров» П. С. Лунгина (2003) и «Возвращение» А. П. Звягинцева (2006). В них присутствует ярко выраженная островная тематика.

Фабула фильма «Остров» Павла Лунгина следующая: молодой человек в годы Великой Отечественной войны, попав в плен к немцам, под угрозой смерти вынужден расстрелять своего командира – шкипера буксира. Оставшись в живых по воле провидения, он всю жизнь замаливает грех братоубийства и предательства в далеком северном монастыре, расположенном на острове. Монахи из монастыря выбрали раненого юношу, и он остается в этой обители. Узнав на склоне лет, что прощен боевым товарищем, который тоже выжил после расстрела, герой умирает. Но перед тем, как уйти в мир иной, он изгоняет беса из дочери Тихона Петровича – убитого им командира. Так герой возвращает к жизни не только молодую дочь Тихона, потерявшую в мирное время мужа-военного моряка, но и ее

отца, ставшего адмиралом, который потерял надежду на выздоровление дочери [6, с. 176–180].

В фильме мы видим явное влияние русской традиционной культуры и находим большое количество образов и мотивов, схожих с теми, на которые мы ранее обращали внимание в заговорах.

Остров представлен в фильме как сакральное место. Это отражено в том, что на острове расположен храм, и он населен монахами, живущими тут же в кельях, которые ни разу за весь фильм не показаны с отрицательной стороны. Похожие черты мы наблюдали и в заговорах. В ряде фольклорных произведений мы отмечали присутствие церкви на острове, а в некоторых произведениях остров являлся пристанищем для святых людей.

В рассмотренных ранее заговорах остров часто представлен как место исцеления от болезней, схожую ситуацию мы видим и в фильме. Это показано на примере главного героя, который способен излечивать людей от физических и душевных недугов, что неоднократно происходит по ходу повествования. В рамках сюжетной линии к главному герою приходят паломники за помощью. А избавление от тоски показано на примере адмирала, дочь которого чудесным образом исцеляет протагонист.

На примере паломников и адмирала с дочкой демонстрируется, что остров не является изолированным от внешнего мира. Но его также нельзя назвать и местом, принадлежащим реальному миру, ввиду чудес, которые творит главный герой. В связи с этим остров в данном фильме можно представить в качестве пограничного пространства между реальным и «иным» миром. Такая репрезентация острова характерна как для русской, так и для общемировой культурной традиции.

В данном произведении остров также хорошо раскрыт как пространство инициации. В начале фильма мы видим символическую смерть души главного героя, который, попадая на остров, получает возможность искупить свой грех и очистить душу. Мы видим, как в ходе сюжета душа главного героя снова «становится» живой, а в конце и вовсе бессмертной. Пройдя через ряд инициаций, герой «покидает» остров уже не таким, каким он попал на него.

Второй из рассматриваемых фильмов – «Возвращение» можно отнести к поджанру экзистенциальный хоррор. Сюжет строится вокруг двух братьев-подростков. В их жизни внезапно появляется отец, которого они раньше не видели. Он берет сыновей в путешествие, в ходе которого создает для них различные испытания, закаляя их характер. Фильм построен на образном восприятии и изобилует незаметными с первого взгляда архаическими образами и отсылками к религии, мифологии, фольклору.

В случае с фильмом Звягинцева, тема инициации является главенствующей. Проходя через ряд испытаний, братья постепенно перестают быть мальчиками и становятся мужчинами. Отец же выступает в качестве духовного наставника и проводника.

В архаических обществах обряд инициации – символическая смерть и перерождение для новой осознанной жизни. Поэтому неудивительно, что именно остров выступает местом завершения инициации для главных героев. Во второй половине фильма братья вместе с отцом попадают на остров, который в контексте фильма символизирует собой мир мертвых, наделенный инфернальной семантикой. Он демонстрируется как мрачное, пустынное и безлюдное место, покрытое лесом. Единственное животное, которое встречается героям фильма на острове, – мертвая чайка.

Чтобы попасть на остров, герои преодолевают водное пространство на лодке. Здесь отец представлен как проводник в загробный мир. Стоит также упомянуть, что именно водное пространство в фольклоре часто выступает в качестве границы между нашим и «иным» миром.

В ходе фильма между братьями и отцом зреет конфликт, который достигает своего пика именно на острове. Братья сильно ругаются с отцом, происходят обоюдные угрозы физической расправой. В итоге один из братьев убегает от отца и залезает на старую вышку, расположенную на острове. Раскаивающийся отец следует за своим сыном наверх, но срывается и умирает. Таким образом, пространство острова окрашивается семантикой смерти, что, как и в случае с рассмотренными ранее заговорами, усиливает его инфернальность.

В вышеописанной сцене инфернальны по характеру своих действий и сами главные герои. Они берут на себя роль существ, которых мы ранее отметили в заговорах.

В фильме репрезентация острова как ада происходит через характерную для фольклора форму – наличие на острове странного строения, которым является вышка, связанная со смертью отца братьев. Она приобретает статус инфернального строения из-за происходящих на ней событий.

Пройдя через последнюю часть обряда инициации на острове, главные герои возвращаются из «мира мертвых», приобретая новый социальный статус. Теперь им предстоит вернуться домой, самостоятельно преодолев все трудности обратного пути уже без проводника, тело которого символично тонет в водах озера.

Сопоставив фильмы с заговорами, можно сделать вывод: символизм острова, сформировавшийся в традиционной культуре в рамках фольклорных текстов, переносится и на кинематограф как один из видов совре-

менного искусства. Особенности репрезентации образа острова, которые характерны для традиционной русской культуры либо достаточно подробно копируются (как мы можем заметить на примере фильма «Остров» Лунгина), либо видоизменяются в зависимости от видения автора, но при этом сохраняется основной символизм образа (что мы видим в фильме «Возвращение» Звягинцева).

В условиях современной культуры сохраняется образное и символическое мировосприятие, вне зависимости от того, насколько сильно репрезентация острова схожа с тем, что мы видим в традиционных формах устного народного творчества. Здесь мы видим сохранение в рамках русской культуры одного из базовых архетипов мировой культуры. Он позволяет сохранить в своей репрезентации особенности восприятия окружающей действительности представителями русской культуры и является одним из залогов ее существования как таковой. Ведь в условиях глобализации и урбанизации народное творчество постепенно отходит на второй план. В связи с этим описанное выше «перетекание» традиционной русской культуры в современную и массовую дает шанс на ее сохранение. А сохранение образного и символического мировосприятия посредством архетипов и мифологем, которое характерно для архаической культуры, является одним из способов упрощения выстраивания межкультурных взаимодействий и связей в современном обществе.

Список литературы

1. Возвращение (2003) // Кинопоиск. – URL : <https://www.kinopoisk.ru/film/47040/> (дата обращения: 15.11.2022).
2. Горницкая, Л. И. Место, которого нет... Острова в русской литературе : монография / Л. И. Горницкая, М. Ч. Ларионова. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 226 с.
3. Капишин, А. Е. Инициация в традиционных культурах как социальная практика / А. Е. Капишин // Теория и практика общественного развития. 2016. – № 12. – С. 57–62.
4. Красавина, А. Возвращение. Попытка анализа / А. Красавина // Андрей Звягинцев. – URL : <https://az-film.com/ru/publications/104-Vozvrashhenie-Popitka-analiza.html> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Круталевич, А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии / А. Н. Круталевич // Культура и цивилизация. – 2016. – № 1. – С. 10–21.

6. Орищенко, С. С. Предательство и прозорливость в художественном фильме Павла Лунгина «Остров» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 2. – С. 176–180.

7. Остров (2006) // Кинопоиск. – URL : <https://www.kinopoisk.ru/film/257337/> (дата обращения:).

8. Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. – Москва : Изд-во МГУ, 1998. – 480 с. – URL : <https://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci%26pub/rzz.htm> (дата обращения:).

9. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. – Москва : Индрик, 2010. – 832 с.

10. Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец / РАН. Карел. науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 2000. – 275 с.

11. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2. Д–К / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – 698 с.

3. ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

3.1. Антропологический поворот в литературоведении и «антропологический переворот» в действительности и литературе

Антропологический поворот в литературоведении, наметившийся в науке о литературе в конце XX в., выступает компонентом начавшегося в 10–20-е гг. XX в. антропологического поворота в гуманитарных науках, вызванного утверждением принципа антропоцентризма в социокультурной политике, медиапространстве, признанием приоритета экзистенциально-духовных интересов человека в области социального и государственного планирования. С одной стороны, он выступает компонентом антропологической парадигмы гуманитарных наук и развитием идей феноменолого-герменевтического подхода, ориентированного в самом общем смысле на разработку комплекса принципов целостной интерпретации произведения, с другой – направлен на преобразование и расширение методологической и институциональной базы литературоведения как науки. В работах немецких исследователей, выступивших пионерами в области антропологического подхода, развивались и теоретически обосновались

принципы междисциплинарного подхода к осмыслению феномена художественной литературы, в первую очередь, в направлении интегрирования литературоведения и естественных наук. Хотя при этом в работах Д. Бахманн-Медик подчеркивалось, что при обращении к междисциплинарному подходу «литературоведение должно не только не терять свою традиционную специализацию благодаря анализу культурных феноменов, которые выходят за пределы литературы, но и даже значительно усиливать ее» [3] путем «этнологизации литературоведения» [18]. В отечественном литературоведении доминантой антропологического поворота, как подчеркивает Б. Т. Удодов, стала актуализация концепции человека как «центральной проблемы литературно-художественной антропологии – целостного человека, его природы и структуры» [25, с. 9]. Именно «системно-целостное единство авторской концепции человека и подчиненных ее воплощению художественно-изобразительных средств, как указывает М. Ю. Белянин, предполагает научное освещение феномена человека в плане художественной антропологии писателя» [5, с. 15]. Таким образом, художественная антропология писателя осмысливается как целостный феномен, выражающий мировидение писателя, формирующееся и эволюционирующее под влиянием единого, но при этом внутреннего противоречивого воздействия разнообразных факторов, начиная с социально-исторических и заканчивая культурологическими и религиозными, причем на разных этапах творческой эволюции писателя статус доминирующего фактора может меняться, подвергая трансформации выражаемую в его произведениях концепцию человека.

Однако на рубеже XX–XXI вв. развитие медицинских технологий и генной инженерии привело к аберрации содержания понятия антропологии и антропогенности, а, следовательно, и той концепции человека, которую выражает в своих произведениях писатель. Физик-теоретик, богослов и философ С. С. Хоружий констатировал, что человечество стоит на пороге новой эры, а современная эпоха «переживает радикальные тектонические сдвиги, суть которых уже нельзя передать привычно как смену “культурной парадигмы” или “общественной формации”, ибо начал крупно меняться сам человек» [28, с. 108–137]. Очевидным подтверждением рассуждений исследователя выступают существенные изменения визуального облика человека с ограниченными возможностями, который благодаря развитию биотехнологий, способен не только вести полноценный образ жизни, пользуясь биопротезами или медицинскими препаратами, но даже порой приобретает преимущество по отношению к естественным возможностям биотехнологически неусовершенствованного человека.

На качественно новый уровень вышли на рубеже XX–XXI вв. ортопедические технологии, направленные на конструирование бионических протезов, способных полностью восстановить утраченные функции организма. В 2014 и 2015 гг. немецкий легкоатлет с искусственной конечностью Маркус Рем выиграл соревнования по прыжкам в длину в общей группе, однако спортсмен не был допущен к участию в Чемпионате Европы 2014 г. и к Олимпийским играм в 2016 г., поскольку его протез обеспечивал ему преимущество перед спортсменами с естественными конечностями [10]. Южноафриканский бегун Оскар Писториус, у которого ампутированы обе стопы, выступал, пользуясь протезами, в общей группе на Олимпийских играх в Лондоне (2012) и дважды завоевал серебро на Чемпионате Африки (2012). Певица и модель Виктория Модеста (Виктория Москалева) выступает на подиуме и на сцене с дизайнерскими протезами ноги, изготовленными скульптором и дизайнером Софи де Оливейра Баратой. Модель Келли Нокс (Kelly Knox), появившаяся на свет без левого предплечья, которое заменено дизайнерскими биопротезами, сегодня очень востребована в мире высокой моды. Модель Ребекка Маринэ на неделе моды в Нью-Йорке в 2015 г. выступала с бионическим протезом правой руки. Применение компьютерного моделирования в медицине позволило китайским врачам 17 сентября 2014 г. восстановить утраченные кости черепа фермеру Ху Вею [7], 22 июля 2015 г. пересадить распечатанный на 3D-принтере череп девочке, страдающей гидроцефалией [6], а 17 ноября 2011 г. в Китае под руководством доктора Жэнь Сяотина была произведена уникальная операция трансплантации головы [13]. При замене человеческих конечностей или органов на более совершенные закономерно возникает вопрос о границах заменимости человека биотехнологическими приспособлениями, т.е. проблема разграничения человека и андроида, человека и постчеловека, который может заменить, причем, с улучшением качества функций, собственно человека. Развивая логику замены человека биотехнологически усовершенствованным постчеловеком, современные антропологи С. Смирнов и Е. Яблокова подчеркивают, что «по этой логике человек, отдавая совершенствующемуся техническому устройству свои органы, стал отдавать и привычные работы и функции – восприятие, внимание, зрение, слух, письмо, счет, чтение, узнавание образов. Человек готов отдать и высшие психические функции – мышление, волю, память, воображение» [22, с. 29]. Таким образом, нивелируется понятие о человеческой норме, нивелируется граница между человеком и иным существом – постчеловеком. В современной биоинженерии активно разрабатываются нанотехнологии, направленные на создание цепочек нуклеиновых

кислот с регулируемыми свойствами [12, с. 113]. Анализируя правовые последствия развития биотехнологий с правовой точки зрения, А. М. Герасимов констатирует: «Решение задачи по расшифровке ДНК человека ученым сообществом оценивается как эпохальное достижение, открывающее широкие исследовательские перспективы. Многие идеи ученых-генетиков, ранее считавшиеся практически неосуществимыми, уже сегодня стали неотъемлемой частью системы здравоохранения» [9, с. 62]. На основании интенсивного развития и активного применения биотехнологий антропологи С. Смирнов и Е. Яблокова, рассуждая о границах между человеком и постчеловеком, об онтологической границе антропогенности, приходят к выводу, что «будучи увлечённым собственным развитием, идущим большей частью в логике внешнего технологического оснащения и усиления себя, человек стал использовать такие практики технологического развития, которые его самого поставили на собственную границу» [22, с. 29].

Гуманизация общественного сознания, выступая конечной целью социализации личности, образования и воспитания, в современных условиях приходит не только в конфликт меркантилизмом и прагматизмом, выступающими прямыми и неизбежными следствиями распространения потребительского рынка товаров и услуг, но и с аберрацией фундаментальных категорий гуманизма – антропоцентризма и даже антропотогенности. Если категория антропоцентризма не носит абсолютного характера и на определенных этапах развития социума закономерно корректировалась требованиями коллективизма и соборности, то распыление самого понятия антропотогенности, понимаемой широко во внутреннем и внешнем аспектах, – сравнительно новое явление, связанное с постепенным утверждением трансгуманизма, который первоначально претендовал на статус одного из проявлений гуманизма, но на рубеже XX–XXI вв. постепенно становится глубоко антагонистичным всему комплексу гуманистических ценностей, начиная с милосердия, великодушия, сострадания и заканчивая собственно самим понятием антропотогенности, как тождественности человека человеческому облику.

Трансгуманизм, понимаемый как совокупность действий и приемов, направленных на улучшение физического, эмоционального, психологического состояния человека, представляет собой феномен междисциплинарного характера; различные аспекты трансгуманизма актуализируются в разных областях научного знания, охватывая область естественных наук, биотехнологий, медицины, информатики, комплекса социальных наук, футурологии, этики, философии, культурологии, религии, этики. При этом

на рубеже XX–XXI вв. трансгуманизм претерпел значительную трансформацию, поскольку из области философско-этических абстрактных дискуссий переместился в сферу практического применения в медицине и генной инженерии, направленной на усовершенствование самой человеческой природы. Как указывает М. А. Батин, в условиях глобализации трансгуманизм приобрел статус международного движения, провозглашающего, «что с помощью научно-технического прогресса удастся добиться фундаментальных изменений в человеке: значительно увеличить его умственные, физические и психологические возможности, ликвидировать старение, достичь бессмертия» [2, с. 20]. В своей последней работе «Краткие ответы на большие вопросы» космолог и астрофизик Стивен Хокингс в размышлениях о будущем человечества высказывает тревогу, связанную с неизбежным развитием медицинских технологий: «Сейчас мы на пороге новой эры. У нас появляется возможность увеличивать сложность ДНК, преодолевая медлительность процесса биологической эволюции. За последние 10 тысяч лет человеческий организм претерпел относительно незначительные изменения. Но есть вероятность, что в ближайшее тысячелетие у нас появится возможность полностью его трансформировать. Конечно, многие скажут, что генная инженерия применительно к людям должна быть запрещена. Но я сомневаюсь, что это можно предотвратить. Из экономических соображений генетические опыты будут проводиться на растениях и животных, и кто-то обязательно захочет поэкспериментировать на людях. Если у нас не наступит тоталитарный мировой порядок, кто-нибудь где-нибудь создаст усовершенствованного человека. Разумеется, создание совершенных людей породит серьезные социальные и политические проблемы в отношении к несовершенным. Я не настаиваю, что генная инженерия человека – это хорошо. Я просто говорю, что в ближайшее тысячелетие это вполне может стать реальностью, хотим мы этого или нет» [27].

Само содержание понятия трансгуманизма, направленного на преобразование и изменение природы человека, априори предполагает неизбежность и закономерность пролонгирования сугубо научных специальных интерпретаций осмысления и практического применения технологий трансгуманизма в область морали и нравственности, актуализируя современное направление этики – биоэтику. Закономерно, что настолько противоречивое и динамично развивающееся явление действительности не могло не приобрести актуальности в области художественного творчества.

Именно этико-философский аспект феномена трансгуманизма представляет интерес для его художественной разработки и образного воплощения в произведениях современной художественной литературы. Первоначально проблемы художественной интерпретации феномена трансгуманизма в произведениях американской *science fiction*, в которой проблемы программирования роботов и их коммуникации с создателями трансформировались из области техногенной в этическую уже в романе А. Азимова («Хоровод», 1942), в культовом романе Ф. Дика в жанре киберпанк «Бегущий по лезвию» (варианты перевода названия: «Думают ли андроиды об электроовцах?», «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», «Бегущий по лезвию бритвы», 1968) и знаменитой киноэпопее Дж. Лукаса «Звездные войны» (1976 как старт эпопеи). Необходимо подчеркнуть, что в отечественной *science fiction*, в романе С. И. Павлова «Лунная радуга» (первая часть – «По черному следу», 1978; вторая – «Мягкие зеркала», 1983) феномен трансгуманизма, как изменения возможностей космонавтов, описан как результат соприкосновения исследователей с внеземной реальностью на Обероне, спутнике Урана. Причем приобретение сверхчеловеческих способностей привело космонавтов к изоляции от общества и, в конечном итоге, к их отправке в далекую экспедицию: человечество сочло сверхлюдей опасными, а сами они назвали свою миссию «Великий предок», стремясь подчеркнуть тем самым, что необходимо сохранить человеческую природу неизменной, несмотря на ограниченность возможностей человека.

Согласно социологическим исследованиям последних 10 лет, именно фантастика и фэнтези составляют активную часть круга чтения старшеклассников. Д. В. Крупницкий представил результаты изучения круга чтения подростков, указав, что 55 % респондентов из старших классов новосибирской средней школы № 183 в качестве читательских предпочтений указали фантастику, фэнтези, детективы, романтические истории о любви, причем, именно художественные произведения первой категории входят в круг чтения и юношей, и девушек [14, с. 213–224]. Исследования Т. Г. Галактионовой и Ю. Л. Мокшиной в области читательских интересов старшеклассников позволяют уточнить характер читательских предпочтений подростков: 60 % респондентов указали, что предпочитают читать современную литературу, а на вопрос о том, следует ли изучать произведения современной литературы в школе, 48 % опрошенных ответили положительно, 45 % – допустили такую возможность и лишь 7 % указали, что нужно ограничиться в школе изучением классики [8, с. 20]. Анализируя читательские предпочтения старшеклассников и сравнивая их динамику в

период с 2011 по 2015 гг., Н. М. Свирина приходит к выводу о постоянстве интереса старшеклассников к отечественной и зарубежной современной литературе, несмотря на некоторые колебания (таблица) [21, с. 56].

Таблица

**Читательские предпочтения старшеклассников, %
(с указанием места в предпочтениях)**

Раздел	Годы				
	2011	2012	2013	2014	2015
Современная отечественная литература	16% III	16% III	22,5% III	20% III	11% III
Современная зарубежная литература	3,4 % V	8% V	5% V	6% V	8% V

Г. В. Данилова представляет результаты опроса 324 респондентов 15–18 лет из Санкт-Петербурга и Ленинградской области об их читательских предпочтениях, указывая при этом, что в числе читаемых авторов старшеклассники называют В. Пелевина, Д. Глуховского, С. Кинга [11, с. 80–81]. Обобщая частоту упоминаний писателей и их произведений в социальной сети ВКонтакте, М. П. Назарова указывает, что 9–10-е места делят Э. Хемингуэй и В. Пелевин, а стабильно читаемым романом выступает антиутопия Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» [17, с. 430]. Студентка МГУ А. Е. Фишер, обработав результаты опроса трехсот московских подростков в 2013 г., указывает, что 70 % проявляют интерес к чтению, а в числе востребованных направлений выступают фэнтези и фантастика, причем, по данным за 2015 г., интерес к фантастике вырос на 29 %, а к фэнтези интерес не проявлен [26, с. 40, 44]. Можно утверждать, что современная отечественная и зарубежная литература, особенно фантастика, входят в круг постоянного чтения старшеклассников, которые, таким образом, получают возможность размышлять над проблемами футурологии, включая трансгуманистическую проблематику в их художественной интерпретации. (Д. Н. Крупницкий указывает, что 73 % старшеклассников читают, чтобы получить пищу для размышлений [14, с. 213]).

Хотя проблемы трансгуманизма в художественной литературе чаще поднимаются в фантастической литературе, однако парадигма произведений трансгуманистической проблематики восходит к литературе Просвещения и имеет широкий спектр жанровых модификаций от романа-путешествия до антиутопии. Одним из первых инвариантов трансгуманизма можно признать его манифестацию в четвертой книге эпопеи Джо-

натана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726), в которой все человеческие пороки концентрируются в деградировавших до примитивного уровня, но сохранивших человеческий облик существах еху, в то время как лучшие человеческие качества находят воплощение в разумных лошадях – гуйгнгнмах. Концепция отказа от человеческого облика для воплощения человеческого содержания демонстрирует необходимость смены человеческого тела, как порочного и скомпрометировавшего себя, на иное, соотносимое с идеями трудолюбия, преданности и честности, в данном случае, – на лошадиное. В этом контексте манифестация антропогенных внутренне, но внешне зооморфных существ в художественной литературе может быть спроецирована на фольклорное начало преобразования чудовища в красавицу в силу нравственного преображения чудовища или самопожертвования совершенного человека ради спасения чужой жизни.

Построение парадигмы художественных интерпретаций трансгуманизма находит продолжение в его условно антропогенном инварианте в литературе английского романтизма в романе М. Шелли ««Франкенштейн, или Современный Прометей»» (1818). Градация манифестаций трансгуманистических образов от зооморфных и/или частично антропогенных до неотличимых от человека андроидов выстраивается в парадигме романических новелл и фантастических романов второй половины XIX в.: от идентичного человеку андроида в новелле Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек» (1817) (избранная Натаниэлем невеста – механическая кукла Олимпия) до условно антропогенных существ, полученных путем преобразования человеческого тела или же трансформации нечеловеческого материала в романах М. Шелли ««Франкенштейн, или Современный Прометей»» (1818) и Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (1896)).

Литература романтизма, а позже – фантастический роман предлагали три способа художественного выражения трансгуманизма:

- создание антропогенного монстра (М. Шелли, ее концепция находит продолжение в романе Г. Уэллса «Остров доктора Моро»);
- создание андроида (Э. Т. А. Гофман);
- в продолжение концепции Свифта – создание неантропогенного воплощения человеческого содержания (А. Погорельский «Лафертовская маковница» (1825)).

Парадигма художественных инвариантов трансгуманистического содержания находит продолжение в антиутопиях первой половины XX в., начиная с романа Е. И. Замятина «Мы» (1920) и включая канонические антиутопии: О. Хаксли «О, дивный новый мир» (1932) и «1984» Дж. Оруэлла (1948), в которых трансгуманизм выступает как основной инструмент

тоталитаризма. Так, в современном романе трансгуманистической проблематики часто именно антиутопия О. Хаксли «О, дивный новый мир» выступает как источник трансгуманистических идей и образов. Хотя важно подчеркнуть, что великие антиутопии XX в., в свою очередь, предлагали интерпретацию классических утопий Ренессанса, в частности, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона (1627) выступила прототекстом для антиутопии О. Хаксли, равно, как и социальная модель, разработанная Евгением Замятиным в антиутопии «Мы» (1920, опуб. 1924), основанием для которой в ходе развития Единого Государства, становится «расчеловечивание» человека – фактически трансгуманистическое изменение его природы путем оперативного вмешательства, которое лишает человека способности чувствовать и помнить, в качестве прототекста имела знаменитую «Утопию» Томаса Мора (1516). В контексте английской антиутопии О. Хаксли «О, дивный новый мир» возможно проинтерпретировать роман К. Исигуро «Не отпускай меня» (2005), в котором трансгуманизм принимает формы расизма, для художественного выражения онтологии которого Исигуро абсолютно закономерно обращается к кастовой модели общества, производящего человека с заданными признаками, как в антиутопии О. Хаксли.

Необходимо также подчеркнуть, что исследование проблемы трансгуманизма в произведениях современных отечественных писателей Владимира Сорокина, Виктора Пелевина, Линор Горалик, Марины Палей осуществлялось в диссертациях и трудах М. Н. Липовецкого, Н. Н. Андреевой, Б. А. Ланина, Е. К. Созиной, О. В. Мороз, А. Н. Безрукова, где поднимались этические аспекты применения теллурического гвоздя, преобразующего человеческую психику (В. Сорокин «Теллурия», 2013), титановых ног, которые приобрел доктор Гарин (В. Сорокин «Доктор Гарин», 2021); реинкарнации героев книги, на костре из которой было приготовлено блюдо, в поедателей пищи (В. Сорокин «Манарага», 2017), перевоплощения историка в объект исследования для достижения абсолютной объективности (В. Пелевин «Непобедимое солнце», 2020), виртуальной жизни, которую ведет отделившийся от тела мозг, взаимодействуя при этом с реальным миром (В. Пелевин «Transhumanism inc.», 2021); утраты человечности людьми и обретения ее животными (Л. Горалик «Все, способные дышать дыхание», 2019), персонификация части сознания не в человеческом воплощении (М. Палей «Дань саламандре», 2012). При этом трансгуманистическая проблематика осмысливалась как элемент художественной системы, значимый для актуализации этической проблематики как отдельного произведения, так и творчества писателя в целом.

Преобразование условно антропогенных существ в формы андроидов или искусственного интеллекта и взаимоотношения между человеком и андроидом интерпретируются во встраиваемых в предложенную парадигму романах: «Машины как я» (2019) И. Макьюэна и «Клара и Солнце» (2019) К. Исигуро. В романе К. Исигуро «Клара и Солнце» особенно значима избранная автором повествовательная модель – монолог от первого лица, но не героя-человека, а героя-андроида, поскольку таким образом трансгуманистическая проблематика способствует тому, что автор произведения, а вслед за ним и читатель пытаются проникнуть в сознание андроида, раскрыть его «психологию», поставив в центр повествования Другого, инаковость которого определяется не гендером, не этнической принадлежностью, не внешним и внутренним искажением человеческого облика, а его техногенностью. Хотя само понятие техногенности подвержено в романе Исигуро аберрации: если для Клары техногенность естественна, отвечает ее природе, то форсирование, которому подвергаются подростки-люди, чтобы стать более совершенными, для человеческой природы не только противно, но и разрушительно. Форсирование – это процедура преобразования ребенка в переходном возрасте, открывающая возможности для получения образования и продвижения затем по карьерной лестнице. Для Сэл – старшей сестры Джози, подруги андроида Клары, форсирование закончилось гибелью, сама Джози тяжело болеет и прихрамывает после форсирования. Мать Рика, друга Джози, от форсирования отказалась, и теперь ему закрыт путь к образованию и карьере. Причем парадоксальным образом именно андроид в условиях утратившего гуманистические ценности общества наделяется действительно теми качествами и ценностями, которые редуцированы человеком, и способен на альтруистическое поведение и, в конечном счете, самопожертвование.

В романе В. Сорокина «Доктор Гарин» (2021) показано полное разрушение антропогенности человека, утрата человеком антропогенной идентичности. Новый мировой порядок, в котором ядерные войны стали обыденностью, а человеческая жизнь полностью обесценена, закономерно утрачен и канонический образ человека. Доктор Гарин, наблюдая из окна трамвая за новым человеком, а точнее, постчеловеком, напоминающим букву «Л», замечает: «С одним костылем и одной ногой. Смелый инвалид. Впрочем, инвалид ли? Может, уже мыслящие буквы производят в генных инкубаториях? Если есть пружинки, почему и буквам не быть?» [24]. Эксперименты по созданию человека с новыми возможностями, способного жить и работать в условиях, неприемлемых для неусовершенствованного человека, привели к появлению нового вида, сверхлюдей, отчасти наделенных антропогенными признаками, но абсолютно чуждых гума-

нистическим ценностям, – чернышей, которые не знают болезней, не ведают усталости, им чуждо стремление к комфорту, неведомы страдания и сомнения. Глядя на чернышей, попавший к ним в плен доктор Гарин, отмечает: «В их лицах было что-то безнадежно опрокинутое, словно природа человека в одночасье рухнула в темный погреб физиологической хтонии, в бессловесное переплетенье жил, вен, потрохов, слизи и кровяных сгустков, поворочалась там, мыча, ухая, и вылезла уже другой, с новым лицом, новыми ценностями и целями» [24]. Эти цели и ценности абсолютно не понятны доктору Гарину и прочим людям, сохранившим антропогенность или хотя бы некоторые ее признаки. Доктор Гарин с другими пленниками занимается совершенно бессмысленной, с его точки зрения, работой в плену: вытаскивает из дерева копии смартфонов, которые потом будут уничтожены во время непостижимого для человека, но значимого для чернышей ритуала. В романе Сорокина показаны миры не просто противоположные, а несовместимые, не имеющие оснований для сравнения человека и постчеловека, созданного людьми, но совершенно иного.

В романе В. Пелевина «Transhumanism inc.» (2021) и его продолжении «КГБТ» (2022) показан мир, в котором трансгуманизм стал не только инструментом тоталитаризма, но и гарантом и основанием его неизменности. Отделенные от тела мозги, помещенные в траеры, отвечающие сложившейся при телесной жизни их носителей социальной иерархии, продолжают управлять миром: «На траерах выше банкир (мозг, обретший вечную жизнь в банке) при желании вообще отвязывался от человеческого тела и становился чем угодно: сказочной птицей, волшебной стрекозой, глубоководной рыбой в океане собственного дизайна... В этих пространствах раскрывались запредельные потенции сладострастия и ярости, о которых люди не имели понятия... Мозг получал особую программу стимуляции, формировал новые нейтронные связи, переучивался и развивал способности, недоступные ветхому человеку» [20, с. 60]. Стремление человека преодолеть ограниченные возможности биологического тела, избавиться от страданий и смерти привели к утверждению социального расщепления в обретении права на бессмертие для избранных представителей элиты. Однако обретение бессмертия оказалось возможным только в результате полной утраты антропогенности и обретения вечной жизни в виртуальной реальности, хотя возможность пользоваться чужим телом, причем не обязательно человеческим, в материальном мире у обитателей траеров сохранилась.

Актуальность исследования феномена трансгуманизма обусловлена не только и не столько его междисциплинарным характером, но и этической значимостью сопряженных с трансгуманистической реальностью проблем

и насущной необходимостью их всестороннего осмысления. Проблематика трансгуманизма как объединяющий и системообразующий фактор сообщает значимость этическим вопросам, поднимаемым в романах «Не отпускай меня» (2005) и «Клара и Солнце» (2019) К. Исигуро, «Машины как я» (2019) И. Макьюэна, «Целую, твой Франкенштейн: история одной любви» (2020) Д. Уинтерсон, «Голубое сало» (1999), «Теллурия» (2013), «Манарага» (2017), «Доктор Гарин» (2021) В. Сорокина, «Непобедимое солнце» (2020), «Transhumanism inc.» (2021) В. Пелевина, «Все, способные дышать дыхание» (2019) Линор Горалик. «Дань саламандре» М. Палей (2012), а также способствует актуализации междисциплинарного содержательного плана романов. Романы трансгуманистической проблематики способствуют осознанию собственной идентичности, в том числе антропогенной, и формированию гуманистических основ мировоззрения. А принимая во внимание постоянный интерес старшеклассников к произведениям трансгуманистической проблематики, стоит отметить, что актуализация проблемы онтологической границы человека и постчеловека в нравственном и экзистенциальном аспектах значима для формирования гуманистически зрелой личности.

В условиях возможного изменения самой идентичности человека наметилась трансформация антропологической парадигмы, поскольку задачей антропологических наук становится граница человеческого и поиск ответов на вызовы, которые технологии улучшения человеческой природы ставят перед онтологической ориентацией человека. Закономерно, что антропологический поворот в литературоведении возникает и развивается именно в период тектонического сдвига антропологической парадигмы и направлен на поиск нового статуса междисциплинарности, формирующейся на стыке литературоведения и естественных наук. Новый междисциплинарный статус литературоведения не означает размывания институционального статуса науки о литературе, а, напротив, отвечает актуальным тенденциям развития современной отечественной и зарубежной литературы, актуализирующей этические и эстетические проблемы той антропологической альтернативы, которая предлагается развитием биотехнологий и искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Андреева, Н. Н. Проза Владимира Сорокина 1980-ых гг.: концептуальный проект и художественная практика : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Андреева Н. Н. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2021. – 259 с.

2. Батин, М. А. Доктрина бессмертия / М. А. Батин // Бизнес-журнал. – 2015. – № 10. – С. 20–22.
3. Бахманн-Медик, Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы / Д. Бахманн-Медик. – URL : <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/rezhimy-tekstualnosti-v-literaturovedenii-i-kultur> (дата обращения: 29.12. 2022).
4. Безруков, А. Н. Эсхатология прозы Виктора Пелевина / А. Н. Безруков // Litera. – 2018. – № 2. – С. 208–215.
5. Белянин, М. Ю. Художественная антропология позднего Л. Н. Толстого : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Белянин М. Ю. – Москва, 2007. – 193 с.
6. В Китае трехлетней девочке пересадили череп. – URL : <https://www.vesti.ru/article/1755796> (дата обращения: 29.12.2022).
7. Врачи распечатали китайскому фермеру новый череп. – URL : <https://pressa.tv/interesnoe/32093-vrachi-raspechatali-kitayskomu-fermeru-novuyu-cherep-5-foto.html> (дата обращения: 29.12.2022).
8. Галактионова, Т. Г. Размышления старшеклассников о современной литературе / Т. Г. Галактионова, Ю. Л. Мокшина // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе : сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2018. – С. 20–21.
9. Герасимов, А. М. Нравственные проблемы геномных исследований и биотехнологий как основа формирования правового пространства инновационной медицины / А. М. Герасимов // Гены&Клетки. – 2019. – Т. XIV, № 2. – С. 62–67.
10. Громанн, К. «Прыгун с лезвием». Рем говорит, что исследование не показывает никаких преимуществ / К. Громанн // Агентство Рейтер. SBS. – 2016. – 30 мая.
11. Данилова, Г. В. Педагогические смыслы в выборе книг для самостоятельного чтения старшеклассников / Г. В. Данилова // На путях к новой школе. – 2012. – № 2. – С. 80–84.
12. Евдокимов, Ю. М. Наноконструкции на основе двухцепочных нуклеиновых кислот – возможности применения в биотехнологии и медицине / Ю. М. Евдокимова // Альманах клинической медицины. – 2006. – № 12. – С. 113.
13. Китайские врачи пересадили голову человека. – URL : <https://www.pravda.ru/news/science/1353369-china/> (дата обращения: 29.12.2022).

14. Крупницкий, Д. В. Роль чтения в среде старшеклассников / Д. В. Крупницкий // Макушинские чтения. – 2012. – № 9. – С. 213–215.
15. Ланин, Б. А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социокультурном контексте / Б. А. Ланин // Проблемы современного образования. – 2014. – № 1. – С. 161–169.
16. Липовецкий, М. Н. Сорокин-троп: карнализация / М. Н. Липовецкий // «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы / под ред. Е. Добренко, И. Калинина, М. Липовецкого. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 100–122. – (Серия: Научная библиотека).
17. Назарова, П. М. Что читают современные подростки? / П. М. Назарова // Богатство финно-угорских народов : материалы III Международного финно-угорского студенческого форума. – Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2016. – С. 429–432.
18. Николлози, Р. Антропологический поворот в литературоведении: примечания из немецкого контекста / Р. Николлози // НЛО. – 2012. – № 1. – URL : <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/antropologicheskij-povorot-v-literaturovedenii-> (дата обращения: 29.12. 2022).
19. Мороз, О. В. Культурная травма в русском литературном дискурсе конца XX века: Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Мороз О. В. – Москва : изд-во РГГУ, 2012. – 26 с.
20. Пелевин, В. Transhumanism inc / В. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2021. – 608 с.
21. Свирина, Н. М. Читательские предпочтения старших школьников / Н. М. Свирина // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения-2015 : сборник научных трудов XVII Всероссийской научной конференции. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; Высшая школа печати и медиатехнологий, 2016. – С. 54–59.
22. Смирнов, С. Антропологические границы гуманитарной экспертизы / С. Смирнов, Е. Яблокова // Философская антропология. – 2019. – № 1. – С. 26–44.
23. Созина, Е. К. Петербургский роман Марины Палей / Е. К. Созина // Уральский филологический вестник. – 2021. – № 1. – С. 178–185. – (Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения).
24. Сорокин, В. Доктор Гарин / В. Сорокин. – Москва : Аст, 2022. – 544 с.

25. Удодов, Б. Т. Пушкин: художественная антропология / Б. Т. Удодов. – Воронеж : Изд-во ВУ, 1999. – 302 с.

26. Фишер, А. Е. Круг чтения московских подростков / А. Е. Фишер // APRIORI. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – № 1. – С. 39–45.

27. Хокинг, С. Краткие ответы на большие вопросы / С. Хокинг. – Москва : Большая наука, 2019. – 256 с.

28. Хоружий, С. С. К Антропологической модели третьего тысячелетия / С. С. Хоружий // Философия науки и техники. – 2002. – № 1. – С. 108–137.

3.2. Культивирование ценностей и формирование компетенций у студенческой молодежи современной России⁸

На фоне глобальных социальных потрясений, обусловленных пандемией и масштабными мировыми геополитическими процессами, особо актуализируется проблема социализации и воспитания молодежи, формирования личности гражданина своей страны, будущего профессионала. Для России объективное изучение данной проблематики необходимо проводить в двух направлениях:

– в контексте процесса изменений в сфере воспитательной деятельности и работы с молодежью, что показательно возможно продемонстрировать на примере высшей школы России;

– через призму ценностно-ориентированного и компетентностного подходов в воспитании, представляющих особый научный и практический интерес в работе с молодежью современной России.

Отношение к воспитанию в последние 50 лет претерпевало ряд кардинальных изменений. Исторически в отечественном высшем образовании воспитание имело особое значение, в его основе превалировал ценностно-ориентированный подход, ценности определялись и как результат учебного процесса, и как критерий оценки прохождения такого. При подготовке специалиста шло планомерное культивирование ценностей у обучающегося, преподаватели и ученые являлись не только носителями знаний, но и примером для подражания. Данный подход в образовании, на наш взгляд, можно было бы интерпретировать следующим образом: при передаче знаний как орудия и оружия ценности выполняют роль сдерживающего фактора и контроля в применении.

В советский период студент был объектом патриотического, идеологического, духовно-нравственного, трудового, спортивного и других видов

⁸ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112800087-2.

воспитания. Ценности и качества личности обучающегося имели значение, его поведение и активность в учебное и во внеучебное время оценивались, и, в зависимости от содержания, были причиной серьезных отрицательных, либо положительных санкций.

В процессе зарубежного заимствования образовательных практик в постсоветское время воспитание практически полностью выводится из системы высшего образования. Основная задача вузов – организация учебной и научно-исследовательской деятельности, воспитательное воздействие на личность учащегося рассматривается как посягательство на его свободу. Эти изменения в образовании позже рассматривались критично, что фиксировалось и в официальных документах. Так, в Рекомендациях по организации воспитательного процесса в вузе, являвшимся единственным нормативно-методическим документом на уровне федерального управления, произошедшее характеризовалось как утрата системы воспитания. И в этих же рекомендациях акцентировалось внимание на важности воспитания молодого поколения, так как оно в скором будущем выступит определяющей силой социально-экономического и культурного развития России [7].

В 2012 г. принимается федеральный закон об образовании [2], воспитание определяется как часть процесса образования: «...образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов...» [2]. И, так как в представленной формулировке нет пояснения по уровням образования, то данное определение стало относиться и к уровню высшего образования.

Воспитание постепенно возвращается в высшую школу и степень «возвращения» зависела от ведомственной принадлежности вуза, специфики отрасли, традиций самого учебного заведения. Высшие учебные заведения, которые традиционно и в силу своих профессиональных особенностей были ориентированы на процесс воспитания будущих выпускников, уделяли должное внимание работе со студенческой молодежью и в учебное, и во внеучебное время, поддерживали вузовские системы воспитания и развивали направления работы со студенческой молодежью.

Среди таковых необходимо отметить вузы: педагогические; транспортной отрасли; сферы культуры; военных и силовых ведомств и др.

Часть вузов в своей деятельности и далее в ущерб воспитанию продолжали акцентировать в большей степени внимание на учебном и научно-исследовательском процессах.

Понятия «компетенция» и «компетентностный подход» входят в образовательный процесс отечественных университетов с подписанием Россией Болонского соглашения. Именно компетенции становятся основным результатом получения образования, базовыми критериями определения содержания обучения, структурирования программ дисциплин и программ образовательных. Компетентностный подход применяется как приоритетный и рассматривается как комплекс принципов, необходимых для формирования цели образования, организации образовательного процесса и оценки его результативности. В рамках данного подхода государством определяется ряд компетенций, которые должны быть сформированы у обучающихся. Вследствие того, что законодательно процесс воспитания трактовался как интегрированный в учебный процесс, то компетенции, определенные государственными стандартами для процесса учебного, стали, в том числе, и основой для организации процесса воспитательного. И при отсутствии каких-либо методических рекомендаций по организации воспитательного процесса в вузе, понятие компетенции прочно входит в сферу воспитательной деятельности и работы со студенческой молодежью.

В соответствии с федеральными государственными стандартами, базовыми компетенциями для организации воспитательной деятельности в высшей школе стали общекультурные, чуть позже – универсальные компетенции, как способности:

- использования основ философских знаний для формирования мировоззренческой позиции;
- анализа основных этапов и закономерностей исторического развития общества для формирования гражданской позиции;
- использования основ экономических и правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности;
- коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;
- работы в коллективе, толерантного восприятия социальных, этнических, конфессиональных и культурных различий;
- к самоорганизации и самообразованию;

- использования методов и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности;
- использования приемов первой помощи, методов защиты в условиях чрезвычайных ситуаций;
- культивирования патриотического отношения к региону проживания;
- ставить и достигать личностно-значимые цели, способствующие социально-экономическому развитию региона;
- ответственного отношения к природной и социокультурной среде;
- повышения уровня культуры безопасного поведения.

Учитывая, что компетенции – это готовность личности применять полученные знания, умения и навыки для решения различных задач в области ее профессиональной, общественной, гражданской деятельности, то компетентностный подход в воспитании – это формирование знаний у обучающегося, что кардинально отличает его от ценностно-ориентированного, направленного, в том числе, на формирование ответственного использования знаний, ценностей и качеств, определяющих содержание личности и ее поведение. Любовь к Родине, матери, сострадание к близкому, духовность, эстетическое восприятие и другие компетенциями не являются, и в рамках компетентностного подхода их сформировать не представляется возможным.

С принятием закона об образовании [2] и профильных федеральных программ [4, 6], в реализации воспитательной деятельности в высшей школе постепенно актуализируется научный подход и применение современных технологий в работе со студентами во внеучебное время. Ведется поиск эффективных методов работы с молодежью понятных и принимаемых ею, среди таковых:

- модульные технологии реализации поэтапного проекта в течение периода времени;
- проектные технологии, предполагающие интеграцию методов и организацию работы от идеи до результата;
- организационно-деятельностные игры;
- технологии модерации;
- личностно-индивидуальные технологии развития и т. д.

В расширении деятельности вузов в работе со студентами активизируется реализация государственной молодежной политики. Высшие учебные заведения уделяют внимание созданию условий для эффективной социализации и самореализации студенческой молодежи. Министерство обра-

зования в 2018 г. вводит для вузов мониторинг по молодежной политике, руководствуясь следующими документами:

- Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [6];

- Указом Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» [5];

Показателями вузов становятся: участие студентов в общественной и значимой социокультурной деятельности (своего города, региона, страны), конструктивные формы студенческой самоорганизации (студенческие отряды, волонтерские объединения, органы студенческого самоуправления и профсоюзные организации) и т.д.

Особое внимание уделяется развитию у студенческой молодежи надпрофессиональных компетенций, или иначе *soft skills* («мягкие» умения). И если *hard skills* – умения, необходимые для конкретной работы, или иначе профессиональные, фигурировали в сфере учебного процесса, то надпрофессиональные вошли как целевые показатели в сферу воспитательной деятельности и работы с молодежью.

Агентство стратегических инициатив (<https://asi.ru>), на основании многоступенчатого исследования с приглашением экспертов – руководителей лидирующих компаний в экономическом пространстве страны и мира, представило список компетенций, необходимых для будущих профессионалов. Именно эти компетенции и стали базовыми в определении компетенций надпрофессиональных:

- мультиязычность и мультикультурность;
- навыки межотраслевой коммуникации;
- умение управлять проектами и процессами;
- работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий и задач;
- способность к художественному творчеству, наличие развитого эстетического вкуса;
- умения находить информационные решения;
- умения работать с коллективами, группами, отдельными людьми;
- системное мышление;
- бережливое производство;
- экологическое мышление.

Компетентностный подход (компетенции как целевые установки и критерии оценки результативности) становится определяющим и в деятельности профильной, в сфере работы с молодежью Федеральной структуры – Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь».

Агентство в своём функционировании четко ориентируется на цели и задачи реализации государственной молодежной политики. Одно из основных направлений его работы – организация и проведение грантовых конкурсов, участниками которых могут быть физические лица, НКО и т.д. В работе со студенчеством особенно значимым, с точки зрения организационно-функциональных, профессиональных и технологических аспектов воплощения политики в жизнь российского общества, является отдельный грантовый конкурс среди высших учебных заведений на реализацию молодежных проектов. Проекты осуществлялись при финансовой поддержке «Росмолодежи» и при их реализации использовались инфраструктура и материально-техническое оснащение вузов, научно-методическая и организационная составляющие. Молодежная специфика проектов определяла базовыми в их реализации подразделения и специалистов воспитательного блока вузов, а также и сам воспитательный процесс в учебных заведениях.

Направления грантовых конкурсов соответствовали задачам государственных программных документов и определяли блоки воспитательной деятельности в учебных заведениях высшего образования, такие как:

- работа общественных организаций;
- международное сотрудничество;
- инновационная деятельность и научно-техническое творчество;
- самоуправление;
- социальная защита;
- здоровый образ жизни;
- толерантность;
- патриотизм;
- молодые семьи;
- волонтерство;
- медиа;
- карьера;
- кадры в сфере ГМП;
- предпринимательство;
- социальная адаптация и т. д.

Интерес представляют основные принципы агентства в работе с вузами по организации молодежных проектов в контексте реализации государственной молодежной политики и воспитательной работы на площадках университетов. Кроме того, что проекты были ориентированы на решение конкретных государственных задач, они обязательно должны были быть массовыми и доступными для участников. Организатором проекта и держателем гранта выступала конкретная образовательная организация, а

участниками становились все желающие студенты города или региона в зависимости от статуса гранта. Поддерживались сетевые проекты, в которых участвовало несколько вузов или вуз в содружестве с несколькими организациями, что способствовало массовости, расширению географии (вузы могут быть расположены в различных регионах, субъектах федерации или городах), также срабатывал кумулятивный эффект в совместном использовании инфраструктуры и ресурсов нескольких организаций. В силу работы с самой прогрессивной социальной группой в обществе – молодежью и в соответствии с государственными задачами, «Росмолодежь» актуализирует реализацию проектов одновременно в реальном и виртуальном мире, что позволяет достичь высокого уровня массовости, максимально проникнуть в молодежную среду через популярные и понимаемые для молодежи каналы коммуникации и представлять содержание проектов через соответствующий для современной молодежи формат. Интерактивность и паритетность в работе, поддерживаемая агентством в проектах, предоставляла возможности студенческой молодёжи для конструктивной активности и самовыражения. Мультипликативность, как умножение положительного эффекта, обеспечивала «проращивание» результатов работы в молодежную среду.

Базовый принцип организации данной деятельности – это получение конкретного результата-продукта, который измеряется в качественных и количественных показателях. Таковым результатом в проектах фигурировало формирование у студенческой молодёжи определенных компетенций.

В итоге сфера воспитания в высшей школе стала демонстрировать следующие особенности:

- организация воспитательного процесса в вузах отличалась и зависела от специфики самого вуза и реализуемых в нем направлений подготовки;
- в работе со студенческой молодежью применялся целый спектр технологий и методов, но единого видения осуществления воспитательной деятельности в высшей школе не было;
- наблюдался приоритет компетентностного подхода в работе, что вызвало дискуссии в образовательном сообществе, так как подход не был ориентирован на формирование ценностей – базовых категорий личности и ее поведения. Проблема имела серьезные последствия, менялось содержание и предназначение воспитания и образования в высшей школе. Целевой установкой становилось не формирование личности как гражданина своей страны и будущего профессионала, а создание специалиста с набором компетенций, часть из которых обучающийся получал в учебном процесс, часть – в воспитательном.

Ситуация кардинально начинает меняться с принятием в 2020 г. Федерального закона № 304 от 31.07.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся» [3]. Закон вносит ряд изменений в организацию воспитания в высшей школе.

1. В отличие от законодательства 2012 г., в новом законе воспитание определяется как самостоятельная деятельность, а именно как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [3].

2. Воспитание рассматривается в двух направлениях: как воспитание, осуществляемое во внеучебное время, и воспитание в учебном процессе.

3. Воспитательная деятельность регламентируется и определяется нормативно через пакет документов, обязательных для вуза. С законодательными изменениями образовательная программа – основной документ реализации образовательного процесса по направлению подготовки – трактуется как «комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты) и организационно-педагогических условий, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, оценочных и методических материалов, а также в предусмотренных настоящим федеральным законом случаях в виде рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы, форм аттестации». Следовательно, вузам необходимо в каждую основную профессиональную образовательную программу (ОПОП) ввести рабочую программу воспитания, календарный план воспитательной работы и предусмотреть формы аттестации. Кроме того, законом были определены базовые воспитательные документы вуза в целом: рабочая программа воспитания и календарный план воспитательной работы образовательной организации высшего образования.

4. Организация воспитательной деятельности подвергается отдельному мониторингу со стороны государства. И если ранее результаты воспита-

ния в высшей школе проходили по мониторингам организации работы с молодежью или могли быть лишь затронуты в процессе лицензионных и аккредитационных процедур, то с законодательными изменениями организация воспитательного процесса становится предметом государственного мониторинга и контроля в мероприятиях лицензирования и аккредитации.

Законодательные изменения повлекли за собой и изменения нормативно-методического характера. Под эгидой Министерства науки и высшего образования РФ организуется работа по созданию систематизированной методической базы. В качестве экспертов выступили представители научно-преподавательского сообщества и корпус проректоров вузов страны. В течение 2020–2021 гг. прошла серия семинаров и экспертных сессий, результатом которых стали Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования [1].

Методические рекомендации, определявшие базовые воспитательные документы высшего учебного заведения, включали следующие разделы:

- теоретико-методологический инструментарий;
- нормативно-законодательную базу;
- цели и задачи;
- ресурсы и условия организации воспитательной работы;
- направления воспитательной деятельности;
- организационные аспекты построения системы управления воспитанием;
- критерии оценки эффективности работы и т.д.

Следует отметить, что данный документ претерпевал изменения в процессе создания и утверждения, и, если в его первоначальной версии был представлен целый спектр теоретико-методологических подходов и подробное описание действий и инструментов в контексте каждого из них, то в итоге был принят документ, в последней версии которого нет упоминания о компетентностном подходе.

В документе определяется, что в основу «Примерной рабочей программы воспитания положен комплекс методологических подходов, включающий: аксиологический (ценностно ориентированный), системный, системно-деятельностный, культурологический, проблемно-функциональный, научно-исследовательский, проектный, ресурсный, здоровьесберегающий и информационный подходы» [1]. И цель воспитательной работы в новом методическом документе рассматривается как «создание условий для активной жизнедеятельности обучающихся, их гражданского самоопределения, профессионального становления и индивидуально-личностной самореализации в созидательной деятельности для удовлетво-

рения потребностей в нравственном, культурном, интеллектуальном, социальном и профессиональном развитии» [1].

После изменения законодательства начинается построение единой системы воспитания в высшей школе страны.

Уровень Федерации. В структуре Министерства науки и высшего образования РФ организация работы с молодежью и воспитательной деятельности выделяется в отдельное направление и закрепляется за конкретным заместителем министра, как и профильный департамент – Департамент государственной молодежной политики и воспитательной деятельности.

В обеспечении эффективности управления на уровне всей страны в течение 2021–2022 гг. реализуются рабочие встречи представителей министерств (не ниже руководителя департамента) и руководителей учебных учреждений (не ниже проректора или заместителя директора) в Федеральных округах. Встречи направлены на выполнение следующих организационно-управленческих задач:

- формирование и продвижение единой концепции воспитательной деятельности, определение структуры воспитательного блока вузов и функционала профильных работников;
- установление коммуникаций в высшей школе на уровне страны;
- мониторинг региональной проблематики в области воспитания и работы с молодежью;
- обмен опытом и выявление лучших воспитательных практик для дальнейшего их продвижения в вузовской среде.

Формируется единое информационное поле в социальных сетях. В Telegram создаются группы и каналы, в которые входят представители министерства и профильные проректоры: группа «Сообщество представителей образовательных организаций России, ответственных за воспитательную работу со студенческой молодежью», канал «Сообщество представителей образовательных организаций России, ответственных за воспитательную работу со студенческой молодежью», группы по федеральным округам. Это позволяет: оперативно обмениваться опытом и мнениями; от «первого лица» получать информацию, разъяснения и документы по вопросам организации воспитательного процесса в вузе; эффективно решать организационные вопросы.

Уровень субъекта федерации. На уровне субъектов федерации в реализации работы с молодежью наблюдается проблема неравномерного взаимодействия Комитетов по делам молодежи (КДМ) и вузов. Это объясняется тем, что вузы и КДМы подчиняются разным федеральным структурам власти. Первые подведомственны профильным министерствам, вторые курируются Агентством по делам молодежи («Росмолодежь»), но

при этом могут входить в структуры различных региональных министерств и ведомств (министерство образования, министерство спорта, управление внутренних дел и т. д.). В решении данной проблемы руководители КДМ участвуют в рабочих встречах представителей министерств и руководителей учебных учреждений, входят в созданные группы в социальных сетях, принимают активное участие в процедурах конкурсов на получение грантов и т.д.

На уровне образовательных организаций. Формируется единая система управления воспитательной деятельностью и работой с молодежью во всех образовательных учреждениях страны под контролем Министерства науки и высшего образования РФ, в частности, в вузах:

- отдельно выделяется воспитательная функция;
- определяется структура воспитательного блока, включающая управление воспитательной работой и другие подразделения, направленные на организацию воспитательного процесса и работы с молодежью;
- вводится должность проректора по молодежной политике и воспитательной работе в штатное расписание вузов, и эта должность становится обязательной для всех высших учебных заведений;
- ведется разработка методики расчета КРІ ректоров и проректоров в области реализации молодежной политики и воспитательной деятельности.

В заключение отметим ряд ключевых выводов.

Воспитание студенческой молодежи в последние 50 лет осуществлялось при переходе к компетентностному подходу при его последующем превалировании в высшем образовании и дальнейшем отходе от него на фоне актуализации ценностно-ориентированного подхода в современной России.

Утерянная в 90-е гг. концептуально обоснованная система воспитания студенческой молодежи в высшей школе восстанавливается в современной России и выстраивается по уровням: Федерации, субъектов Федерации, вузов.

Компетентностный подход в воспитании, направленный на формирование компетенций, не позволяет создать личность современного человека, ориентированного на духовные и нравственные ценности. Ценностно-ориентированный подход, социокультурно и исторически близкий отечественной системе высшего образования, напротив, предоставляет для воспитания личности серьезный арсенал методов инструментов в культивировании ценностей личности современного человека.

Наиболее перспективным направлением развития воспитания, на наш взгляд, является интеграция возможностей обоих подходов в работе со студенческой молодежью. Основа воспитания – это не только культиви-

рование ценностей, но и формирование умений и навыков выстраивания коммуникаций, безопасного поведения, управления, организации и т. д. Она имеет важное значение в становлении будущего профессионала.

Список литературы

1. Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. – 2021. – URL : <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 31.01.2023).

2. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон : [29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 7 окт. 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13 окт. 2022 г.)]. – URL : <https://base.garant.ru> (дата обращения: 31.01.2023).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федеральный закон : [31 июля 2020 г. № 304-ФЗ]. – URL : <https://base.garant.ru> (дата обращения: 31.01.2023).

4. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» : постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. – URL : <https://base.garant.ru> (дата обращения: 31.01.2023).

5. О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г. : Указ Президента. – URL : <https://base.garant.ru/71937200> (дата обращения: 31.01.2023).

6. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : [утв. распоряжением Правительства Российской Федерации 29 нояб. 2014 г. № 2403-п]. – URL : <https://base.garant.ru> (дата обращения: 31.01.2023).

7. Рекомендации по организации воспитательного процесса в вузе : письмо Министерства образования и науки РФ : [22 февр. 2006 г. № 06-197]. – URL : <https://base.garant.ru/6324238/> (дата обращения: 31.01.2023).

3.3. Детско-подростковые криминальные объединения: сущность и особенности субкультур

В век цифровой информатизации, так называемую информационную эру, когда человечество стремительно движется от традиционной индустрии к оцифрованной и компьютеризованной, можно найти не только мно-

жестов ответов на возникающие у подрастающего поколения вопросов, но и самих вопросов. Примечательно то, что ответ может содержать не столь ценную и подчас истинную информацию, но и соблазн, искушение отойти от грани понятного. И сегодня все больший общественный резонанс вызывает информация о движениях, направленных, в том числе, на криминализацию молодежи. Современное веяние показывает разнообразие групп молодежи, и здесь возникают иные вопросы: это субкультуры или новые формы организации молодежных движений? Но для подростка в самом увлечении субкультурами ничего не меняется, субкультура является островом свободы его идентичности, утверждения его личностных характеристик.

Для углубления в детско-подростковые криминальные объединения нам необходимо проанализировать имеющиеся подходы к существованию понятия «субкультура» и в результате чего оно было сформировано. Понятие «субкультура» сформировалось в результате разносторонности пространства культуры, необходимости разветвления новых направлений. Но до настоящего времени единого устоявшегося мнения как в западной, так и в отечественной литературе о данном явлении нет.

Автором же термина «субкультура» является американский социолог Теодор Роззак, использовавший его в середине 30-х гг. XX в. для исследования проблемы культурной дифференциации, выявления соотношения общего и частного в культуре того или иного общества на определенной стадии развития. Под субкультурой он понимал определенную культурную «сетку координат», выработанную разными сообществами и характеризующую их разносторонне и целостно [5, с. 93–106].

Для анализа толкований термина «субкультура», содержащихся в наиболее распространенных словарях, обратимся к некоторым из них.

1. Большой толковый социологический словарь: «субкультура (subculture) – система убеждений, ценностей и норм, которые разделяются и активно используются явным меньшинством людей в рамках определенной культуры. Отношение субкультуры к так называемой господствующей культуре было идентифицировано как отношение подчинения и относительного бессилия. Поэтому властные отношения – важное измерение любой социологической работы в этой области. Субкультуры исследовались с точки зрения этноса, класса, девиации и молодежной культуры» [2].

2. Новейший философский словарь дает определение термину «субкультура» как системе норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества [4].

3. Авторы педагогического словаря придерживаются следующей терминологии: субкультура детская (подростковая, юношеская): а) культурное пространство и круг общения подростковых и юношеских сообществ, помогающих им адаптироваться в обществе и создать свои, автономные формы культурной активности; б) всё, что создано человеческим обществом для детей и самими детьми [5].

4. Педагогический энциклопедический словарь: субкультура – совокупность специфических социально-психологических признаков (норм, ценностей, стереотипов, вкусов и т.д.), влияющих на стиль жизни и мышления определённых номинальных и реальных групп людей и позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «мы», отличного от «они» (остальные представители социума) [1].

В большинстве изученных определений понятие термина «субкультура» дается, в первую очередь, как системное явление отдельных групп, слоев населения, влияющих на ту отрасль жизни, в которой применяется направление субкультуры.

Если говорить об отечественной литературе настоящего времени, данный термин широко используется во многих публикациях, но не во всех эпизодах, согласно его общепринятому значению. Но так было не всегда. Первые отголоски термина «субкультура» возникли в конце 60-х гг. только благодаря переводам западных публикаций на русский язык и использовался он лишь для анализа и выявления молодежных движений Запада.

Согласно мнению известного российского ученого Т. Б. Щепанской, «термин "субкультура" впервые был применен с подразумеванием низового, подземного семантического варианта приставки "sub" (т.е. "под"), обозначая скрытые, неофициальные культурные пласты, подстилающие "дневную поверхность" господствующей культуры. Это понятие использовалось в ряду таких, как *subterranean culture* (подземная культура) и *underground* (подполье). Просматривается и привычное восприятие неинституциональных культурных явлений как низовых – в противоположность "высокой" официальной культуре. В том же контексте (в применении к идеологии и практике молодежного протеста против ценностей общества потребления, трудовой этики и технократической цивилизации) использовалось и понятие "контркультура", определявшее идеологию молодежи как разрушающую всякую культуру вообще, противостоящую культуре как таковой. Отсюда видно, что понятие "субкультура" первоначально обозначало явления, воспринимавшиеся как не- или внекультурные. Со временем, однако, оно получило иной смысл... Теперь оно прочи-

тывается как обозначение "подсистемы" культуры, указывая на мультикультурный характер современного общества» [6].

В российских исследованиях субкультурный дискурс нашел свои первые отклики в конце 80-х гг. ввиду либерализации общества. В это время западные молодежные субкультуры были полностью сформированы и прошли свой полный цикл существования в так называемые «три волны». Первая волна (конец 40-х – начало 60-х гг.): битники, байкеры, teddy boys, моды, превращающиеся в более известных нам скинхедов. Вторая волна (середина 60-х – середина 80-х гг.): хиппи, яппи, панки. Третья волна (с конца 80-х до наших дней): реперы, рейверы, хакеры. Что же касается развития отечественных субкультур, то первой нашумевшей молодежной субкультурой были советские стилиги. Пожалуй, самым значительным вкладом стилиг в культуру СССР 1950-х гг. были их приверженность и последовательное отстаивание культуры джаза.

Что же касается причин ухода подростков в неформалы, то первостепенными являются потребность в друзьях, конфликты дома или в школе, протест против формализма взрослых. Многие из пришедших в «неформалы» – это те, кто «не знал, как жить дальше». Молодежь всегда и везде стремится к общению со сверстниками, бежит от душевного одиночества и непонимания.

Если сделать шкалу причин потребностей, то получается примерно следующее:

- 1) непонимание в семье, вызов семье, потребность в самовыражении, независимости и самостоятельности;
- 2) неуспеваемость в школе и отчуждение от школьного коллектива, потребность чувствовать себя «своим» в группе, иметь друзей;
- 3) возрастные увлечения, потребность в необычных эмоциональных впечатлениях, потребность быть взрослым;
- 4) вызов обществу, возможность проявить протест, потребность уйти от скуки, потребность признания и принятия.

Самое примечательное здесь то, что современные субкультуры основаны на многообразном течении музыки и киноиндустрии.

Так, анализируя телеграмм-каналы подростков (<http://t.me/neeformat>, <http://t.me/zxcneforii>, http://t.me/witchhouse_top, <http://t.me/avesatanclaus>, http://t.me/pop_k, <http://t.me/kpopmoyajizn>, <http://t.me/pornhapsmap>, <http://t.me/missmissas>, <http://t.me/pomyatie>), можно сделать вывод о сохранении ранее известных каст: эмо, готов, панков, реперов, рокеров, а также распространении новых направлений таких субкультур, как «Вичуганы». Данная субкультура раньше относилась к подросткам, слушающим жанр

западный музыки «Витч хаус» («ведьмин дом»). Сейчас же это некий наш современный псевдо-андеграунд. Но так же, как и прошлые вичуганы, нынешние все так же считают себя жесткими «мамкиными аморалями», алкоголиками и атеистами.

Еще одно из новых асоциальных направлений современных субкультур тоже связано с музыкой. Основоположником этого течения стала группа IC3PEAK. Их последователи считают себя частью культурной революции и пытаются показать новую культуру, в которой «нет гендера, нет возраста и нет временных условностей». Они выступают за феминизм и при этом живут в своем мире – с утопленниками, ведьмами и прочей жутью – в гармонии с постоянной депрессией. Их гимном можно назвать песню под названием «Kawaii Warrior», что в переводе с английского означает «Кавайный воин». Данный музыкальный проект воплотил в себя основные тенденции развития направления последователей группы. Слова из песни «...Я была рождена такой, какая я есть – ни натуралка, ни лесбиянка...» не требуют в этом контексте перевода.

На их фоне веяние эмо и гóтов уже и не кажется таким странным и страшным. Они считают себя поколением, растущим не на улице и подающимся уличным движениям, а поколением, возвращенным интернетом, и всех их объединяет мировая сеть.

Аниме также является одной из новых субкультур. Здесь важно отметить, что аниме – это не мультфильмы и не фильмы, а отдельный вид медиапродукта. Аниме неоднородно, в нем огромное количество направлений и жанров, очень многие из которых запрещены даже в самой Японии: яой, юри, хентай, направленные на откровенное растление и ориентирование молодежи на гомосексуальные отношения как норму. Во всех жанрах присутствуют темы насилия и садизма, и в японской культуре они приняты «по умолчанию». Подростков, попавших под влияние аниме, отличает особая жестокость, отсутствие сопереживания, интереса к жизни, в которой нет спецэффектов аниме.

К-поп, халлю, или корейская волна, – это те самые несовершеннолетние с ушками зайчика и розовыми волосами, новая субкультура молодежи, состоящая из фанатов южнокорейских музыкальных групп, фильмов, сериалов, дорам. Для них характерно проведение танцевальных вечеринок, сходов и просто еженедельных встреч любителей К-поп субкультуры. Также они устраивают кавер-дэнс-тим, переодеваются в одежду, по стилю схожую со стилем той или иной группы.

«Помятые», название несет в себе, в том числе и суть самого неформального объединения. До настоящего времени неясно, можно ли отнести

данное объединение подростков к новой молодежной субкультуре или это стиль в одежде и жизни, повседневный антигламур и нездоровый образ жизни. Они презируют стразики, блестки, бантики, предпочитают косуху и растрепанную «гульку» на голове. Если обобщить манеру и стиль в одежде, то рокеры, панки, хиппи – всё это «помятые». Своим отличием считают особое умение выглядеть так, будто ты одел то, что нашел у себя под кроватью и притом остаешься стильным.

Основной девиз тамблер-герл: «Умей держать всю боль внутри. Людям плевать на твои чувства». Это подростки-девушки, ведущие свой блог, наполненный селфи в трендовых вещах, с броским макияжем и только в самых модных позах. Отличительной чертой любой тамблер-гёрл являются покрашенные в яркие цвета волосы, имеют место быть многочисленные аксессуары, такие как цветы, ленточки. Их движение является полной противоположностью «Помятых». Они блестящи во всех смыслах – на лице наклеены стразы и нанесены блестки, на вещах пайетки, камни. Предпочитают удобу. И очень любят фотографироваться с кактусами.

Основная опасность в этой субкультуре – излишнее желание удобы, граничащее с анорексией.

Помимо представленных, в настоящее время начинают свое становление такие субкультуры, как винишко-тян, Health-goth (хэлс-готы), ванильки, диггеры и сталкеры, компьютерные гики. Каждая из них формируется интернетом и существует только благодаря ему.

Важно, чтобы любая субкультура для подростка не переросла в криминальную, а остановилась на стадии хобби и увлечений. Этот фактор зависит от нас, взрослых. Не стоит забывать о взаимосвязи детско-родительских отношений, которые оказывают как эмоциональное, так и физиологическое воздействие на становление личности подростка, формирование его внешней и внутренней структуры.

Список литературы

1. Бим-Бад, Б. М. Педагогический энциклопедический словарь / Б. М. Бим-Бад. – Москва, 2002. – 527 с.
2. Дэвид, Джери. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1-2 / Дэвид Джери, Джулия Джери : пер. с англ. – Москва : Вече, АСТ, 1999.
3. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – Москва : Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.

4. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд-во В. М. Скаун, 1998. – 896 с.

5. Чупров, В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве / В. И. Чупров // СОЦИС. – 1998. – № 3. – С. 93–106.

6. Щепанская, Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т. Б. Щепанская. – Москва : ОГИ, 2004. – 286 с.

4. КУЛЬТУРА, ЗДОРОВЬЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ

4.1. «Здоровье и болезнь» в социокультурной динамике

В 1946 г. Всемирная организация здравоохранения определила здоровье не просто как «отсутствие болезней и физических дефектов», но как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия» (Constitution of the World Health Organization 2009). Здоровье – это больше, чем физиологическое или психологическое состояние. Это понятие, с помощью которого люди пытаются описать свое ощущение благополучия. В момент принятия такое понятие здоровья оказалось принципиальным, так как в данной трактовке заложен богатый потенциал, позволяющий развивать дискуссию о здоровье применительно не к какому-то одному, а к самым разным обществам.

Таким образом, здоровье – это культурно обусловленная конструкция, чей смысл серьезно варьируется от одного общества к другому и от одного исторического периода к другому. Гален определял здоровье как состояние, «в котором мы не испытываем боли и которое не мешает выполнять функции нашей каждодневной жизни: участвовать в руководстве, мыться, пить, есть и делать все другое, что мы хотим» или «как вид гармонии, но его границы очень широкие и не у всех одинаковые».

Здоровье – это главная ценность жизни, оно занимает самую высокую ступень в иерархии потребностей человека. Здоровье – один из важнейших компонентов человеческого счастья и одно из ведущих условий успешного социального и экономического развития. Реализация интеллектуального, нравственно-духовного, физического и репродуктивного потенциала возможна только в здоровом обществе.

Еще в начале 40-х гг. XX столетия понятию «здоровье и здоровый человек» дали следующее определение: «Здоровым может считаться человек, который отличается гармоническим развитием и хорошо адаптирован к окружающей его физической и социальной среде».

Основоположник валеологии И. И. Брехман рассматривал здоровье человека «как способность сохранять соответствующую возрасту устойчивость в условиях резких изменений количественных и качественных параметров триединого потока сенсорной, вербальной и структурной информации» [4].

С. Я. Чикин видит в здоровье гармоническое взаимодействие и функционирование всех органов и систем человека при его физическом совершенстве и нормальной психике, позволяющих активно участвовать в общественно полезном труде [16].

Один из основателей космической биологии и медицины Р. М. Баевский считал определяющим фактором здоровья адаптивность организма: «Возможность организма человека адаптироваться к изменениям окружающей среды, свободно взаимодействуя с ней, на основе биологической, психологической и социальной сущности человека» [14, с. 25–29].

Н. Д. Граевская в понятие «здоровье» включает оценку уровня функциональных возможностей организма, диапазона его компенсаторно-адаптационных реакций в экстремальных условиях, т.е. возможности приспособиться к повышенным требованиям среды без патологических проявлений [6].

Н. А. Агаджанян, изучая биологические ритмы человека, заключает, что здоровье представляет собой оптимальное соотношение взаимосвязанных эндогенных ритмов физиологических процессов и их соответствие внешним циклическим изменениям [1].

В. П. Казначеев определяет здоровье человека как процесс сохранения и развития его биологических, физиологических и психологических возможностей, оптимальной социальной активности при максимальной продолжительности жизни. При этом обращается внимание на необходимость создания таких условий и таких гигиенических систем, которые обеспечивали бы не только сохранение здоровья человека, но и его развитие [7].

В 1985 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла концепцию «Здоровье для всех к 2000 году», определившую стратегию и тактику всех развитых стран по созданию условий для обеспечения и развития здоровья населения, оставив понятие, принятое и одобренное в 1946 г., «здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезни и физических дефектов» без изменений.

Однако, по мнению ведущих российских ученых, это определение неконкретно. Например, А. Г. Щедрина предлагает такую формулировку: «Здоровье – это целостное многомерное динамическое состояние (вклю-

чая его позитивные и негативные показатели), которое развивается... в условиях конкретной социальной, культурной, экологической среды и позволяет человеку осуществлять его биологические и социальные функции» [17].

Так, учитывая биосоциальную сущность человека, Ю. П. Лисицын рассматривает здоровье человека как гармоничное единство биологических и социальных качеств, обусловленных врожденными и приобретенными механизмами [9].

Известный кардиохирург Н. М. Амосов рассматривал здоровье как «уровень функциональных возможностей организма и диапазон его компенсаторно-адаптационных реакций в экстремальных условиях, т.е. уровень резервных возможностей организма» [3, с. 72–81].

В настоящее время нет экспериментального обоснования определению здоровья, которое дал Э. Н. Вайнер: «Здоровье – такое состояние организма, которое дает человеку возможность в максимальной степени реализовать свою генетическую программу в условиях социокультурного бытия данного человека». Это объясняется тем, что степень реализации генетической программы человека и функциональное назначение генов пока недостаточно изучены [5].

Физиологический (медико-биологический) подход, основанный на базовых принципах жизнедеятельности организма, был положен в основу определения здоровья Р. И. Айзманом: «Здоровье – это способность организма сохранять свою психофизиологическую устойчивость (гомеостаз) в условиях адаптации к различным факторам окружающей среды и нагрузкам» [2]. Здоровье не означает просто отсутствие болезней, это нечто положительное, это жизнерадостное и охотное выполнение обязанностей, которые жизнь возлагает на человека.

Анализируя эти формулировки, можно отметить, что здоровье можно рассматривать в статике, как нечто данное, т.е. здоровье или есть, или его нет. В то же время здоровье можно рассматривать и в динамике, т.е. демонстрации того, что здоровье формируется по мере развития организма. Более того, в приведенном определении делается акцент на том, что здоровье генетически запрограммировано. Возможность реализации полностью генетической программы будет зависеть от конкретных биологических и социальных факторов (т.е. окружающей биологической среды и воспитания), культурных, политических и других, под влиянием которых будет жить и развиваться человек. Здесь речь идет о том, что здоровье хотя и имеет врожденные предпосылки (положительные или отрицательные), однако формируется в течение длительного периода, под воздействием множества факторов.

Однако, в 70-е гг. прошлого столетия среди исследователей индивидуального и общественного здоровья формируется понимание того, что достижения медицины позволили существенно увеличить продолжительность жизни. Вакцинации и биомедицинские технологии дали возможность людям, имеющим заболевания, которые ранее приводили к смертельным исходам, жить. Заболевание не излечивается, а переходит в стадию хронического процесса, но средства клинической медицины не позволяют улучшить качество жизни при наличии хронического заболевания, поэтому возникла необходимость в новых культурных практиках и в инновационных технологиях [11, с. 205–217].

Роль медицины по отношению к здоровью отмечает Д. Рони, сформулировав три основные задачи:

- 1) осмысление роли медицинского персонала в сохранении здоровья;
- 2) контроль болезней;
- 3) прогнозирование направления и степени культурных изменений, которые существенно могут повлиять на здоровье [24, с. 95–99].

Исследователи Х. Баер и М.Зингер предложили рассматривать здоровье не как абсолютное состояние, а как некое пластичное понятие, которое всякий раз следует связывать с окружающим социокультурным контекстом. При этом для осмысления того, чем является здоровье в современном индустриальном обществе, по их мнению, важно усвоить то, как воспринимается здоровье в более простых, аборигенных обществах [19, с. 8, 53–54]. Для оценки здоровья в таких обществах исследователи привлекли обширную литературу⁹.

Картина общественного здоровья в обществах охотников и собирателей выглядит следующим образом: все люди живут в одних и тех же условиях. Характер питания одинаков: либо все сыты, либо все голодают. Плотность населения низкая. Люди ведут кочевой образ жизни, поэтому им удастся серьезно снизить уровень эпидемических заболеваний. У них отсутствуют формы медицинской помощи – антибиотики, иммунизация, хирургия и т.п. Вследствие естественного отбора у людей из этих обществ развился высокий уровень сопротивляемости заболеваниям. В таких обществах почти не встретишь больных в привычном смысле слова, преобладают «здоровые люди», т.е. все те, кто сумел выжить перед лицом многочисленных угроз и опасностей. Следовательно, здоровые люди – это выжившие. Здоровье всего общества здесь достигается не за счет лечения, а за счет профилактики.

⁹ Health and Disease in Tribal Societies (1977); McNeill (1976), p. 54–93; Dunn (1977); Boyd, Shostak, Konner (1988).

С переходом к оседлости здоровье людей значительно ухудшается. Это связано с отсутствием эффективной медицинской помощи в совокупности с возрастающей плотностью населения и антисанитарией, что привело к распространению инфекционных заболеваний и снижению продолжительности жизни. Лишь в развитых индустриальных обществах, благодаря санитарным мерам и появлению медицинской помощи, продолжительность жизни возросла, а общее состояние здоровья улучшилось.

Для Х. Баера и М. Зингера важным источником идей стали работы С. Кельмана, который предложил различать два разных типа здоровья – здоровье в простых доиндустриальных обществах и здоровье в капиталистических индустриальных обществах, так называемые «эмпирическое» и «функциональное» здоровье. Каждый тип, по мысли С. Кельмана, зависит от господствующей системы производства. При капитализме преобладает «функциональное здоровье», когда люди, считающиеся здоровыми, оказываются таковыми по причине того, что способны эффективно функционировать – работать на фабрике или в офисе, посещать занятия в школе, исполнять те или иные социальные роли. От них требуется производительный труд и умение извлекать выгоду, но при этом они могут быть недостаточно благополучны, иметь физические дефекты, хронические расстройства, физиологические нарушения. Таким образом, «функциональное здоровье», по Кельману, это неотъемлемый компонент общественной жизни при капитализме [21].

В простых обществах охотников, собирателей, у земледельцев и – в идеале – в современных обществах, основанных на равенстве, преобладает «эмпирическое здоровье», т.е. здоровье, основанное на жизненном опыте и опыте выживания. «Эмпирическое здоровье» предстает не как способность к функционированию, а как свобода от болезней и социального отчуждения, а также как способность к развитию личности, раскрытию внутреннего потенциала и преодолению социальных обстоятельств.

Политэкономическая концепция здоровья в аборигенных обществах может быть проиллюстрирована случаем народа Гноу, живущего на Новой Гвинее. У Гноу быть здоровым – значит быть неуязвимым для злых духов и колдовства. Если принять логику этого племени и распространить ее на современное общество, то можно согласиться с тем, что здоровье – это способность человека сопротивляться эксплуатации и выживать в тяжелых условиях труда. Для Гноу, пока духи бездействуют, человек всегда остается здоровым, поскольку больше ничто не препятствует его благополучию. Все остальные условия для здоровья существуют уже изначально – равенство в доступе к пище и поддержка со стороны окру-

жающих. В рамках политэкономического направления картина здоровья в аборигенных обществах может быть распространена и на современные индустриальные общества.

Вследствие этого здоровье следует рассматривать как доступ к основным материальным и нематериальным ресурсам, поддерживающим и обеспечивающим жизнь на высоком уровне удовлетворения, а также контроль над ними [19].

Многие исследователи уделяют большое внимание культуре в отношении сохранения и укрепления здоровья. Так, Смольницкая Н. Ю. в статье «Политическая экономия общественного здоровья с выделением региональной составляющей» анализирует факторы, влияющие на здоровье, и указывает на роль культурологической среды (общий уровень культуры, духовно-нравственные приоритеты, культурные ценности и пр.) [15, с. 126–131]. Выгоды общества в рамках теории общественного здоровья, в первую очередь, связаны с внешними эффектами, которые имеют следующие векторы:

- социальное благополучие населения (общественное спокойствие и согласие, морально-нравственный климат и степень реализации социальной справедливости и др.);
- использование и развитие человеческого потенциала (производительность труда, инициативность работников, мобильность рабочей силы);
- активное долголетие (продолжительность трудового периода, качество трудовой жизни, доля экономически активного населения в общей его численности и др.).

Энн Мак-Элрой и Патришиа Таунсенд при изучении общественного здоровья использовали подход, основанный на культурных, экологических, антропологических данных [23]. Опираясь на идеи своих предшественников, они сосредоточили внимание на том, как биологическая и культурная адаптация позволяет различным группам выживать и сохранять свое здоровье, а также на том, как ослабление адаптивных способностей ведет к росту числа стрессов и распространению болезней [18].

Роберт Хан и Этвуд Гейнс отмечали значимую социальную и культурную роль медицины в формировании здоровья:

- 1) ее культурное своеобразие и отличие от других областей культуры, таких как религия, политика и экономика;
- 2) отчетливое иерархическое разделение труда и профессиональных ролей, хорошо понятное для остальных членов общества;
- 3) внутреннее воспроизводство социальных и культурных смыслов через неформальную социализацию [20, с. 215–218].

Для подтверждения понимания значимости здоровья и его оценки и содержания мы привлекли результаты опроса, который был проведен во время семинара-тренинга «Профилактика синдрома эмоционального выгорания медицинских работников».

В высказываниях ряда респондентов имплицитно присутствовали ссылки на определение здоровья, содержащееся в Уставе ВОЗ – такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но полное физическое, душевное и социальное благополучие (Устав ВОЗ). При этом характеристики психоэмоционального состояния упоминались практически так же часто, как характеристики физического состояния и самочувствия (54,7 и 56,4 % соответственно). Здоровье воспринималось как благоприятное функциональное состояние организма (бодрость, работоспособность, эмоциональная уравновешенность и положительный эмоциональный фон). Важную роль здоровья в личностном складе человека, формировании его ценностей, мотивации в общей картине здоровья, образе жизни указали 25,6 % респондентов.

Чаще всего, по мнению респондентов, на состояние и восприятие здоровья (ощущение его наличия) влияют оптимизм, позитивное мышление и наличие мотивации к активной деятельности, настроенность на достижение своих целей (желание «свернуть горы»), гармония с миром. Для значительной части респондентов здоровье – это условие удовлетворенности своим образом жизни: деятельностью и социальными контактами.

В 37,6 % ответов респондентов отмечены характеристики образа здоровья, которые связаны с внешностью (это, вероятно, можно объяснить преобладанием женщин в выборке): нормальная масса тела, гибкость в мышцах, суставах, сияющие глаза, улыбка на лице, шелковистые волосы, красивые ногти, белоснежные зубы, регулярный стул, хорошее настроение, глубокий, спокойный сон, хорошие, добрые отношения с окружающими.

Анализ ответов на вопрос анкеты «О чем Вы думаете, когда здоровы?» показал, что доля мыслей о будущем составила 13,7 %; об окружающих людях и близких – 6,0 %. Доля ответов о том, что в состоянии здоровья «мысли не о здоровье», составила 5,1 %. Указание на свою неудовлетворенность здоровьем содержалось в 5,6 % ответов, на неудовлетворительное психоэмоциональное состояние – 2,7 %: «Вегетативная система расшатана и плохо поддается контролю. Вид усталый, со второй половины дня хочется сесть или лечь»; «Вид усталый, темные круги под глазами, беспокоит усталость, бессонница, раздражительность, но работа дает удовлетворение»; «Слабое здоровье (легко простываю, эмоционально неустойчива, долго отхожу от неприятностей – переживаю)».

Прямые оценочные суждения в отношении своего здоровья, как положительные, так и отрицательные, встречались в 15 % ответов: «У меня вообще все нормально. Но со стороны зрения есть жалобы. Без очков или контактных линз не могу. Последнее время отмечается усталость, раздражительность. Но, я думаю, все пройдет». Некоторые респонденты не дали четко сформулированных ответов: «Нет представления, только желания», либо дали формальный ответ: «Здоровье – это основа для успешной профессиональной деятельности и личной жизни».

В ряде анкет прослеживалось пассивное отношение к задаче поддержания здоровья, даже при наличии осознания неблагополучия в отношении здоровья: «Думаю о своем здоровье, но ничего не предпринимаю для того, чтобы что-то исправить. То нет времени, то – денег. Учитывая букет моих заболеваний и состояний, ощущаю себя старушкой, которая все время ворчит и ноет: то там болит, то здесь». «Я чувствую себя обычно позитивно и на здоровье внимания не обращаю. Думаю о текущих делах и планах на будущее. Выгляжу хорошо. И еще думаю, что это дано свыше, никогда не кончится, со мной ничего не случится»; «Уповаю на хорошую наследственность. Мне с ним комфортно. Умею с ним договариваться. Не слишком его опекаю. Иллюзия обратимости болезни. Пока не подводит. Займусь, когда прижмет. Брошу с понедельника».

В 18,9 % ответов респонденты представляли свое здоровье (вопрос «на что похоже Ваше здоровье?») в следующих образах: «здоровье похоже на бабочку; белое, пушистое облако; чистый родник; белоснежные горы; горный воздух; алые тюльпаны; свежий, пахнущий хлеб; зеленый сад: яблоки, абрикосы, черешня, груши»; «мое здоровье похоже на Пик Ленина: ледники тают, уменьшаются, как и моя жизнь»; «образ лошади»; «спокойное синее море и яркое солнце над ним»; «цветок, растущий далеко от людей», «большой и сильный слон». В некоторых анкетах были рисунки: смайлики, ромашки, солнце.

Таким образом, в представлениях респондентов образ здоровья выглядит позитивно, связан с природой, «раскрашен» яркими красками, «хорошо» пахнет.

Угрозы здоровью сопряжены с утратой контроля над основными источниками существования – пищей, водой, теплом, жилищем, поддержкой со стороны окружающих. И многие из этих факторов своим воздействием могут вызывать болезнь.

Вопрос о том, что такое болезнь, также является важнейшим. Болезнь – явление многомерное. В политэкономической перспективе вопрос о болезни связан с вопросами о социальном благополучии, неравенстве и не-

справедливости. Современная биомедицина выделяет в понятии «болезнь», прежде всего, биологический аспект, рассматривая болезнь как явление природного порядка, заболевание. Международная классификация заболеваний и различные медицинские руководства концептуализируют заболевания как дискретные единицы, которые могут быть найдены в природе и идентифицированы в клинике. Нормальный биомедицинский подход состоит в том, чтобы при диагностике, лечении или в рамках лабораторного исследования считать заболевание особой данностью, обособленной от других заболеваний, а также от социальных контекстов, в которых они могут быть обнаружены в тот или иной момент времени. Различные отрасли медицинского знания, а в частности биомедицина и медицинская антропология, в целом фокусируются на таких сторонах болезни, как ее социокультурное измерение.

Человечество оказалось не уникальным, когда столкнулось с болезнями. Всему животному миру присуще переносить различные болезни. В отличие от животных, люди пытались найти причины возникновения болезней. В культурном представлении древних людей болезни не имели внешнего облика. Однако с накоплением знаний, опыта и наблюдений, люди стали отмечать, что некоторые болезни повторяются в своем проявлении, возникая не только у отдельного человека, а одновременно у большой группы людей (эпидемии с высокой смертностью). Все это повлияло на то, что болезни стали восприниматься как демонические образы, злобные существа.

В народном восприятии болезнь выступает как некая враждебная сила, которой человеку трудно противостоять. Болезнь проникает в человека во время сна, питья, еды. Часто болезнь наделяли образом женщины, которая посещает человека только с целью причинить значительный вред.

В большинстве культур здоровье и болезнь разведены на разные полюсы: здоровье естественно, болезнь маргинальна. Однако в некоторых культурах болезнь возвышается, а человека, имеющего болезнь, считали избранным богами. Развитие и распространение научных знаний, в том числе и биомедицинских, не мешало людям по всему миру воспринимать болезни, используя термины своей культуры. Когда в начале 1980-х гг. на Гаити вспыхнула эпидемия СПИДа, многие сельские жители были склонны воспринимать болезнь магически, как следствие колдовства [12].

Определений понятия «болезнь» такое же множество, как и определений здоровья. Болезнь рассматривают как нарушение: нормальной жизнедеятельности, адаптации к среде обитания (дезадаптация), функций организма или его частей; связей организма с внешней средой, гомеостаза (по-

стоянства внутренней среды организма); невозможность полностью осуществлять человеческие функции и т.д.

Существует множество теорий возникновения болезней: социальная (болезнь есть результат социальной дезадаптации), энергетическая (болезнь возникает вследствие дисбаланса энергии человеческого организма), биологическая (основой болезни является нарушение соответствия биологических ритмов организма природными ритмами), «управленческая» и т. д.

Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения болезнь – это жизнь, нарушенная в своем течении повреждением структуры и функции организма под влиянием внешних и внутренних факторов при мобилизации его компенсаторно-приспособительных механизмов. Болезнь характеризуется общим или частным снижением приспособленности к среде и ограничениями свободы жизнедеятельности больного.

Таким образом, здоровье и болезнь неразделимы, и это связано в первую очередь с двоякой сущностью человека: с одной стороны, человек является неотъемлемой частью биологического мира (человек – *Homo sapiens*, подтип позвоночных, отряд приматов, класс млекопитающих – высшая ступень развития организмов на Земле), с другой стороны, человек – социальное существо (общественное), способное производить и использовать орудия труда, изменять окружающий мир. Это существо обладает сознанием, как функцией высокоорганизованного мозга и членораздельной речью и подвержено воздействию окружающего его мира.

Философы и врачи Древнего мира считали человека подобием природы, мира, космоса. Человек – это микрокосмос в макрокосмосе, он состоит из тех же элементов: воды, воздуха, огня и т. д. Следовательно, здоровье является равновесием этих элементов, а болезнь – нарушением этого равновесия.

У некоторых мыслителей древности в результате наблюдения за жизнью людей, их образом и условиями жизни складывались убеждения о роли социокультурных факторов в жизни человека. Медики древности видели истоки здоровья и причины болезней не только в смешении элементов организма, но и в поведении людей, их привычках, традициях, т. е. условиях и образе жизни. Делались даже попытки установить соответствие между спецификой заболевания и характером труда (Гален и Цельс разделяли «болезни господ и рабов»).

По мере развития медицины, истории и других наук все больше накапливалось наблюдений и доказательств значения социальных и культурных факторов в жизни человека. Особенно это получило развитие в эпоху Воз-

рождения, когда деятельность, духовный мир, общение людей, т. е. социальные и культурные начала, нашли отражение в философских и научных трудах.

Наибольшее развитие эти взгляды получили в эпоху Просвещения. Так, Гельвеций писал, что человек это «животное с особой внешней организацией, позволяющей пользоваться оружием и орудиями труда». Но ученые того периода социальное начало в человеке трактовали неполно, лишь как внешнее проявление телесной связи человека с окружающей средой.

Социалисты-утописты видели залог хорошего здоровья людей в их вымышленных городах, в идеально организованных условиях жизни и общественном порядке. Французские философы-энциклопедисты эпохи Просвещения не раз указывали на зависимость здоровья людей от социальных условий.

Английские врачи и санитарные инспекторы XIX в. в своих отчетах не раз приводили примеры пагубного действия тяжелых условий труда на здоровье рабочих, а, следовательно, и возникновения болезней.

Прогрессивные отечественные деятели медицины второй половины XIX в. представили тысячи доказательств неблагоприятного воздействия на здоровье трудящихся условий труда и быта.

Соотношение социального и биологического в человеке является главным в понимании характера здоровья и болезни. Полно и объективно охарактеризовал человека Ф. Энгельс: «Сущность человека проявляется двояко: в качестве естественного (т. е. биологического) и в качестве общественного отношения (т. е. социального)». Первостепенная значимость социальных условий в формировании здоровья населения стала предметом изучения социальной гигиены с начала XX в. Неразрывность биологического и социального в человеке отражена в «Капитале» К. Маркса: «Воздействуя на внешнюю природу и изменяя ее, он (человек) в то же время изменяет свою собственную природу» и «Сущность человека есть совокупность общественных отношений» [10].

Определение соотношений социального и биологического начал в человеке позволяет выявить их влияние на здоровье человека. Как в сущности самого человека нельзя оторвать биологическое от социального, так нельзя разорвать биологическую и социальную составляющие здоровья.

Здоровье и болезнь часто определяются относительно друг друга. Особенность этих феноменов состоит в том, что они имеют социальное измерение. В социальном плане здоровье понимается как нормальное состояние, соответствие заданной норме, а болезнь – как отклонение от за-

данной нормы [8]. Здоровье и болезнь – это два различных состояния, которые во многом зависят от того, каких ресурсов располагают люди. Характер болезней варьируется в зависимости от климата и географических условий, но, кроме того, и особенно в условиях современного общества, он зависит от характера и способа производства, от доступности жизненно важных ресурсов и т.п. Существует много примеров, доказывающих, что одни и те же болезни являются следствием не только биологических, но и социальных факторов. Так, появление бубонной чумы в позднем средневековье в Европе было результатом распространения популяции черных крыс – переносчиков блох и бацилл чумы. Однако тот факт, что крысы беспрепятственно проникали в жилища людей, был также следствием жалкого состояния этих жилищ, и когда к началу XVIII в. в городах на смену лачугам пришли добротные каменные дома, пути передачи инфекции оказались закрыты, а чума как болезнь исчезла. То же самое касается такой проблемы как диабет, которая в 1980-е гг. была отмечена у многих почтовых служащих в США. Диабет – не только результат сложных биохимических процессов в организме, но и следствие питания «на бегу» – довольно характерной черты профессии почтальона.

Обсуждение проблем здоровья и болезни привело к постановке еще одной фундаментальной проблемы – страдания. С антропологической точки зрения, болезнь – это лишь одна из разновидностей страданий, которыми наполнена человеческая жизнь. Люди страдают физически, нравственно, духовно, испытывая боль всем своим существом. Страдание – это часть человеческого опыта, его предельное состояние. Неспособность совладать со страданием означает гибель. Совладение со страданием возвращает человека к жизни, к исполнению своего предназначения. Во второй половине 1980-х гг. в некоторых работах тема страдания заняла центральное место. Было показано, что опыт страдания подвержен «профессиональным трансформациям» и «культурным апроприациям». Человеческие страдания, вызванные голодом и насилием, могут стать достоянием политизированной фотожурналистики, а могут быть медиализированы (патологизированы), превратившись в предмет медицинского вмешательства. В последнем случае страдание трансформируется в заболевание, но это не лишает его нравственного, экономического и политического измерения. В разработанной М. Лок и Н. Шейпер-Хьюз концепции «мыслящего тела», нацеленной на преодоление утвердившейся в биомедицине картезианской модели человеческой природы, был предложен новый подход не только к пониманию человеческого существа, но и к проблеме страдания. Человек как мыслящее тело – это поверхность, на которой за-

печатлеваются силы внешнего воздействия: уличное насилие, политические репрессии, эксплуатация, биологическая инвазия [22]. Опыт страдающего выступает особым социальным продуктом, реакцией человека – пассивной или активной – на внешние воздействия.

Различные проблемы человеческого существования обычно распределяются среди многих отраслей знания – медицины, социальных служб, права, морали, религии. Однако все они, в сущности, сводятся к одной категории, к страданию, которая схватывает именно человеческую суть этих проблем.

Страдание отдельно взятого индивида – это лишь часть общей картины социального страдания. В той же степени, в какой отдельно взятые заболевания складываются в эпидемию, отдельно взятые человеческие страдания складываются в синдемии – сложные сети социальных, физических, экономических бедствий, охватывающих целые социальные группы и территории.

Так, во время завоевания Дикого Запада в XIX в. индейские племена были вытеснены в резервации, которые стали подлинными заповедниками бедствий – инфекционных заболеваний, голода, утраты привычных жизненных ориентиров, морального отчаяния. Глобальная эпидемия испанского гриппа 1918 г. была проявлением одновременного страдания миллионов людей от болезни, порожденной смертельным вирусом, массовых миграций, душевной депрессии и истощения. СПИД в городских трущобах Африки к югу от Сахары – это общее наименование для всего комплекса страданий, вызванных наряду с ВИЧ десятком сопутствующих инфекций, сексуальным насилием, беспросветной нуждой, ужасами непрекращающихся военных вторжений и государственных переворотов [25].

Таким образом, здоровье, болезни, страдания и другие вопросы, касающиеся этих понятий, находят отражение во всех исторических периодах, у разных народов и в различных культурах и призваны служить не только развитию социальной теории, но и переориентации социокультурной практики.

Список литературы

1. Агаджанян, Н. А. Резервы нашего организма / Н. А. Агаджанян, А. Ю. Катков. – Москва : Знание, 1982. – 176 с.
2. Айзман, Р. И. Здоровьесберегающие технологии в образовании : учебное пособие / Р. И. Айзман. – Москва : Юрайт, 2023. – 282 с.

3. Амосов, Н. М. Мое мировоззрение / Н. М. Амосов // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 72–81.
4. Брехман, И. И. Валеология – наука о здоровье / И. И. Брехман. – Москва : Физкультура и спорт, 1990. – 208 с.
5. Вайнер, Э. Н. Валеология / Э. Н. Вайнер. – Москва : Флинта: Наука, 2001. – 416 с.
6. Граевская, Н. Д. Спортивная медицина : курс лекций и практические занятия / Н. Д. Граевская. – Москва : Советский спорт, 2004. – 304 с.
7. Казначеев, В. П. Здоровье нации, просвещение, образование / В. П. Казначеев. – Москва–Кострома : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Костромской государственный педагогический университет, 1996. – 248 с.
8. Карнаухов, В. А. Психология здоровья и болезни как артефакты культуры / В. А. Карнаухов, В. В. Карнаухова. – URL : /D:/Users/Master/Downloads/psihologiya-zdorovya-i-bolezni-kak-artefakty-kultury.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
9. Лисицын, Ю. П. Когда привычка приводит к болезни / Ю. П. Лисицын, О. С. Радбиль, Ю. М. Комаров. – Москва : Знание, 1986. – 48 с.
10. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – URL : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1671883250&tld=ru&lang=ru&name=k._marks._kapital._tom_1._1952_g.p (дата обращения: 25.12.2022).
11. Михель, Д. В. Изучая культуру, здоровье и болезнь: медицинская антропология как область знания / Д. В. Михель // Вестник СГТУ. – 2013. – № 2 (70). Вып. 1. – С. 205–217.
12. Михель, Д. В. История социальной антропологии (медицинская антропология) : учебное пособие / Д. В. Михель. – Саратов : Научная книга, 2010.
13. Михель, Д. В. Медицинская антропология: фокусируясь на здоровье и болезни / Д. В. Михель // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине : сборник научных трудов / под общ. ред. В. Л. Лехциера. – Самара : Изд-во СУ, 2012. – С. 34–53.
14. Оценка адаптации функций организма и результатов эффективности здоровья / В. М. Баранов, Р. М. Баевский, А. П. Берсенева, В. М. Михайлов // Экология человека. – 2004. – № 6. – С. 25–29.
15. Смольницкая, Н. Ю. Политическая экономия общественного здоровья с выделением региональной составляющей / Н. Ю. Смольницкая // Экономика образования. – 2009. – № 3, ч. 2. – С. 126–131.
16. Чикин, С. Я. Что такое здоровье? / С. Я. Чикин. – Москва : Знание, 1976. – 96 с.

17. Щедрина, А. Г. Понятие и структура индивидуального здоровья человека: методология системного подхода / А. Г. Щедрина. – URL : D:/Users/Master/Downloads/ponyatie-i-struktura-individualnogo-zdorovya-cheloveka-metodologiya-sistemnogo-podhoda.pdf (дата обращения: 25.12.2022).
18. Alland, A. *Adaptation in Cultural Evolution: An Approach to Medical Anthropology* / A. Alland. – New York : Columbia University Press, 1970.
19. Baer, H. A. *Medical Anthropology and the World System* / H. A. Baer, M. Singer, I. Susser. – 2 ed. – Westport, Ct: Praeger, 2003. – P. 8, 53–54.
20. Hahn, R. A. *Physicians of Western Medicine: An Introduction* / R. A. Hahn, A. D. Gaines // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. – 1982. – Vol. 6 (3). – P. 215–218.
21. Kleinman, A. *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry* / A. Kleinman. – Berkeley: University of California Press, 1980.
22. Lock, M. *Encounters with Aging: Mythologies of Menopause in Japan and North America* / M. Lock. – Berkeley : University of California Press, 1993.
23. McElroy. A. *Medical Anthropology in Ecological Perspective* / A. McElroy, P. K. Townsend. – 5 ed. – Boulder: Westview Press, 2009.
24. Roney, J. G. *Medical Anthropology: An Introduction* / J. G. Roney // *Journal of National Medical Association*. – 1963. – Vol. 55 (2). – P. 95–99.
25. Singer, M. *Medical Anthropology: A Discipline in Action* / M. Singer, H. Baer. – New York : AltaMira Press, 2007.

4.2. Йога – культура движения, повышающая качество жизни

По определению ВОЗ качество жизни – это восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и системе ценностей, в которых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами. Качество жизни определяется физическими, социальными и эмоциональными факторами жизни человека, имеющими для него важное значение и влияющими на него. Качество жизни – это степень комфортности человека как внутри себя, так и в рамках своего общества.

Согласно мнению ООН, социальная категория «качество жизни» включает двенадцать параметров, из которых на первом месте стоит здоровье. Европейская экономическая комиссия систематизировала восемь групп социальных индикаторов качества жизни, при этом здоровье также поставлено на первое место. Следовательно, качество жизни, связанное со здоровьем, можно рассматривать как интегральную характеристику физи-

ческого, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанную на его субъективном восприятии [2].

Систематические занятия йогой значительно улучшают качество жизни занимающегося, так как улучшают его самочувствие, состояние здоровья через развитие внимания к собственному телу, к тем процессам, которые в теле происходят. Подобное внимание настраивает человека на жизнь во взаимодействии с его телом, состоянием тела и здоровья. Это выражается в корректировке питания, так как развитая чувствительность даёт больше информации о том, какие продукты питания и блюда подходят организму, какие наносят вред, какие остаются нейтральными. Это также выражается в корректировке режима дня: становится более понятным необходимое качество и количество сна, каковы должны быть режим бодрствования и активность в течение дня и перед сном, чтобы быть эффективным в работе, развиваться в профессии и при этом сохранить энергию для быта и отдыха. Йога учит расслаблению, когда оно требуется, и обучает навыкам мобилизации, когда необходимо сконцентрироваться, собраться и т.п.

Занятия йогой – это не фитнес и не спорт, хотя можно увидеть некоторую схожесть во внешней форме, например с гимнастикой или акробатикой. Но занятия спортом часто приводят к травмам (в том числе психическим травмам (например, из-за отсутствия возможности завоевать очередную медаль и т.д.)), сильному изнашиванию организма, преждевременному старению тканей. Однако организм практикующих йогу сохраняет своё здоровье долгие годы. Это происходит потому, что в йоге важен не сам уровень сложности выполняемых форм, а чувство собственных пределов и осознание своих возможностей. Внимание, развивающееся с помощью занятий, не позволит пойти дальше, чем это возможно для тела, не позволит причинить ему вред. Поэтому нет смысла с кем-то соревноваться или фанатично стремиться к развитию гибких качеств. Смысл занятий заключается не в этом, а в понимании своего тела и внимании к нему.

Сейчас существует прекрасная система тренировок спортсменов, которые сохраняют высокую результативность и здоровье до глубокой старости, однако в подобном осознанном ключе занимаются спортом немногие из них. И нам известны методики и научные разработки, способные сохранить здоровье людей в спорте высоких достижений, но в силу малого процента таковых, мы можем утверждать, что профессиональный спорт часто приносит больше вреда, чем здоровья.

Обычно до начала занятий йогой человек точно не знает своего потенциального предела подвижности, силы, выносливости, не осознаёт спо-

собностей и возможностей своего собственного тела. Говоря простым языком, тело и его процессы – своего рода загадка для человека, этакий «черный ящик». С началом занятий йогой человек словно открывает своё тело заново. Осознаёт его в пространстве, начинает чувствовать стопы, позвоночник и спину (даже когда она не болит), распознавать напряжение в теле и находить расслабленные участки, постепенно лучше осознавать, как расположены конечности, что они чувствуют в тот или иной момент времени при выполнении разных видов деятельности.

Постепенно развивается привычка внимательно относиться к своему телу и его особенностям, что влияет на все сферы жизни и даёт хороший прогресс в практике йоги.

Когда практикующий йогу принимает ту или иную форму – «асану», внутреннее созерцание позволяет ему осознать разницу температур в разных частях тела, тонус нервной системы, направление циркуляции и давление крови, напряжение одних мышц и расслабление других, всё это позволяет настроить правильную работу мышц-антагонистов и сбалансировать процессы напряжения и расслабления. Например, при выполнении различных балансовых поз, разных стоек на одной ноге и подобных зачас-тую начинающие будут напрягать и без того напряженные зоны и участки тела, совершенно не замечая те зоны, которые не подключились к работе. По мере накопления опыта и развития внимания к телу, занимающиеся учатся находить то, что не работает в момент выполнения конкретного упражнения, и подключать это к работе, а также начинают постепенно расслаблять спазмированные участки тела, снимая гипертонус с мышц. Такая слаженная работа балансирует не только тело, но и нервную систему, постепенно учит находить баланс и в жизненных ситуациях.

Дальнейшее отслеживание процесса дыхания позволяет увидеть его влияние на разные биоритмы организма. Развивается тонкая чувствительность к своим состояниям и настроениям, а также появляется возможность трансформации чувств и эмоций. Например, осознав гнев или агрессию на ранних этапах их появления, можно отпустить это состояние или прожить его более экологично, не причинив вреда себе или окружающим.

Навык глубокого дыхания стоит отметить отдельно. Его важность сложно переоценить. И именно в практике йоги легче всего выработать привычку дышать глубоко, задействовав диафрагму и прочую дыхательную мускулатуру. Только такое глубокое размеренное дыхание способно снять мышечное перенапряжение, успокоить сердце и нервно-психические процессы, в том числе снять дистресс, приступы панических атак, страха и т.д. Глубокое дыхание – это ещё и своего рода массаж внутрен-

них органов, что улучшает их работу. А также хорошее дыхание – это хороший приток крови к головному мозгу, что весьма положительно сказывается на работоспособности и здоровье.

Также в результате практики йоги постепенно развивается процесс концентрации и распределения внимания. Например, появляется навык устойчивой концентрации и более быстрого переключения с объекта на объект, что, безусловно, важно в бытовой и профессиональной деятельности.

Существует связь внешней формы тела с состоянием сознания и эмоциональным состоянием, и она является двусторонней: тело отражает состояние сознания, а также способно его изменить, если изменит свою форму. Например, состояние страха сковывает или мобилизует тело. Состояние расслабления, наоборот – делает тело мягким и податливым. Поэтому йога, через заданные формы тела, учит осознавать состояние своего сознания и корректировать его. Связь «тело – сознание» становится более качественной, более тесной, можно сказать, что практикующий йогу становится более близок своим сознанием к своему телу.

Итак, практика йоги открывает и устанавливает связь внимания с ритмом дыхания, положением тела в пространстве и состоянием сознания. При этом энергия ума освобождается и происходит своего рода отдых или перезагрузка мозговых структур, наработанные связи легче поддаются изменению и быстрее формируются новые за счёт изменения мозговой активности и притоку кислорода к мозгу через кровь.

Само слово «йога» в переводе с санскрита имеет много значений, одно из них – «единение». И теперь нам становится понятным, единение чего и с чем возникает в результате практики йоги: единение тела, дыхания, состояния сознания и человека, который всё это осознаёт. Выступая не просто в качестве тренировки развития гибкости или других свойств организма, а именно как комплексный подход, йога становится инструментом, способным изменить качество жизни практикующего, сделать его существенно выше, улучшить здоровье, состояние тканей, мозга и нервной системы, запустить процессы оздоровления и метаболизма.

Нами было проведено небольшое исследование, с целью выяснения субъективного мнения практикующих йогу о её влиянии на качество жизни.

Для исследования мы использовали короткий опросник, разработанный ВОЗ: ВОЗКЖ-26 [2]: «Влияет ли практика йоги на качество Вашей жизни и как?»

В опросе приняли участие респонденты, регулярно занимающиеся йогой, со стажем от 3 лет. Среди них – мужчины и женщины, проживающие на территории РФ и Австралии.

Результаты нашего исследования (по 5-балльной системе)

Качество жизни субъективное – 3,9 из 5.

Микросоциальная среда – 7,8 из 12.

Самовосприятие – 17,3 из 24.

Состояние здоровья (субъективное) – 3,9 из 5.

Социальное благополучие – 22,6 из 32.

Физическое и психологическое благополучие – 20,3 из 28.

Нас интересуют, прежде всего, результаты по шкалам «субъективное качество жизни», «субъективное состояние здоровья», «физическое и психологическое благополучие». Видим, что результаты здесь достаточно высокие. Респонденты оценивают качество своей жизни и здоровья выше среднего. И все 100 % опрошенных однозначно уверены в том, что именно йога улучшает их самочувствие, здоровье и действительно повышает качество жизни.

Некоторые испытуемые указывали, что йога помогает преодолевать трудности в быту и профессиональной среде, делает жизнь более осознанной, яркой, позитивной, способствует избавлению от стресса.

Перечислим несколько ответов испытуемых: «Йога, если это занятие по душе, то да – повышает качество жизни. Она позволяет навести порядок в голове и эмоциях, а также укрепить и «выровнять» физическое тело. Сейчас я болею, и без йоги мне было бы явно хуже. Только йога меня и держит. На мой субъективный взгляд, занятия йогой существенно улучшают мое физическое и психическое состояние и, как следствие, качество жизни в целом. Йога для меня – это улучшение здоровья, однозначно, подвижность и гибкость тела, устранение болей в суставах и мышцах, что очень важно для моей работы. В силу индивидуальных особенностей (в том числе состояния здоровья) для меня не подходят высокоинтенсивные классы (кроссфит, пауэрлифтинг и пр.). Йога соответствует моим физическим возможностям, помогает снять зажимы и напряжение, стимулирует какую-никакую работу мышц, согласует её и калибрует симметрию сторон». Так оценивают свои занятия и их значение наши респонденты.

Возраст респондентов разнится от 27 до 45 лет. Вообще, в зале для занятий йогой человек в возрасте моложе 25 лет – редкий гость. Обычно практика йоги вызывает интерес у более старшего поколения. И это достаточно легко объяснимо: занятия требуют регулярности и дисциплины, а также внимания и концентрации на теле, дыхании и выполняемых движе-

ниях. Когда тело теряет былую лёгкость, и хочется вновь обрести свободу и амплитуду движений, вернуть ему культуру движения, но заниматься спортом или танцами в полную силу, как в детстве, уже не всегда возможно по разным причинам, в том числе и из-за полученных травм; когда появляются семьи, ответственность, собственный бизнес или иная сложная и тяжёлая работа, вот тогда интуитивно или сознательно люди начинают искать решение, пытаются найти такое занятие, чтобы оно способствовало одновременно улучшению здоровья, снижению уровня стресса и повышению качества собственной жизни. И часто таким инструментом становится практика йоги.

Но как именно работает йога и почему, занимаясь ею, действительно можно обрести культуру движений и повысить качество жизни?

Итак, в йоге существуют статические формы, выполняемые телом, – асаны; динамические связки, синхронизированные с дыханием, – виньясы; техники управления и развития дыхания – пранаямы; несколько техник работы с эмоциональным и психическим состоянием, с состоянием сознания – концентрация и созерцание; а также есть небольшой свод моральных и этических наставлений, который подразумевает самообразование, рефлексию, дисциплину, самокоррекцию и самовоспитание.

При использовании этого арсенала йоги решается множество задач – от развития себя как личности до увеличения объёма легких: укрепление мышц, увеличение их эластичности и выносливости, улучшение подвижности в суставах, восстановление кровоснабжения в позвоночнике, развитие гибкости, повышение концентрации внимания и выработка привычки направлять внимание на ощущения тела, на собственные мысли, а, значит, естественным образом возникает рефлексия и самоанализ, развивающие осознанность поведения и повышающие эффективность в жизни, в быту, в профессии, в общении и т.д. А всё это – основа нашего хорошего самочувствия, активности, высокой работоспособности хорошего настроения, оптимистического настроя, что в совокупности с отсутствием заболеваний и недугов повышает качество жизни.

Среди систем организма, нарушения в которых приводят к потере здоровья, на первом месте стоит пищеварительная система, в том числе обслуживающие её железы – печень, поджелудочная и пр. Йога способствует оздоровлению этого важнейшего отдела нашего организма посредством уменьшения жирового слоя, коррекции питания, своего рода «массажа» внутренних органов соседними тканями и мышцами во время выполнения асан и виньяс, а также дыхательных техник за счет нервно-рефлек-

торной стимуляции органов ЖКТ, что происходит автоматически и естественным образом, улучшая состояние иммунной системы.

Также многие заболевания имеют психосоматические корни и нередко игнорируются человеком, потому что заметить начало болезни нет возможности, так как есть другие дела, постоянно приковывающие к себе внимание, и пока что-то не дало сильный сбой или серьёзно не заболело, человек просто этого не замечает. Практика йоги всегда заканчивается техникой расслабления в специальной позе (шавасана), что снимает не только физическое, но и психическое напряжение. Опыт этого упражнения обучает самовниманию и помогает заметить начинающееся недомогание, сбой в работе органов, тонкие нарушения, изменения и болезнь. Это расслабление может длиться от 2 до 15 минут и является неотъемлемой частью занятия. Многие преподаватели йоги настаивают на обязательном присутствии в завершающей части занятия, так как начинающие практикующие часто игнорируют её, потому что считают это бессмысленной тратой времени. Однако, стоит заметить (и это уже научно доказанные факты), что подобное расслабление после тренировки существенно улучшает тренировочный эффект, происходит своего рода его «закрепление», в связи с высвобождением психического напряжения и снятием мышечной усталости.

С течением времени и продолжением занятий ученики сами начинают ощущать эффект от шавасаны в конце занятия и перестают игнорировать её, но иногда для этого требуется время.

Современная жизнь в постоянной нехватке времени и многозадачности действительно может вначале создать непонимание необходимости лежать на полу и наблюдать ощущения тела, дыхание, мысли и прочие телесные нюансы и процессы. Однако, спустя несколько занятий, становится очевидным, что самому телу это необходимо, и вырабатывается своего рода зависимость и желание расслабиться, переключиться и т.д. Сброс нервной и физической усталости, переключение внимания от внешнего к внутреннему – где и как ещё возможно это сделать социально приемлемым, не портящим здоровье образом? И здесь практика йоги снова становится прекрасным инструментом снятия напряжения, усталости, обучению саморегуляции и восстановления.

Также многие болезни связаны с заболеваниями позвоночника. Рационально построенная практика йоги снимает гипертонус с мышц спины, возвращает позвоночнику хорошую подвижность и улучшает кровоснабжение тканей. Кто сейчас может смело сказать о полном отсутствии дискомфорта и болей в области поясницы? «Ноющая спина», спазмы, укор-

ченная амплитуда движения и прочее – всё это уже становится нормой современного общества. Но не все готовы ограничивать свою жизнь недомоганием, хочется сохранить, а в большинстве случаев и улучшить качество своей жизни. И в этом поиске также многие находят решение – практику йоги. Мягкие вытяжения мышц, под полным контролем и с полным вниманием, практически исключают возможность травмироваться, но позволяют улучшить состояние мышц спины и позвоночника.

Активное, регулярное полное дыхание задействует диафрагму и создаёт глубокий «массаж» внутренних органов, снимает напряжение с внутренних мышц, расслабляется гладкая мускулатура сосудов и улучшается трофика тканей; глубокое дыхание и интенсивный воздушный поток, проходящий через носоглотку, имеет закаливающий эффект, ритмичное глубокое дыхание уравнивает психические процессы.

Способность к устойчивой психической концентрации и связанное с ней умение управлять своими психическими процессами и состояниями – жизненно важный навык любого современного человека. Практика йоги учит устойчивой концентрации внимания на определенных мышечных группах или активных в данный момент областях тела, тем самым формируя условно-рефлекторный навык, позволяющий не только фиксировать внимание на объекте, но и вызывать требуемые вегетативные реакции в организме. Это своего рода психофизиологический аутотренинг, естественным образом возникающий при практике йоги.

Таким образом, йога как оздоровительная гимнастика, применяющая весь свой набор инструментов, способна создать культуру движений тела и заметно улучшить качество жизни каждого занимающегося, при условии регулярных, систематических и хорошо продуманных тренировок. Конечно, в той или иной степени подобных эффектов можно достичь и при любых других физических тренировках, однако качественная практика йоги здесь выступает наиболее эффективной.

Хочется закончить нашу работу цитатой Б. К. С. Айенгара: «Склонности и поведение человека неустойчивы и кратковременны. Ему нужно отбросить свои недолговечные идеи и ради собственного очищения и совершенствования следовать определённым нормам. Как говорит от этого Патанджали, необходимо тщательно отбирать и соединять правильные слова, правильный смысл и правильное значение, чтобы согласовывать мысли и действия, создающие человеку новое сознание. Это новое сознание медленно, но верно ведёт его к пониманию сущности культуры, и в результате такого развития его жизнь становится идеальной, простой, конструктивной, творческой и рациональной. Из него самого, без всякой

посторонней помощи, лютуются непрерывным потоком интуитивные озарения, понимание и мудрость. Эта его собственная, особая мудрость, как говорит мудрец Патанджали, которая отлична от знания, полученного посредством слуха или обретенного как логический вывод. Такая в высшей степени культурная жизнь представляет собой основание мировой цивилизации» [1, с. 17].

Список литературы

1. Айенгар, Б. К. С. Искусство йоги / Б. К. С. Айенгар. – Сыктывкар : Флинта, 2007. – 128 с.
2. Качество жизни. – URL : <https://iyaroslav.ru/test/whoqol/> (дата обращения: 10.02.2023).
3. Лаппа, А. В. Йога: Традиция Единения / А. В. Лаппа. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : София, 2007. – 384 с.
4. Мякинченко, Е. Б. Оздоровительная тренировка по системе Изотон / Е. Б. Мякинченко, В. Н. Селуянов. – Москва : ТВТ Дивизион, 2015. – 80 с.

4.3. Культура формирования организационной безопасности в условиях цифровизации¹⁰

Теоретические подходы к определению организационной безопасности

Вопросы обеспечения безопасности функционирования современных организаций, в том числе, а зачастую и в основном, вопросы информационной безопасности в период активной цифровой трансформации имеют большое значение для общества, поскольку организации выступают основными работодателями, являются основными налогоплательщиками, выполняют функции социальной поддержки работников. От устойчивости и стабильности их деятельности зависит благополучие сотрудников, уровень жизни и стабильность общества, что, в свою очередь, определяет стабильность государства и граждан, которые в ней проживают. Но и степень организационной безопасности, ее содержание в свою очередь зависят от состояния различных сфер общества, социальных установок граждан, цифровой культуры общества [9, с. 12–16].

Наряду с понятием «организационная безопасность» часто используется понятие «корпоративная безопасность». Рассмотрим соотношение и взаимоувязку этих двух терминов. При запросе в поисковой системе

¹⁰ «Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112900066-6».

Google определения «организационная безопасность» выдается более 17,5 млн результатов, запрос «корпоративная безопасность» включает чуть более 3,3 млн результатов. В Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU также встречается разное количество упоминаний данного понятия. При запросе в расширенном поиске понятия «организационная безопасность» находится 6814 публикаций, а при запросе «корпоративная безопасность» можно обнаружить 3572 публикации. Если посмотреть определение корпоративной безопасности, то оно в большинстве своем дается через описание состояния организации или создание определенных условий на предприятии, в организации, компании [14, с. 40–44], т.е. речь, как правило, идет не про корпорацию как форму организации бизнеса, а про корпорацию как обобщенное понятие общности людей, вступающих в трудовые отношения для достижения определённой единой цели [10]. В этом смысле можно рассматривать как коммерческие корпорации, которые созданы для получения прибыли, так и некоммерческие корпорации (например, различного рода политические, общественные, религиозные организации), которые оказывают влияние на ситуацию в обществе.

Обратившись к понятию «безопасность», можно обнаружить, что существует два подхода к его определению. Первый подход на данный момент поддерживается многими учеными и соотносится с понятием «безопасность», которое дано в статье 1 Закона РФ «О безопасности» № 2446-1 от 5 марта 1992 г. (ред. от 26.06.2008).

«Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹¹. Поскольку само понятие «состояние» предполагает фиксацию определенного статуса, то этот подход можно назвать статическим. Указанное в этом законе определение оказало существенное влияние на рассмотрение исследователями безопасности именно в таком понимании. Однако 28.12.2010 г. был принят новый Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности», в котором Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» признается утратившим силу. В новом законе это определение безопасности уже не встречается.

В противовес статическому подходу формируется динамический подход, который рассматривает безопасность не через состояние, а через создание условий. Такие авторы, как Г. В. Иващенко и А. А. Митрофанов рассматривают безопасность с позиции деятельностного подхода к социальной действительности. Они исходят из положения, что безопасность –

¹¹ Закон РФ «О безопасности» № 2446-1 от 5 марта 1992 г.

это совокупность условий существования субъекта деятельности. А сама система деятельности или существования субъекта – это система взаимодействия субъекта этой деятельности и условий, как внешних, так и внутренних, в которых существует субъект. Если такие условия (и здесь включаются в том числе и условия, созданные самим субъектом) позволяют субъекту превратить свои возможности и потребности в действительность, то такая совокупность является благоприятной для субъекта. Сам субъект стремится выступать активной стороной взаимодействия и участвовать в формировании условий, способствующих его существованию и самореализации, сделав их управляемыми. Следовательно, субъект стремится к обеспечению состояния своей безопасности, т. е. находится в условиях, которые он в состоянии контролировать в процессе своей деятельности, а также создать управляемые условия, в которых возможно осуществление деятельности [4].

Исходя из этих позиций, безопасность – это не состояние защищенности интересов субъекта, а условия существования субъекта, контролируемые им [19, с. 147–149]. Контролируемость различных условий является очень важной характеристикой безопасности. О таком подходе писали в своих работах А. Д. Дахнович, Д. А. Москвин, Д. П. Зегжда в публикации «Подход к построению киберустойчивого взаимодействия в промышленном Интернете вещей» и В. Г. Усыченко, Л. Н. Сорокин, Р. М. Юсупов в статье «Концептуальные задачи обеспечения безопасности "умного города", насыщенного роботами с искусственным интеллектом».

Таким образом, организационную безопасность можно определить как комплекс управляемых условий существования организации как системы (ее основных подсистем), при котором вероятность влияния факторов угрозы ее существованию, деятельности и функционированию минимизирована. Тогда обеспечение организационной безопасности является процессом создания такого комплекса условий и постоянного мониторинга среды для прогнозирования влияния возможных рисков и разработки мер по нейтрализации последствий этих рисков. Способность управлять условиями существования организации является процессом реализации свободы субъекта деятельности, следовательно, свобода и безопасность – очень тесно связанные понятия, которые являются основой безопасности организации как субъекта деятельности [21, с. 53–76].

Организация является частным случаем открытой системы. Под открытой системой в настоящей работе понимается множество элементов, находящихся в связях друг с другом, образующих определённую целостность и характеризующихся взаимодействием с окружающей средой [28].

Характерной особенностью выживания открытых систем является умение приспосабливаться к изменениям, происходящим во внешней среде, поэтому организация не может быть статичной, и для эффективного функционирования и достижения своих целей она должна отслеживать значимые изменения во внешней среде и выдавать оптимальную обратную реакцию. Поскольку сама организация изменяется вместе с быстро меняющейся средой, обеспечение организационной безопасности также должно быть динамичным.

Факторы внешней среды, которые влияют на организацию, можно разделить на две группы: позитивные и негативные. Позитивные – способствуют функционированию организации, ее существованию и самореализации, а негативные – затрудняют функционирование, препятствуют достижению цели, ослабляют организацию. Из-за содержащейся в этих факторах опасности для организации их называют угрозами [5]. Если эти факторы объективно обусловлены, то они не поддаются управлению со стороны руководства или служб безопасности организации. А значит, возникает необходимость прогностической работы по анализу риска возникновения всевозможных угроз, на основе которой необходимо разрабатывать эффективные меры нейтрализации или противодействия. По каждому возможному риску нужно разрабатывать стратегии устранения, нейтрализации, минимизации либо передачи риска другой стороне. На настоящем этапе без выработки и последующей реализации действенных способов обеспечения организационной безопасности невозможно эффективное управление компанией. Изменяющаяся действительность, развитие информационно-коммуникативных технологий и способов хранения информации выдвигают принципиально иные требования к организационной безопасности, происходит смещение акцента с реагирования на угрозы и вызовы на развитие потенциала и механизмов их предотвращения. Система организационной безопасности все больше становится проактивной, а не реактивной. Такой подход делает организацию гибкой и устойчивой к различного рода угрозам.

Для эффективного нивелирования угроз необходимо развивать культуру формирования и поддержки организационной безопасности, которая включает в себя разные виды, среди них основными являются: экономическая; информационная; социальная.

Не следует думать, что вопросы обеспечения безопасности относятся к компетенции только служб безопасности. Другие подсистемы организации также ответственны за формирование культуры поддержки установ-

ленного уровня организационной безопасности. К этим подструктурам относятся:

- руководители разного уровня (особенно, топ-менеджмент);
- служба внутреннего контроля;
- информационно-аналитическая служба;
- служба по работе с персоналом;
- юридическая служба.

В зависимости от организационной структуры компании могут быть и другие подразделения, которые задействованы в формировании и поддержании организационной безопасности.

Экономические аспекты корпоративной безопасности

Очень часто под экономической безопасностью понимают состояние стабильности, устойчивости и защищенности экономической подсистемы организации от негативного влияния внутренних и внешних угроз [7, с. 27–30]. Это определение относится к рассмотренному ранее статическому подходу. В рамках динамического подхода экономическую безопасность можно определить как комплекс управляемых условий существования экономической подсистемы организации, при котором вероятность негативного влияния внутренних и внешних угроз минимизирована, а позитивные аспекты среды функционирования организации активно используются. Тогда безопасный уровень экономической подсистемы обеспечивается способностью системы прогнозировать возможные угрозы, предотвращать их развитие, а также противостоять им и минимизировать возможные негативные последствия.

Внешние угрозы экономической безопасности могут быть разделены на различные уровни по степени их влияния на организацию. К ним относятся:

- изменения мировой экономической политики, изменение внешней политики государства, санкции и ограничения;
- изменение государственного экономического регулирования как на федеральном, так и на региональном уровнях;
- изменение отношений между субъектами хозяйствования [29, с. 1357–1361].

Для анализа угроз экономической безопасности необходимо учесть следующие характеристики: возможности прогнозирования угрозы, оценку репутационных и финансовых потерь при наступлении угрозы; продолжительность воздействия угрозы; источник происхождения угрозы; регулярность и вероятность её возникновения; возможность профилактики; уровень экономического управления угрозой и степень её контроля [19].

Экономической безопасностью организации можно управлять, соответствующие действия могут быть разделены на несколько этапов [16, с. 207–212].

В первую очередь должна быть осуществлена *идентификация угроз*. Для этого необходимо идентифицировать источник возникновения угроз: внутренний – при локализации источника в самой организации и внешний – при локализации источника во внешней среде по отношению к организации. При этом стоит отметить, что источник возникновения может быть и комплексным, когда внутренний и внешний источники угроз взаимодействуют друг с другом. Далее выявленные угрозы делятся по сферам проявления. Здесь можно выделить такие классы угроз, как политические, социальные, экологические, коммерческие, профессиональные, информационные. Кроме этого, оценивается вероятность наступления той или иной угрозы. Часто используется шкала от 0 до 3 баллов, в которой:

- 0 – нет ни одного шанса, что данное событие произойдет;
- 1 – вероятность того, что данное событие произойдет, от 1 до 40 %;
- 2 – вероятность того, что данное событие произойдет, от 41 до 70 %;
- 3 – вероятность того, что данное событие произойдет, от 71 до 99 %.

Важно оценить не только вероятность наступления угрозы, но и уровень возможных потерь при наступлении каждой угрозы. Для оценки влияния угрозы можно использовать аналогичную шкалу:

- 0 – данный фактор имеет место, но не влечет за собой никаких потерь;
- 1 – потери организации незначительны, но заметны;
- 2 – потери организации довольно существенны и могут привести к нарушениям: выходу за временные или бюджетные рамки;
- 3 – потери организации значительны и могут поставить проект под серьезную угрозу существования.

При оценке важно помнить, что ущерб может быть не только прямым, но и косвенным (т. е. возникает как побочный эффект другого события).

Произведение оценок вероятности и влияния даст нам возможность сравнивать различные угрозы между собой и ранжировать их по важности и необходимости реагирования.

Вторым этапом является *проактивное реагирование*. На данном этапе предполагаются следующие мероприятия [2, с. 1]:

- дальнейший сбор детальной информации об угрозе;
- консультация с экспертами по уточнению вариантов наступления данной угрозы;
- информирование лиц, принимающих решение об угрозе;

– нивелирование угроз через использование стратегии уклонения (изменение действий, чтобы исключить угрозу), передачи риска (перенос последствий риска на другую сторону) или снижения (снижение вероятности наступления угрозы или ее негативных последствий);

– управление сопряженными процессами, способствовавшими возникновению и развитию угрозы;

– сбор информации об успешности предпринимаемых мероприятий по устранению угрозы;

– восстановление оптимального уровня функционирования компании.

Третий этап – анализ. На этом этапе проводится анализ действия лиц, которые были ответственны за принятие мер по реагированию в ситуации потенциальной угрозы, оценка текущих условий и причиненного ущерба. На этом этапе при необходимости вносятся изменения в локальные нормативные акты, регламенты, должностные инструкции, производится реинжиниринг бизнес-процессов.

Информационные аспекты корпоративной безопасности

Информационные аспекты организационной безопасности на современном этапе имеют все большее значение. С каждым годом увеличивается количество случаев утечки как корпоративных, так и персональных данных. Компания «Verizon» в 2021 г. выпустила отчет за 2020 г., в котором проанализировала 79 635 инцидентов атак, совершенных в отношении организаций из 88 стран мира, при этом 5258 случаев были связаны с нарушением данных [1]. По сравнению с 2019 г. число случаев утечки данных увеличилось на треть и 85% случаев таких инцидентов связаны с человеческим фактором. Эти данные говорят о том, что сейчас вопрос обеспечения информационной безопасности организации становится все важнее. Информационная безопасность в век развития информационных технологий становится основой безопасности любого предприятия. В первую очередь, руководителям важно осознать первостепенность задачи формирования информационной безопасности, чтобы из-за своей недальновидности собственноручно не нанести вред компании, упуская из внимания необходимость обеспечения информационной безопасности [6].

Используя динамический подход, можно определить информационную безопасность организации как комплекс управляемых условий существования информационной подсистемы организации, при котором вероятность влияния факторов угрозы деятельности организации минимизирована.

Как правило, организации применяют определённые меры защиты.

1. Меры физической защиты включают в себя установление определенного режима деятельности для разных категорий пользователей (будь

то сотрудники, посетители, клиенты), который прописывается во внутренних документах по внутриобъектовому и пропускному режиму. Это могут быть разные варианты ограничений: на допуск, несанкционированный вынос документов, цифровых носителей информации, портативных вычислительных устройств.

2. Меры технической защиты включают в себя защиту компьютерной и оргтехники, а также всех коммуникаций от устройств съема и передачи информации. При этом могут использоваться:

- средства пассивной защиты – ограничители, фильтры, системы защиты сетей;
- экранирование средств канальной коммуникации;
- экранирование помещений;
- локальные телефонные системы, локальные компьютерные сети, не имеющие выхода за пределы контролируемой зоны;
- меры программной и аппаратной защиты.

Но, несмотря на вышеупомянутые меры, количество случаев утечки данных и информации увеличивается с каждым годом. При этом при расследовании данных инцидентов сотрудники службы информационной безопасности могут не обнаружить никаких попыток технического взлома системы, а происходит это по причине того, что программно-технических атак могло не быть. В таких случаях можно предположить, что утечка данных и конфиденциальной информации связана не с попыткой технического проникновения в компьютерную сеть или с недостаточностью мер технической защиты систем, а с человеческим фактором. Пользователь компьютерной сети при определенных условиях оказывается самым уязвимым звеном, подверженным социотехническим атакам злоумышленника, и может попасть под влияние его социальных манипуляций и непреднамеренно или преднамеренно передать искомую важную информацию [23, с. 256–266]. Поэтому при формировании информационной безопасности организации нужно учитывать не только техническую защищенность компьютерной сети, но и особенности и уязвимости пользователей.

Всех сотрудников компании по доступу к конфиденциальной информации или к устройствам, на которых хранится эта информация, можно разделить на две группы: санкционированных пользователей, т. е. тех, кто имеет официальный доступ к критической для организации информации и несанкционированных пользователей, кто официально не имеет доступ к этой информации. При формировании системы информационной безопасности нужно обращать внимание на организацию профилактической работы не только с санкционированными, но и с несанкционированными

пользователями, поскольку каждый из них может нарушить безопасность информации (конфиденциальность, доступность или целостность) преднамеренно или случайно. При высоком уровне владения навыками социальной манипуляции злоумышленник может повлиять на неподготовленного сотрудника, имеющего доступ (необязательно санкционированный) к корпоративной сети, для того, чтобы получить нужную информацию. И роль профилактической работы в формировании информационной безопасности в этот момент возрастает. Для создания управляемых условий функционирования информационной системы организации необходимо научиться прогнозировать возможные действия злоумышленника, оценивать степень выраженности уязвимостей сотрудников как пользователей информационных систем, анализировать степень их подверженности социальному манипулированию [24, с. 77–83]. Изучение способов социального влияния, навыков злоумышленника, выявление уязвимости пользователя дает возможность строить модели социоинженерных атакующих воздействий и возможные реакции организации или пользователя на такие воздействия. В частности, можно рассмотреть одну из моделей, которая объединяет в себе злоумышленника (пользователя) с учетом его психологических особенностей и организационные условия, на фоне которых может осуществиться социоинженерная атака (рис. 4.1).

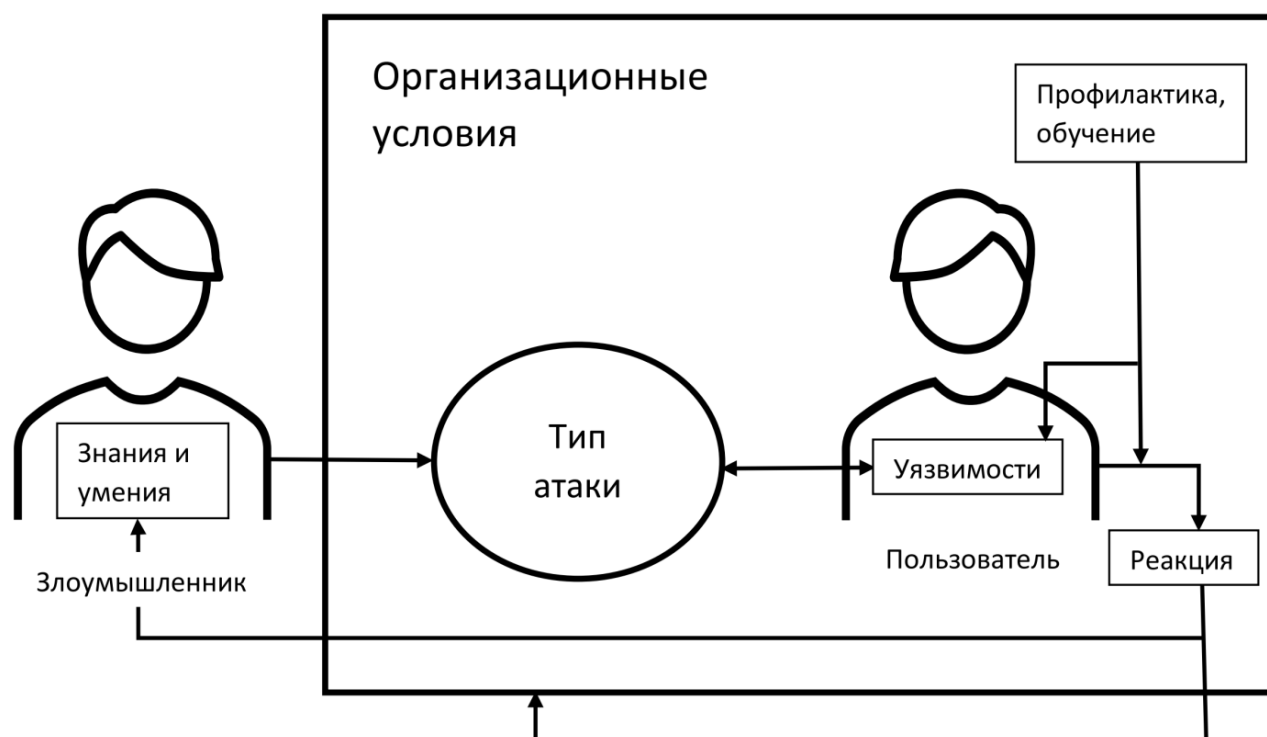

Рис. 4.1. Модель социоинженерной атаки с учетом психологических аспектов [24, с. 123–138]

Если кратко описать эту модель, то злоумышленник, у которого есть определенные знания и навыки в области социальной инженерии, а также предварительно собранные знания о пользователе (который в данном случае является жертвой) и о его уязвимостях, выбирает тип атаки и планирует атаку с учетом всех особенностей. На выбор типа атаки влияют не только компетенции злоумышленника, но и особенности сотрудника организации, на которого направлена атака, происходящая на фоне определенных организационных условий, таких как корпоративная культура, позиция руководства, имеющиеся технические условия и политики безопасности. А значит, тип социоинженерной атаки и ее успешность определяется тремя компонентами модели: злоумышленник, пользователь и организационные условия. На осуществленную злоумышленником социоинженерную атаку пользователь демонстрирует реакцию. Такой реакцией можно считать вредоносное действие пользователя в рамках организации (тогда социоинженерная атака считается успешной) или информирование службы безопасности о попытке получить доступ к информации, или просто бездействие, т. е. игнорирование социальной манипуляции, в этом случае такая атака рассматривается как неуспешная. То, какую реакцию выберет пользователь, зависит от его личностных особенностей, лежащих в основе профиля уязвимости, и от его психического состояния в момент осуществления социоинженерной атаки, а организационные условия создают фон и делают выбор той или иной реакции более вероятным. Следовательно, у организации при построении профилактической работы есть два важных направления деятельности: правильно выстроенная и качественно доведенная до сотрудников политика информационной безопасности, и комплекс мер профилактики и обучения сотрудников. Также нужно включить анализ социоинженерных воздействий и полученную реакцию сотрудников, что позволит совершенствовать уже имеющуюся политику безопасности организации.

Разрабатываемые модели социоинженерных атак дают возможность строить вероятностные оценки успешности атакующих воздействий, а также интегральные показатели уязвимости определенных критических документов. Но такая работа подразумевает непрерывный мониторинг ситуации, на основе которого меняются условия функционирования информационной подсистемы организации, что позволяет снизить вероятность успешности атакующего воздействия и уменьшить риски компании утратить информацию в случае наступления угрозы.

Кроме мер профилактики и обучения персонала противодействию социоинженерным атакам следует обратить внимание на имеющееся в орга-

низации закрепление во внутренних документах действий по соблюдению конфиденциальности информации сотрудниками. Если проанализировать типовые формы трудовых контрактов в различных организациях с определёнными категориями работников, то можно заметить, что они не соответствуют современной ситуации и настоящим требованиям с точки зрения охраны объектов интеллектуальной собственности и в большей мере сохраняют черты еще советской системы. В ситуации перехода высококвалифицированных работников в конкурирующие организации работодатель оказывается беззащитным от разглашения работником конфиденциальных сведений о своей фирме, её интеллектуальных и технологических достижениях, планах развития и производства [30, с. 210–219].

Соблюдение конфиденциальности – обязательное условие трудового договора. В качестве особого условия трудового договора (контракта) должны предусматриваться требования конфиденциальности, т. е. соблюдения установленного на предприятии в соответствии с законодательством порядка обращения конфиденциальной информации, подлежащей правовой защите, а также ответственности за нарушение этого порядка. Формат всех документов, регулирующих защиту конфиденциальной информации, утверждается приказом руководителя. Положение о конфиденциальной информации предприятия является основным документом предприятия, регламентирующим вопросы обработки, хранения и передачи конфиденциальной информации. Положением определяется:

- что в данной организации подразумевается под конфиденциальной информацией, какие документы являются критичными для организации;
- уровни критичности конфиденциальной информации;
- кто и каким образом имеет допуск к работе с разными уровнями критичности документов;
- кто и каким образом имеет доступ к носителям критичной конфиденциальной информации;
- кто и каким образом создаёт, ведет реестр, хранит, копирует, перемещает, уничтожает, рассекречивает критичные конфиденциальные документы;
- какие есть общие обязанности сотрудника по обеспечению неразглашения критичной информации;
- какая предполагается ответственность за разглашение такого рода информации;
- кто осуществляет контроль за исполнением всех перечисленных действий.

С целью формализации обращения с критичной информацией следует создать целый пакет регламентирующих локальных нормативных актов,

который может включать в себя (в качестве компонентов Положения, приложений Положения либо отдельных документов):

- Положение о конфиденциальной информации предприятия;
- список документов предприятия, содержащих конфиденциальную информацию с указанием уровня критичности;
- продуманные четко прописанные инструкции по защите конфиденциальной информации на предприятии;
- регламент по организации конфиденциального делопроизводства;
- соглашение о неразглашении конфиденциальной информации работниками, в том числе и при увольнении или переходе в другую организацию;
- план профилактических и обучающих мероприятий для персонала по сохранению и неразглашению конфиденциальной информации;
- регламенты внесения дополнений в стандартные договоры с партнерами, контрагентами и другими внешними организациями;
- процедура внесения предложений и изменений в данный комплекс регламентирующих документов.

На основании разработанных положений и регламентов должны быть внесены дополнения в должностные инструкции всем задействованным категориям сотрудников.

Социальные аспекты организационной безопасности

К социальным аспектам формирования организационной безопасности можно отнести социальную политику организации, кадровую политику, организационную структуру, корпоративную культуру, систему мотивации, включающую поощрение и санкции, систему организации труда, ресурсы организации, сложившиеся неформальные практики [12, с. 96–100].

Среди важных социально-психологических категорий, которые обуславливают формирование организационной безопасности, можно выделить ценности организации, корпоративную культуру и организационную приверженность [21, с. 53–76]. Эти категории очень связаны между собой. Ценности организации выступают ядром корпоративной культуры. Если ценности понятные, прозрачные и гармонично сочетаются с профессиональным самосознанием работников, то они выступают основой ощущения стабильности у работников и, следовательно, гарантом организационной безопасности. И это ощущение стабильности приводит к корпоративному осознанию или корпоративной идентификации, когда работник считает себя органичной частью компании.

Для поддержания организационной безопасности важно, чтобы было не только ядро и устойчивое состояние организации, но и возможность гибко реагировать на изменение внешних условий. При изменении усло-

вий внешней среды возникает состояние дисбаланса вследствие реакции организации, что влечёт изменения внутреннего баланса организационной структуры, систем, функционала, стиля управления, кадрового потенциала. При существенных изменениях внешней среды для сохранения внутреннего баланса организации изменению может подвергаться и ядро, состоящее из её ценностей и корпоративной культуры. Нарушение баланса может вызвать социальную напряженность и как следствие снижение показателей эффективности деятельности сотрудников организации. Этого можно избежать, если управленческое звено обладает гибкостью, а функционирование и управленческий стиль легко адаптируются к любым изменениям внешней среды, причем адаптируется и ее корпоративная культура, которая находится в состоянии готовности к такого рода трансформациям. Вторым важным фактором является способность менеджмента высшего звена эффективно управлять внедрением инноваций, ведь, как мы упоминали ранее, именно управление условиями является залогом организационной безопасности.

Можно управлять социальной напряженностью, зная возможные источники ее возникновения. Здесь также подходит алгоритм, который был рассмотрен в разделе про экономическую безопасность: источники развития социальной напряженности можно разделить на внешние и внутренние. К внешним источникам относятся: низкий уровень качества жизни, нехватка материальных средств, недостаток или низкое качество предоставления социальных услуг, коррупция в органах власти, ущемление социальных льгот, дестабилизация обстановки в стране, резкое ослабление правовой социальной защиты интересов граждан [22]. К внутренним источникам социальной напряженности относятся: невыполнение руководством организации своих обещаний, нарушения режима труда, отсутствие видимых результатов заботы об улучшениях условий труда и отдыха, конфронтация руководства и работников, внедрение серьезных преобразований и инновации без учета интересов работников, подстрекательская деятельность неформальных лидеров. Все эти факторы могут приводить к повышению социальной напряженности и, как следствие, снижению организационной безопасности.

Важнейшим явлением, которое обеспечивает социально-психологический аспект организационной безопасности, является организационная приверженность. Нужно понимать, что речь идет не о простом декларировании ценностей, а именно о понимании их значимости и проявлении ценностей в поведенческих моделях. Организационная приверженность, как и любая социальная установка, состоит из трех частей: когнитивной,

поведенческой и аффективной. Когнитивная часть состоит из осознания и принятия организационных целей и ценностей, поведенческий компонент выражается в готовности прикладывать усилия в интересах организации, а аффективный компонент выражается в желании поддерживать членство в организации. С этих позиций организационная приверженность, составляющая основу деятельности работника на благо организации, является конструктором, который заложен в организационную безопасность.

Детерминантами организационной приверженности можно считать профессиональное развитие и становление личности, с одной стороны, а с другой – качество корпоративных отношений [17, с. 203–231]. Для профессионального развития личности важно, чтобы сотрудник обладал определенными, востребованными в профессиональной деятельности компетенциями, имел высокую профессиональную квалификацию, связанную с выполнением специфических функций, но и организация должна создавать условия, обеспечивающие продуктивное профессиональное развитие личности на всех этапах жизненного цикла сотрудника в организации. Без продуманной и налаженной системы развития и обучения персонала достичь этого состояния невозможно, и ключевую роль здесь играет управление работой с персоналом.

Следующий важный аспект – это корпоративные отношения, которые складываются на основе совместной деятельности, объединенной общими интересами и привлекательными целями. Если корпоративные отношения сформированы, то они приводят к гармонизации социально-психологического климата рабочего коллектива, повышению уровня взаимовыручки и взаимопомощи в работе, при этом снижается частота возникновения и острота конфликтов, что приводит к усилению аффективного компонента организационной приверженности, т. е. к желанию поддерживать членство в организации. Как следствие, развитие хороших корпоративных отношений способствует повышению результативности деятельности, а значит, улучшению экономических показателей деятельности организации [3, с. 133–136].

Важным социальным аспектом в качестве предварительных решений проблемы обеспечения безопасности организации является эффективная работа при приеме персонала [11, с. 205]. Правильно выстроенные процедуры подбора и отбора сотрудников помогут «отфильтровать» работников, которые в силу своих личностных особенностей, ценностных установок не подходят под требования организации и сложившуюся корпоративную культуру.

Важно также обеспечить контроль за соблюдением работниками процессов приема на работу со всеми видами документации, использованием программного обеспечения, неразглашением критичной конфиденциальной информации и других действий, которые могли бы повлиять на обеспечение организационной безопасности [20]. Поэтому кадровую безопасность можно выделить в отдельную важнейшую составляющую организационной безопасности. Подбор персонала, развитие лояльности, система мотивации, процессы развития персонала и контроль – это ключевые факторы, от которых зависит кадровая безопасность, а, следовательно, и организационная безопасность [27, с. 150–154].

Учитывая динамический подход к определению организационной безопасности в связи со стремительным развитием цифровой среды и новой идеологии, средств управления, предлагаются основные направления совершенствования деятельности организации по обеспечению безопасности.

1. Организационная разведка. Представляет собой добывание своевременной информации для выработки руководством организации наиболее рациональных управленческих решений с учетом факторов внешней среды. Организационная разведка означает активные действия, направленные на сбор, накопление, обработку и анализ ценной информации, закрытой для доступа посторонних лиц.

2. Организационная контрразведка и внутренняя безопасность. Это направление предполагает профилактику и противодействие внутренним угрозам. К ним можно отнести:

- противодействие попыткам нанесения ущерба компании работниками (речь может идти не только о воровстве, но и о некомпетентности и халатности), а если инцидент произошел, то проведение служебных расследований с целью установления фактов нанесения ущерба организации;
- профилактическую работу с персоналом, к которой можно отнести: проверку устраивающихся на работу, проверку лояльности персонала организации, предупреждение негативных процессов в рабочем коллективе, которые могут привести к чрезвычайным происшествиям;
- обеспечение физической безопасности руководства компании и персонала, а также обеспечение безопасности имущества компании.

3. Информационно-аналитическая работа. Это направление соединяет в себе данные, полученные в результате действий по первым двум направлениям, оно также подразумевает обобщение и анализ информации с выделением как положительных, так и отрицательных тенденций процесса обеспечения организационной безопасности. На основе этого произво-

дится выработка предложений по дальнейшему развитию тенденций либо их нейтрализации.

4. Информационная безопасность. Проведение комплекса мероприятий по обеспечению защиты сведений, составляющих коммерческую тайну, критичных документов, а также других информационных массивов, необходимых для непрерывного функционирования организации.

5. Взаимодействие с местными органами государственного и муниципального управления и правоохранительными органами.

6. Обучение персонала по специально разработанным программам в соответствии с потребностями организации и выполняемыми служебными обязанностями.

7. Информирование персонала о политике компании в отношении организационной безопасности.

Таким образом, перед руководством компании встает задача развития культуры формирования организационной безопасности и разработки стратегического управления этой безопасностью [15, с. 188–193].

Для этого нужно предпринять следующее:

- включить организацию обеспечения корпоративной безопасности в число стратегических задач компании;
- четко сформулировать цель и задачи деятельности по обеспечению организационной безопасности;
- провести системный анализ состояния организационной безопасности на настоящем этапе;
- сравнить намеченные стратегические и тактические цели с реальными возможностями, выявить и проанализировать причины отклонения фактических значений от плановых показателей организационной безопасности;
- разработать альтернативные стратегические решения по развитию системы организационной безопасности и определить оптимальную стратегию;
- разработать стратегический план повышения эффективности функционирования системы организационной безопасности;
- осуществлять оперативное планирование и по необходимости корректировать стратегию управления организационной безопасностью;
- обмениваться информацией между различными уровнями управления системой организационной безопасности в процессе реализации стратегического плана.

Цель формирования организационной безопасности – создание комплекса управляемых условий обеспечения защищенности жизненно важных интересов и принципиальных основ существования организации от

внутренних и внешних угроз, при котором у руководства компании имеется возможность самостоятельно определять характер и формы деятельности для обеспечения расширенного воспроизводства товаров или услуг в объемах, способствующих эффективному функционированию и развитию компании.

Список литературы

1. 2021 Data Breach Investigations Report (DBIR). – URL : <https://https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/2021/masters-guide/> (дата обращения: 29.10.2022).

2. Алексеев, А. А. Управление рисками корпоративной безопасности компании / А. А. Алексеев // Санкт-Петербургский научный вестник. – 2020. – № 1(6). – С. 1.

3. Беляев, В. П. Безопасность корпоративных отношений как фактор формирования позитивного имиджа организации / В. П. Беляев, А. В. Дроздова // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 3. – С. 133–136.

4. Бородин, И. А. Основы психологии корпоративной безопасности / И. А. Бородин. – Москва : Высшая школа психологии, 2004.

5. Бусыгина, И. С. Корпоративная безопасность как акмеологическое основание продуктивной жизнедеятельности организации : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Бусыгина И. С. – Москва, 2010. – 574 с.

6. Гаврилов, И. Г. Проблемы формирования корпоративной системы обеспечения информационной безопасности / И. Г. Гаврилов // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25 ноября 2017 г. / под ред. А. А. Коротких. – Нижний Новгород : Центр научного развития «Большая книга», 2017. – С. 80–85.

7. Галстян, А. С. Экономическая безопасность предприятия: сущность и принцип формирования / А. С. Галстян, Р. О. Слободянюк // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81–3. – С. 27–30.

8. Дахнович, А. Д. Подход к построению киберустойчивого взаимодействия в промышленном Интернете вещей / А. Д. Дахнович, Д. А. Москвин, Д. П. Зегжда // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. – 2019. – № 2. – С. 149–155.

9. Донцов, А. И. Корпоративная безопасность в условиях глобализации / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко // Вестник Московского университета. (Серия 14: Психология). – 2011. – № 4. – С. 12–16.
10. Зайнуллин, С. Б. Корпоративная безопасность : учебное пособие / С. Б. Зайнуллин. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – 124 с.
11. Зайцев Л. Г. Организационное поведение / Л. Г. Зайцев, М. И. Соколова. – Москва : Магистр, 2018. – С. 205.
12. Зубков, М. Э. Модель формирования корпоративной культуры безопасности труда / М. Э. Зубков // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 11(111). – С. 96–100.
13. Иващенко, Г. В. О понятии «безопасность» / Г. В. Иващенко. – Москва : Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 10 февраля 2005 г. – URL : https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108062853&archive=0215&start_from=&ucat=& (свободный доступ) (дата обращения: 29.10.2022).
14. Истратов, Б. И. Корпоративная безопасность как аспект устойчивого развития бизнеса / Б. И. Истратов // Экономика устойчивого развития. – 2022. – № 1(49). – С. 40–44.
15. Кайгородцев, А. А. Стратегическое планирование обеспечения корпоративной безопасности / А. А. Кайгородцев // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества : материалы IX международной научно-практической конференции, Минск, 13 мая 2016 г. / составители В. Н. Кривцов, Н. Н. Горбачёв. – Минск : Ковчег, 2016. – С. 188–193.
16. Кондрашова, Н. Г. Экономическая безопасность и ее обеспечение в коммерческой организации / Н. Г. Кондрашова // Modern Economy Success. – 2021. – № 1. – С. 207–212.
17. Краснянская, Т. М. Социально-психологические маркеры корпоративной безопасности / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2020. – Т. 5. – № 1(17). – С. 203–231.
18. Митрофанов, А. А. Экономическая безопасность коммерческих предприятий и деловая разведка / А. А. Митрофанов. – URL : <https://www.egrul.ru/articles/33.html> (свободный доступ) (дата доступа: 29.10.2022).
19. Мищенко, Т. А. Организация системы корпоративной безопасности предприятия / Т. А. Мищенко // Молодежь и системная модернизация страны : сборник научных статей 4-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых, Курск, 21–22 мая 2019 года. – Курск : Изд-во ЮЗГУ, 2019. – С. 147–149.

20. Мурзаев, В. К. Корпоративная безопасность: проблемы и пути их решения / В. К. Мурзаев, И. Г. Ищенко // Экономическая безопасность общества, государства и личности: проблемы и направления обеспечения : сборник статей по материалам VIII научно-практической конференции, Пенза, 11–12 марта 2021 года / под общ. ред. С. В. Тактаровой, А. Ю. Сергеева. – Москва : Перо, 2021. – С. 25–27.

21. Оболонская, Н. Ю. Корпоративная безопасность / Н. Ю. Оболонская // Живая психология. – 2015. – Т. 2, № 1(5). – С. 53–76.

22. Плотников, В. В. Социальная напряженность: факторы возникновения и актуализации / В.В. Плотников, А.Р. Каспаров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2020. – № 1 (254). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-factory-vozniknoveniya-i-aktualizatsii> (дата обращения: 30.10.2022).

23. Психологические особенности персонала, предрасполагающие к успешной реализации социоинженерных атак / А. Л. Тулупьев, Т. В. Тулупьева, О. Ю. Григорьева, А. А. Азаров // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2012. – Т. 3, № 3(7). – С. 256–266.

24. Тулупьева, Т. В. Психологические аспекты информационной безопасности организации в контексте социоинженерных атак / Т. В. Тулупьева // Управленческое консультирование. – 2022. – № 2(158). – С. 123–138.

25. Тулупьева, Т. В. Психологические аспекты оценки безопасности информации в контексте социоинженерных атак / Т. В. Тулупьева, А. Л. Тулупьев, А. А. Азаров // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2013. – № 1. – С. 77–83.

26. Усыченко, В. Г. Концептуальные задачи обеспечения безопасности «умного города», насыщенного роботами с искусственным интеллектом / В. Г. Усыченко, Л. Н. Сорокин, Р. М. Юсупов // Робототехника и техническая кибернетика. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 24–33.

27. Хайтович, Л. В. Психологические условия поддержания корпоративной безопасности / Л. В. Хайтович // Форум молодых ученых. – 2021. – № 9(61). – С. 150–154.

28. Юкласова А. В. Организация как открытая система / А. В. Юкласова, И. Ю. Крылова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2017. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-kak-otkrytaya-sistema> (дата обращения: 29.10.2022).

29. Юсупова, М. Д. Экономическая безопасность предприятий в условиях влияния гиперконкуренции / М. Д. Юсупова // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1(126). – С. 1357–1361.

30. Ясников, Г. Е. Формирование системы корпоративной безопасности компании / Г. Е. Ясников, Т. П. Тихоненко // Экономика, право и проблемы управления. – 2012. – № 2. – С. 210–219.

5. КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

5.1. Функциональный статус русского языка в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации

Социокультурный контекст первых десятилетий XXI в. характеризуется существенными отличиями от предшествующих этапов развития, причем многие аспекты современной культуры оказались весьма неожиданными и динамично развивающимися. Так, в настоящий момент совершенно очевидно, что парадигма европоцентризма и, соответственно, понимание европейской культуры как ведущей в мире в целом невосвратимо утрачены. Существенно изменилась геополитическая обстановка, но также следует признать в этой связи и кардинально важную роль научно-технической революции, позволившей воспринимать факты культуры здесь и сейчас вне пространственно-временных ограничений. Культурное воспроизводство трансформировалось практически во всех странах мира, а интернет превратил человечество в «большую деревню», в которой не существует понятия удаленности или приближенности к некоему центру и где всё обо всех известно. Нельзя не согласиться с В. А. Коневым в том, что современной культурой управляет не нормативность, не наличие в ней глубинно-важных жизненных смыслов, но диалог сознаний, не польза, а действие сообразно конкретным обстоятельствам: «Присутствие здесь и сейчас, ситуация в ее конкретности, а не представление и знание ... становятся основанием действия в современной культуре. Если в мире представлений жизнь опосредована представляющими ее текстами, то мир присутствия – это мир, в котором жизнь выражает себя событиями» [6, с. 103].

Современный этап развития мировой культуры обуславливается комплексом факторов, особой важностью среди которых обладает распад советской социокультурной парадигмы, длительное время являвшейся оплотом традиционных гуманистических ценностей. В последние два десятилетия также стало совершенно очевидно, что глобализация – вовсе не необратимый процесс, а надежда на мирное сосуществование и мультикульту-

рализм современного мира – так и осталась далекой перспективой. Геополитические претензии и появление новых центров культуры и экономики – вот те условия, которые формируют вывод о неизбежных конфликтах на международном и национальном уровнях межкультурных коммуникаций, а сама сфера культуры и культурного воспроизводства представляет в новых условиях одну из ключевых в аспекте обеспечения национальной безопасности.

Термин «национальная безопасность» в трактовке отечественной гуманитарной парадигмы имеет ряд дискуссионных моментов, прежде всего, связанных с пониманием нации в координатах государственности. Если такая модель организуется по направлению от нации к государству, то для полного признания собственного суверенитета нация создает собственное национальное государство, и часто это происходит в процессе национально-освободительной борьбы. Другой моделью становится формирование нации как института, упрочивающего государственность, а результатом такого процесса являются так называемые общегосударственные или гражданские нации. Различная этническая принадлежность и национальная идентичность не влияют на осознание гражданами такого государства единой национальной принадлежности. Именно в рамках этой модели происходит отождествление национального с государственным в термине «национальная безопасность». Примерами такого гражданского национального государства авторы энциклопедии «Глобалистика» называют США, Австралию, Испанию и Россию [1, с. 678–681, 1279]. Сейчас можно уже с уверенностью говорить о том, что в современном мире преобладает вторая модель соотношения нации и государства: не этническая, а именно политико-географическая и социальная общность становится основой формирования гражданской нации, для которой приоритетна культурно-цивилизационная идентичность страны [3, с. 1093]. Однако в России предпочтительным остается первый, этнический, принцип формирования наций, что и обуславливает проблемы в истолковании и применении термина «национальная безопасность». С другой стороны, в Российской Федерации национальная политика сохраняет ориентированность на принципы, утвердившиеся еще в СССР: эта политика предполагает поощрение языкового многообразия и правовое равенство всех языков страны.

Современный мир характеризуется не только и не столько конфликтами из-за территорий и ресурсов, сколько межкультурными войнами, когда главный предмет захвата и покорения – это национальная культура как единственный инструмент воспроизводства суверенности нации. Россия как одна из важнейших стран в современном миропорядке в последние

десятилетия является одним из главных объектов разнообразных атак, при этом модель таких атак строится на тезисе «Россия препятствует движению мирового прогресса, являясь источником любой агрессии». Прогрессирующая в последние годы русофобия, попытки дискредитации национальной истории и национальной памяти – всё это способы деконструкции национальной идентичности и ценностной системы координат. В условиях информационной и сетевой войн информация не подвергается объективной проверке, а любые методы, насильственные и ненасильственные, применяемые в ходе гибридной войны, становятся основой экономического, финансового и политического противодействия. К наиболее агрессивным методам стоит отнести и такие действия в социокультурной сфере, которые ориентированы на трансформацию общественного и личного сознания и поведения в интересах недружественных государств.

Развитие информационных технологий и динамичное формирование медиапространства в последней трети XX в. позволило использовать новые, более эффективные способы воздействия на все сферы общественного воспроизводства. Народы, побежденные в войнах XX в., жестоко эксплуатировались в экономическом отношении, подвергались идеологическому насилию, подавлялись в правовом поле, и все эти компоненты могли прогрессировать вплоть до геноцида, но в настоящее время речь идет о возможности масштабного «демонтажа» самой структуры воспроизводства национальной культуры и картины мира через массированное разрушение самих способов национальной идентификации и самоидентификации, при этом сама культура может сохранять какие-либо внешние признаки и формы при утрате субъектности.

Определенная деформация постигла и культуру России с распадом Советского Союза и развитием негативных социокультурных процессов в постсоветский период, что вызвало настоятельную необходимость восстановления влияния российской культуры в мировом культурном пространстве. И, разумеется, это касается, прежде всего, русского языка, функциональный статус которого важен как для сохранения должного уровня межнационального общения внутри страны, так и для постоянного влияния на коммуникацию в мире. Здесь мы не будем касаться тех негативных моментов, которые сейчас общеизвестны: позиция официальных властей в странах Прибалтики и Украины в отношении русского языка и русской культуры не поддается сколько-нибудь рациональной оценке с позиций гуманистических ценностей, и в случае обращения к этой части проблематики мы рискуем облечь свои размышления в излишне публицистические в своей оценочности высказывания. Цель видится в другом: необходимо

выяснить те аспекты функционирования русского языка и рациональные усилия, которые могут быть предприняты для противостояния идеологической агрессии, разрушению национальной и культурной идентичности. Мы согласны с В. В. Кочетковым, который утверждает, что «главной целью гибридной войны в сфере культуры является "отчуждение человека от культуры, в которой он укоренен, а точнее – от его культурной идентичности"» [7, с. 264]. Интервенция в национальную культуру происходит посредством последовательной деконструкции культурного кода нации, а также сообществ и субкультур (этносы, культурные автономии, конфессиональные и профессиональные сообщества), которые составляют ее структуру. В культуре конструируются чуждые ей организационные формы, внедряются такие ценностные и оценочные системы, которые в целом чужды национальному менталитету. Именно таким образом ведется борьба против России, и главной целью здесь оказывается национальное достоинство ее граждан.

Поэтому неслучайно одним из приоритетных направлений в этом деструктивном процессе стала и атака на российское образование. В условиях быстро меняющегося информационного пространства оно, разумеется, нуждалось в реформе, однако постсоветский период стал временем претворения планов коррекции, которые были созданы на чуждой почве, а результат не замедлил сказаться: значительное падение качества образования общеизвестно. Так, спорными являются результаты включения высшего образования в России в Болонский процесс, разнообразные тестирования, созданные по западноевропейским и американским образцам и пр. Важно в этой связи понимать, что не сами эти факты имеют негативное влияние на российский социокультурный процесс, а их отсроченное воздействие на национальную ментальность – возрастающая зависимость от культурной интервенции.

Лингвисты давно доказали, что полный би-, полилингвизм, предполагающий существование в сознании носителя двух и более языков двух национальных языковых картин мира, а не только лексико-грамматических систем, достигается довольно редко. При этом общение на чужом языке диктует трансформацию обмена смыслами в «механический» обмен информацией. Притом, что при достаточном владении вторым языком довольно легко подобрать иноязычное выражение для выражения той или иной мысли, такое высказывание не сможет стать основой многоярусной системы ассоциативных связей, оно не обладает достаточно сложной языковой структурой и не способно оказывать влияние на структуру мышления языковой личности, для которой этот второй язык останется

иностранным. При этом стоит упомянуть и о том, что функции языка не сводятся к формулированию готовой мысли: «Слово, как и любая номинация, – это ключ, “открывающий” для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить включателю – он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и “запуская” его в процесс мышления» [8, с. 38–39]. Инокультурная картина мира навязывается словами и высказываниями, которые употребляются в речи при наличии номинаций в родном языке, и зачастую этот процесс имеет неожиданный результат: он может «притупить» мыслительные реакции.

Русский язык – государственный язык Российской Федерации и один из тех, к которому применим статус «мирового» языка. Сейчас в мире насчитывается более двух с половиной тысяч языков, но, разумеется, далеко не каждый из них может выступать языком межнационального и межкультурного общения. Поэтому выделяется весьма немногочисленная группа языков – так называемый клуб мировых языков, в который включены наиболее развитые из них, способные осуществлять межкультурную коммуникацию. Ведущий критерий для включения языка в «клуб мировых языков» – не только и не столько численность населения, которое использует данный язык для повседневного общения, сколько общечеловеческая значимость конкретной культуры, созданной на этом языке. Статус языка как мирового закрепляется юридически через признание его в качестве официального языка международных организаций (ООН, ЮНЕСКО и др.). Русский язык, наряду с английским, арабским, испанским, китайским и французским, включен в состав официальных языков ООН. Важнейшие международные договоры и соглашения закреплены также и на русском языке, изучение которого остается востребованным не только на постсоветском пространстве, в целом ряде бывших союзных республик, но и в странах Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, странах Карибского бассейна и Латинской Америки и др. И это вовсе не случайно, потому что степень распространенности русского языка в мире весьма высока: русский язык находится на пятом месте после китайского (1 млрд человек – носителей и использующих китайский в качестве языка общения), английского (420 млн чел.), хинди и урду (320 млн чел.), испанского (300 млн чел.), на русском говорят примерно 250 млн человек. Преподаватели русского языка и литературы объединены в составе Международной ассоциации (МАПРЯЛ), структурной единицей которой является Российское общество преподавателей русского языка и литерату-

ры (РОПРЯЛ). Значимость русского языка заключается не только в его широком распространении и интересе к нему в плане изучения, но и в том, что лексика русского языка оказывала и продолжает оказывать значимое влияние на другие языки.

Как язык межнационального общения, русский язык прошел довольно сложный путь. Для того, чтобы обрести именно этот функциональный статус, язык должен выйти за пределы своего этноса, что обуславливается целым комплексом лингвистических и социальных факторов. Обычно приоритетны социальные факторы, так как функции языка обуславливаются спецификой социального развития. Но никакие социальные факторы не способны обеспечить конкретному языку позиции межнационального средства общения, если в языковой системе нет необходимых средств для этого. Уникальность русского языка для Российской Федерации заключается, прежде всего, в том, что он способен обеспечить языковые потребности не только собственно русского народа как титульной нации России, но и представителей других народов, живущих как в России, так и за ее пределами.

Богатый лексикон, развитая научная и техническая терминология, выразительная краткость и ясность лексических и грамматических средств, емкость синтаксических конструкций, а также развитая система функциональных стилей позволяют русскому языку отражать действительность во всем ее многообразии, служить «материалом» для создания произведений художественной словесности.

На постсоветском пространстве именно русский язык является самым удобным средством общения. Притом, что и сейчас продолжается ограничение сфер функционирования русского языка в некоторых новых независимых государствах, следует подчеркнуть, что полностью вытеснить его из экономической, политической и культурной сфер не получится. Те бывшие союзные республики, которые не утратили традиции преподавания русского языка в школах и вузах, предоставив ему, в том числе, и статус второго государственного языка, оказываются в более выгодной позиции как в культурном, так и в экономическом отношении. Кроме того, цивилизованные нормы взаимопонимания и сотрудничества народов, для которых важны давние связи и традиции совместного проживания, не могут обойтись без учета языковых контактов даже в пределах одного многонационального государства или ряда таких государств.

Для современной науки о языке актуальна проблематика широкого понимания языковой действительности, в которой важное место занимают вопросы межкультурной коммуникации. Закономерно в этой связи пони-

мание необходимости учета гуманитарных, в том числе филологических факторов, влияющих на парадигму смыслов национальной безопасности [5, с. 86–93]. В. В. Кочетков, характеризуя основные методы ведения современной наступательной культурной войны, ставит среди них на первое место именно языковую интервенцию, понимая под этим термином «внедрение второго государственного языка, уничтожение или дискриминацию коренных языков, внедрение чуждых для социума дискурсов и дискурсивных практик» [7, с. 265].

Постсоветское пространство характеризуется осознанием потребности в распространении не только английского, но и русского языков, что вполне объяснимо: русский язык обеспечивает функционирование самых разных систем знания, различных отраслей науки и техники, информационных ресурсов. Поэтому, разумеется, важным остается свободное владение русским языком для осуществления речемыслительной деятельности личности в профессиональной среде, и эта потребность в XXI в. будет расти. При этом недальновидность внутренней и внешней политики некоторых бывших союзных республик, связанная с дискриминацией русского языка и русской культуры, очевидна: такая политика угрожает национальной безопасности этих государств. Кроме того, важным представляется и осмысление роли русского языка в обеспечении международной информационной безопасности, что приобретает особую актуальность в условиях проведения агрессивной политики неоглобализма со стороны США в отношении к странам Евразии. Неоглобализм является весьма серьезной угрозой не только для суверенитета государств Западной Европы и Азии, но и для всего мира [4, с. 12–15].

Важным показателем уровня культуры для любой языковой личности является владение богатствами русского языка: четкое и ясное выражение собственных мыслей на этом языке («Кто ясно мыслит – ясно излагает»), соблюдение орфоэпических, грамматических правил, лексических и синтаксических норм позволяет быть адекватно понятым всеми, кто также владеет русским языком. Эстетика русского слова как нельзя более глубоко отражена, в частности, в многообразии художественной словесности и русской классической литературы.

Позиции русского языка и, как следствие, русской культуры в мире могут быть укреплены и расширены посредством различных государственных ведомств и общественных организаций, которые должны быть обеспечены в этой сфере достаточными ресурсами для осуществления тесного взаимодействия. Поддержка преподавателей русского языка и русской литературы в различных странах мира, развитие инновационных

методов в преподавании, пропаганда русской культуры и знакомство граждан различных стран с русской национальной картиной мира во всех ее многообразных проявлениях – вот те первостепенные задачи, которые должны быть осуществлены в ближайшее время.

Безусловно, определенную опору в этой сфере составляют не только будущие преподаватели русской словесности – иностранные студенты российских вузов, обучающиеся на русском языке, и не только те граждане других государств, которые также получают высшее профессиональное образование в Российской Федерации на русском языке. Это и другие группы иностранных и российских граждан:

- жители стран ближнего и дальнего зарубежья, имеющие потенциальную возможность изучения русского языка у себя на родине с различными целями – учебными, профессиональными, бытовыми, познавательными;
- трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья, которые длительное время живут и работают в России;
- жители стран дальнего зарубежья (взрослые, школьники, студенты) – потенциальные слушатели курсов русского языка, которые могут приехать в Россию;
- выпускники российских вузов и их национальные ассоциации, которые в настоящее время функционируют почти в 70 странах мира;
- живущие в странах ближнего и дальнего зарубежья соотечественники, для которых русский язык является родным.

Анализ вопросов национальной безопасности применительно к функционированию русского языка в пространстве межкультурной коммуникации предпочтительно основывать на отправном тезисе о русском языке как фундаменте всей русской культуры, что определяет и отношение к нему как к достоянию нации. Доктрина информационной безопасности закрепляет саму необходимость защиты русского языка, так как русский язык выступает одним из объектов информационной безопасности России [2]. Очевидно, что русский язык одновременно представляет собой фактор и способ обеспечения информационной безопасности: он обуславливает во многом развитие интеллектуального потенциала государства, обеспечивая продвижение различных сфер экономики, образования и науки, политики; при этом условия международной конкуренции и формирование постиндустриального общества становятся новыми вызовами для гуманитарной сферы и общества в целом. Однако можно со всей уверенностью утверждать, что ресурсы современного русского языка позволяют успешно противостоять многим негативным явлениям и в этой сфере.

Функциональный статус русского языка расширяется и за счет его особой роли в обеспечении информационной и, как следствие, национальной безопасности государств – бывших союзных республик, сопредельных с Российской Федерацией: действительно, вне обращения к лингвокогнитивному, лингвориторическому и социокультурному потенциалу русского языка, оказываются минимальными либо становятся вовсе невозможными экономические, политические, культурные связи. Здесь важен учет интересов русскоязычной диаспоры, равно как и так называемой титульной нации – коренного населения страны.

Проблема связи поколений, осуществляемой посредством языка, занимает одно из центральных мест в научной парадигме. Утрата ряда ценностей, свойственных русской картине мира, свидетельствует о некоторой потере ориентации языка в поле смыслов и стилей. Именно этот момент является маркером явной угрозы не только в отношении информационной, но и национальной безопасности, при этом проблематика обеспечения национального единства Российской Федерации многообразно коррелирует с формирующейся национальной идеей, способной вербализовать основные стратегии и тактики в сохранении государственного суверенитета.

Безусловно в настоящий момент одно: многообразие форм и способов современных гибридных войн, постоянно трансформирующихся и совершенствующихся, настоятельно требует включить проблематику безопасности российского культурного пространства в сферу национальной безопасности в целом, наряду с безопасностью экономической, экологической и военной. Русский язык в этом аспекте должен рассматриваться не только как одна из целей информационно-психологической войны, но и как основное оружие в этом противостоянии. Функциональный статус русского языка определяется в настоящее время не только его первостепенной ролью в осуществлении межнационального и международного общения, но и его значимостью как фундамента национальной культуры в формировании и сохранении национально-этнической идентичности и личностной самоидентификации, государственной целостности и международного престижа России.

Список литературы

1. Глобалистика : энциклопедия / ред.-сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков – Москва : Радуга, 2003. – 1328 с.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Советская Россия. – 2000. – 29 сентября.

3. Кокошин, А. А. Обеспечение реального суверенитета России в современном мире / А. А. Кокошин // Вестник РАН. – 2014. – Т. 84, № 12. – С. 1090–1097.

4. Колин, К. К. Глобализация и культура / К. К. Колин // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2004. – № 1. – С. 12–15.

5. Колин, К. К. Информационная безопасность как гуманитарная проблема / К. К. Колин // Открытое образование. – 2006. – № 1(54). – С. 86–93.

6. Конев, А. В. От культуры представления к культуре присутствия / А. В. Конев // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2018 г. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 103–105.

7. Кочетков, В. В. Культурное измерение гибридных войн / В. В. Кочетков // Вестник Московского университета. – 2015. – № 4. – С. 263–267. – (Серия 18: Социология и политология).

8. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 192 с.

5.2. Правовые основы культуры речи при использовании русского языка как государственного

Культура речи представляет собой достаточно изученную и оперативно корректируемую в соответствии с веяниями времени отрасль языкознания. Это касается и правовой стороны речевого этикета: статьи, рассматривающие юридическую сторону культуры языка, выходят достаточно регулярно и дополняют друг друга, отражая изменения в законодательстве Российской Федерации, касающиеся данного вопроса.

Абсолютное большинство публикаций, затрагивающих вопрос правового регулирования языка, посвящено речевым конфликтам, юрислингвистической экспертизе, делам об оскорблении и т.д. Досконально изучены соответствующие статьи Конституции Российской Федерации, Уголовного и Гражданского кодексов, Кодекса об административных правонарушениях; в полной мере освещены наказания, предусмотренные за нарушение законодательства. Даже достаточно «молодая», введенная в 2013 г. статья 148 УК РФ (п. 1), устанавливающая ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих, рассмотрена с должным вниманием с правовой, лингвистической, культурологической сторон. Юридической экспертизе, по данным онлайн-библиотеки научных работ eLibrary, посвящено более полутора тысяч статей, существуют методические указания для экспертов-лингвистов, учебные пособия, внутриведомственные рекомендации для проведения экспертиз.

Однако все эти публикации, образно говоря, отвечают на вопрос «как не надо себя вести и что за это может быть», а не «как надо говорить/писать». Многочисленные статьи, посвященные судебному красноречию и речевой культуре юристов, относятся к области риторического искусства и профессионального ораторского мастерства, и к теме данной статьи прямого отношения не имеют, поэтому их мы не рассматриваем.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что отсутствие работ вызвано явно недостаточным количеством соответствующих нормативно-правовых актов. Уставы, «кодексы чести» работников и членов различных организаций в расчет можно не принимать, поскольку они: 1) не обладают должной полнотой в данной области, ограничиваясь в лучшем случае общими фразами вроде «должен уважать честь и достоинство» и «обязан стремиться к культурному и духовному росту»; 2) не являются универсальными для всех граждан Российской Федерации, в отличие от русского языка.

Основным документом, регламентирующим использование русского языка как государственного в различных сферах, является Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [7]. Из него можно узнать следующее:

1) порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании как государственного языка Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации (ст. 1, ч. 3);

2) при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке (ст. 1, ч. 6);

3) государственный язык Российской Федерации должен обязательно использоваться в следующих сферах (ст. 3, ч. 1):

- в деятельности государственных органов всех уровней, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе при делопроизводстве, а также при осуществлении их взаимоотношений с гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства и общественными объединениями;

- при подготовке и проведении выборов и референдумов;

- при официальном опубликовании нормативно-правовых актов;

- при написании названий географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки;

– при оформлении документов, которые должны быть оформлены на государственном языке Российской Федерации в соответствии с законодательством;

– в рекламе;

– в продукции средств массовой информации, при показах фильмов в кинозалах, при публичных исполнениях произведений литературы, искусства и народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, зрелищно-развлекательных и культурно-просветительских мероприятий (в этих сферах допускается использование других языков в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации).

Однако, по существу, в этом федеральном законе о том, как именно правильно говорить и писать на русском языке как государственном, говорится очень мало: нужно опираться на нормы литературного языка, в частности, нельзя использовать нецензурную брань и иностранные слова, имеющие общеупотребительные аналоги в русском языке. Порядок же утверждения норм определяется Правительством Российской Федерации.

Документом, разъясняющим этот порядок, является Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при использовании его в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» № 714 от 23.11.2006 г. [9]. В нем сказано, что Правительство Российской Федерации утверждает список грамматик, словарей и справочников, содержащий нормы русского языка при использовании его в качестве государственного языка Российской Федерации (по результатам экспертизы), а также правила его орфографии и пунктуации, утверждает требования к составлению этих словарей и определяет порядок их экспертизы. Происходит это на основании рекомендаций Правительственной комиссии по русскому языку.

Данная комиссия была создана Постановлением Правительства Российской Федерации «О Правительственной комиссии по русскому языку» № 1197 от 08.08.2020 г. [10]. В процессе своей деятельности комиссия рассмотрела и утвердила: 1) требования к составлению словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка, соблюдение которых требуется при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации; 2) Положение о порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации [13]. К сожалению, в открытом доступе данных требований и положения нет, есть только Приказ

Минобрнауки РФ № 152 от 2007 г. «О порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [8], но очевидно, что вряд ли комиссия рассматривала и утверждала документ, принятый за тринадцать лет до ее образования. Впрочем, даже если был рассмотрен и принят документ, в точности повторяющий приказ Минобрнауки от 2007 г., то в нем, в соответствии с названием, описывается лишь порядок проведения экспертизы, но не конкретные рекомендации по ее проведению и тем более не критерии экспертных оценок.

Кроме того, Правительственная комиссия по русскому языку одобрила проект «Основные правила русской орфографии» с последующей «технической доработкой», рекомендовала ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова» РАН продолжить работу над подготовкой полного свода Правил русской орфографии, а Минпросвещению совместно с Минобрнауки – проработать вопрос о выделении финансирования на разработку проекта «Основные правила русской пунктуации» [14]. Однако на момент конца 2022 – начала 2023 г. проект постановления Правительства РФ об утверждении Основных правил русской орфографии еще не принят, а следовательно, юридической силы не имеет.

Получается, что, несмотря на работу комиссии, проекты, приказы и постановления, единственным источником информации не о применении языковой нормы, а о том, что в нее входит, а что нет, является вышедший задолго до создания Правительственной комиссии по русскому языку Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [6].

Список, прилагаемый к данному приказу, насчитывает четыре пункта.

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Москва : АСТ-ПРЕСС, 2008. 1288 с.

2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А. А. Москва : АСТ-ПРЕСС, 2008. 794 с.

3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И. Л. Москва : АСТ-ПРЕСС, 2008. 943 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В. Н. Москва : АСТ-ПРЕСС, 2008. 782 с.

Разберем очевидные недостатки данного приказа.

Во-первых, он носит рекомендательный характер. Запрета на использование иных словарей, грамматик или справочников в нем нет, следовательно, нет и ответственности за его условное «нарушение». Вероятно, приказ предназначен для урегулирования вопроса о том, какой словарь «главнее» (с правовой точки зрения) при рассмотрении, например, дел об оскорблении чести и достоинства.

Однако очевидно, что, во-вторых, с учетом многогранности русского языка, в настоящей момент не существует «Одного Главного Словаря», единственного и непогрешимого. Каждый словарь и справочник по своему ценен, поскольку является результатом долгой и кропотливой работы исследователя (как правило – коллектива исследователей) и может содержать в себе сведения, отсутствующие в иных изданиях. Ни один уважающий себя лингвист никогда не ограничивается единственным словарем при определении, скажем, правильности написания или произношения какого-либо слова (исключение составляют случаи, когда необходимый узкоспециальный словарь в принципе только один, но это редкость). Разумеется, при наличии множества однотипных словарей лучше выбирать написанные наиболее авторитетными языковедами. Кроме того, необходимо учитывать специфику каждого вида словарей: при проверке написания слова удобнее пользоваться орфографическим словарем, а при анализе словоизменения – грамматическим.

В-третьих, в приказе фигурируют словари, охватывающие только часть норм русского литературного языка – орфографическую, орфоэпическую, грамматическую и фразеологическую. «За бортом» остаются лексическая, словообразовательная, стилистическая, синтаксическая нормы. Причем с точки зрения законодательства как раз лексическая норма, по идее, должна быть важнейшей: именно она отражает эмоционально-экспрессивную окраску слов, оценочность и собственно значение, т.е. без опоры на нее невозможно определить, содержит ли высказывание оскорбление или нет. На наш взгляд, отсутствие хотя бы одного толкового словаря в данном списке приводит к тому, что неспециалисты (не лингвисты) в делах о защите чести и достоинства апеллируют, например, к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, чего делать нельзя, поскольку указанному словарю более века и он не отражает современную норму, а является, скорее, историческим справочником и к тому же содержит большое количество диалектных слов и выражений, не относящихся к русскому литературному языку.

В-четвертых, приказ, изданный в 2009 г., не обновлялся и на конец 2022 г. устарел на тринадцать лет, а словари, хоть и были на момент издания максимально «свежими», отстали от жизни на еще больший срок. Да, с одной стороны, нормы русского языка меняются достаточно медленно, и слово может не менять своего написания, произношения или значения десятилетиями. Но с другой – словари составляются не один год и, по сути, отражают языковую норму не на момент издания, а на момент сбора материала, т.е. примерно на пять-десять лет предшествующую изданию. Такая «словарная инерция» позволяет удерживать язык (в определенной степени, конечно) от слишком быстрых изменений, но требует от специалистов более внимательного выбора словарей и справочников с поправками на год издания.

Резюмируем выявленные недостатки приказа: 1) приказ носит рекомендательный характер и не предполагает ответственности за его неисполнение; 2) недостаточное количество словарей на каждый вид норм русского литературного языка (по одному на каждый); 3) указанными словарями охвачены не все виды норм; 4) не учтено устаревание словарей и изменение норм с течением времени.

Кроме того, как справедливо отмечают Н. М. Кропачев, Л. А. Вербицкая и С. А. Белов, «в сферах обязательного использования государственного языка предполагается не только составление письменных документов, но и устное общение», и хотя «использование языковых средств во всем их многообразии в каждой из этих сфер должно подчиняться одинаковым общим требованиям к языку как государственному», это «не исключает специфики требований, предъявляемых к разным формам речи» [3, с. 519–524]. В нормативно-правовых же документах нет даже намека на учитывание этой самой специфики.

На наш взгляд, существует несколько путей решения проблемы фактического отсутствия правовой основы, регламентирующей «как надо говорить/писать».

1. Настоящий приказ уточняется и дополняется информацией о том, что он носит рекомендательный характер и относится в первую очередь к экспертам-лингвистам и к составителям официальных текстов (законов, кодексов, приказов, дипломатических нот и т.д.). Список словарей, грамматик и справочников расширяется с количественной и качественной сторон: вводятся источники лексической, стилистической, синтаксической и словообразовательной норм (толковые и словообразовательные словари, стилистические и синтаксические справочники), причем на каждый вид норм должно быть не менее трех различных источников. Отбор источни-

ков осуществляется специально созданной комиссией, состоящей из авторитетных ученых-лингвистов. Список словарей, грамматик и справочников подвергается ежегодному пересмотру. Данный путь не решает проблему полностью, но устраняет имеющиеся в приказе недостатки и устанавливает четкие рамки его применения.

2. Коллективом наиболее авторитетных филологов из числа авторов словарей и справочников создаются государственные словари и справочники русского литературного языка – орфографический словарь, толковый словарь, синтаксический справочник и другие, по одному словарю или справочнику на каждый вид норм русского языка. Данные словари составляются с опорой на все имеющиеся источники (словари и справочники) и рекомендуются переизданным приказом Минобрнауки как обязательные для применения при проведении лингвистических экспертиз, составлении законов, кодексов, дипломатических заявлений и так далее, а также ежегодно обновляются, исправляются и редактируются для поддержания их актуальности.

3. Издается федеральный закон, в котором максимально подробно описывается функционирование русского языка как государственного в официальных документах, докладах, дипломатических заявлениях с опорой на исследования стилистики русского языка. Федеральный закон составляется с привлечением специалистов-лингвистов из числа наиболее квалифицированных и признанных ученых. В законе прописываются все источники существующих видов норм русского языка – словари, справочники, грамматики, всесторонне рассмотренные комиссией ученых-языковедов и признанные корректными с научной точки зрения. Список источников пересматривается и дополняется по мере выхода новых источников, переиздания или устаревания имеющихся. Кроме того, предусматривается ответственность за нарушение норм русского литературного языка при официальном общении и составлении документов, а также за использование источников норм, не прошедших комиссионную языковедческую проверку, при рассмотрении дел об оскорблении чести и достоинства, оскорблении чувств верующих, призывах к осуществлению террористических актов и иных дел, требующих проведения лингвоэкспертизы.

С нашей точки зрения, оптимальным был бы именно третий путь. Хотя он требует привлечения большого количества финансовых и человеческих ресурсов, именно его осуществление позволило бы на законодательном уровне закрепить нормы русского литературного языка и обеспечить их соблюдение и сохранение.

Государственной думой Российской Федерации 13 декабря 2022 г. был принят в первом чтении законопроект № 221977-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"» [12]. В нем предлагается изменить и дополнить некоторые формулировки в связи с появлением цифровых информационных ресурсов и в целом с современными реалиями, а также определяется, что «для целей настоящего Федерального закона под нормами современного русского литературного языка понимаются совокупность языковых средств и правила их использования, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках». Порядок формирования и утверждения списка таких словарей остается прежним – его определяет Правительство Российской Федерации на основании предложений Правительственной комиссии по русскому языку. Новых предложений от этой комиссии пока не поступало.

Список литературы

1. Голев, Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н. Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты : межвузовский сборник статей. – Барнаул, 2002. – С. 110–123.
2. Голев, Н. Д. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации : межвузовский сборник статей. – Барнаул, 2003. – С. 142–152.
3. Кропачев, Н. М. Требования к устной речи при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации / Н. М. Кропачев, Л. А. Вербицкая, С. А. Белов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, Вып. 4. – С. 519–524.
4. Курьянович, А. В. Правовые аспекты речевого поведения носителей в сфере современной электронно-медийной коммуникации / А. В. Курьянович // Юрислингвистика. – 2015. – № 4 (15). – С. 25–32.
5. Меликян, В. Ю. «Оскорбление религиозных чувств верующих»: юрислингвистическое параметризирование / В. Ю. Меликян // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы V Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 34–57.
6. Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации : приказ

Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России : [8 июня 2009 г.]. – URL : <https://rg.ru/2009/08/21/russkiy-slovari-dok.html> (дата обращения: 05.09.2019).

7. О государственном языке Российской Федерации : федеральный закон : [1 июня 2005 г. № 53-ФЗ : в ред. от 30 апр. 2021 г.] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 10.01.2023.

8. О порядке проведения экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации : приказ Министерства образования и науки РФ : [№ 152 2007 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102115805&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 11.01.2023)

9. О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при использовании его в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации : постановление Правительства РФ : [23 нояб. 2006 г. № 714 : в ред. 8 авг. 2020 г.] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 10.01.2023.

10. О Правительственной комиссии по русскому языку : постановление Правительства РФ 8 авг. 2020 г. № 1197] // Минпросвещения России. – URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/3d86deb471eb073fe73201cf26f119c3/download/3169/> (дата обращения: 11.01.2023).

11. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Медея, 2004. – 328 с.

12. Принят в I чтении проект закона о запрете использования на государственном уровне иностранных слов // Интерфакс. – URL : <https://www.interfax.ru/russia/876714> (дата обращения: 11.01.2023)

13. Протокол заочного голосования членов Правительственной комиссии по русскому языку : протокол : [12 марта 2021 г. № СК-3/03пр] // Минпросвещения России. – URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/318cb468e387274a56387f36e8a9f4e6/download/3906/> (дата обращения: 11.01.2023).

14. Протокол заседания Правительственной комиссии по русскому языку : протокол : [1 марта 2022 г. №СК-56/03пр] // Минпросвещения России. – URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/7ae6e3bab70fecc65c6fbf2392835fa9/download/5403/> (дата обращения: 11.01.2023)

15. Симонов, А. К. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А. К. Симонов, А. Р. Ратинов. – Москва, 1997. – 127 с.

16. Федотова, Ю. Е. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы применения статьи 148 УК РФ / Ю. Е. Федотова // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 4 (94). – С. 64–66.

17. Чернышкова, З. Е. Религиоведческая экспертиза: анализ действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих / З. Е. Чернышкова, Е. В. Иванова, О. В. Кузнецова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2 (77). – С. 202–205.

18. Южакова, О. В. Правовые аспекты изучения культуры речи / О. В. Южакова // Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. С. Журавской. – Нижний Тагил, 2016. – С. 116–122.

19. Южакова, О. В. Правовые аспекты речевого этикета / О. В. Южакова, М. В. Емельянова // Право и образование. – 2012. – № 8. – С. 127–132.

6. КУЛЬТУРА, ПРАВО, МОРАЛЬ

6.1. Правовая культура, правосознание и мораль: взаимодействие и взаимовлияние

Понятие «правовая культура» отличается многоплановостью, многоаспектностью, сложным характером и определяется различными авторами по-разному. Чаще всего правовая культура определяется как качественное правовое состояние общества, обусловленное социальным, политическим, экономическим, духовным строем и выражается в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания, степени гарантированности прав и свобод человека.

Правовая культура состоит из взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет определенную функцию. В качестве основных выделяют следующие:

- право, выступающее универсальным регулятором общественных отношений. С помощью общеобязательных, формально определенных правил оно развивает в людях чувство справедливости, гуманности и добра;
- правосознание, которое отражает связь между правовыми, моральными, религиозными и другими ценностями, воспитывает потребность в правомерном поведении;

– законность и правопорядок, выступающие как средство защиты прав и свобод личности от произвола государства и его органов, а также от противоправных деяний других лиц;

– правовое воспитание, служащее средством формирования и изменения правового сознания, правовой культуры, отношения граждан к праву [6, с. 118].

Процесс формирования правовой культуры достаточно сложен, просто обладать некоторым уровнем правовых знаний недостаточно, при взаимодействии с правовыми явлениями это будет лишь поверхностно отражать способность человека выражать свою правовую волю. Здесь также важно иметь определенный уровень нравственного воспитания, чувства совести, морали и долга в глубокой взаимосвязи с правовой действительностью.

Право и мораль существуют неотделимо друг от друга. Прежде всего, их единство проявляется в ценностном измерении. Как справедливо отмечает известный российский правовед Г. В. Мальцев, «базовая нравственная оппозиция "добро-зло" выступает основным нормативно-оценочным критерием как в сфере морали, так и права... Ценностная настроенность последних на добро никогда и ни у кого не вызывала сомнения, хотя понимали и понимают ее часто неодинаково. Из данной первичной установки, оправданной исторически и логически, вытекают вечно актуальные задачи соединения и координации усилий моральных и правовых институтов общества, необходимость их взаимного усиления и всемерной поддержки» [8, с. 107]. Другим ценностным началом, объединяющим право и мораль, выступает справедливость. Еще Аристотель отмечал, что справедливость представляет собой «совершенную добродетель», которая сокращает до минимума дистанцию между моралью и правом.

Трансляция ценностных ориентиров осуществляется посредством процесса воспитания. Правовое воспитание – это стихийное и целенаправленное воздействие факторов внешней среды на правосознание отдельной личности и ее правовое поведение. К таким факторам относится вся окружающая личность действительность, которая усиливает или ослабляет целенаправленные воздействия по правовому воспитанию.

Признаки (черты) правового воспитания:

1) строится на основе системы норм права;

2) предполагает внедрение в правосознание воспитуемых составных элементов упорядоченных общественных отношений – дозволений, обязываний, запретов. Соединяясь в процессе функционирования, права и меры государственного обеспечения, дозволения, обязывания, запреты

становятся первичными способами правового регулирования, создающими условия для осуществления правомерного поведения;

3) опирается на возможность применения принудительной силы государства путем возложения юридической ответственности на правонарушителей;

4) охватывает субъекты права, не только соблюдающие правовые нормы, но и склонные к правонарушениям и нарушившие их;

5) осуществляется с помощью специальных правовоспитательных способов и средств;

6) осуществляется воспитателями, которые, как правило, имеют юридическое образование или специальную юридическую подготовку [4, с. 152].

Единой позиции среди ученых нет: ни по поводу определения понятия правового воспитания, ни по вопросу выделения целей и задач правового воспитания. Адаева О. В. в своей работе указывает, что к основной цели правового воспитания относится совершенствование правовой культуры и правосознания граждан, при этом в числе конкретных целей выделяет правовое информирование, правовое обучение и вовлечение личности в деятельность государства. Основной задачей правового воспитания исследователь предлагает считать «привитие индивиду осознанного стремления к правомерному поведению» [2, с. 78]. Правовое воспитание призвано вести пропаганду; способствовать изучению основных положений Конституции РФ; организовать систему работы по формированию правовой культуры, учитывающей образовательный уровень, общую культуру индивида, данной группы, общества; пропагандировать демократические традиции мировой цивилизации, российского опыта, теоретическое и практическое изучение непосредственной и представительной демократии; разъяснять и формировать толерантность, терпимость к чужому мнению, инакомыслию; использовать средства массовой информации в целях пропаганды достижений правовой культуры с применением свойственных им специфических возможностей.

В качестве целей правового воспитания можно отметить:

- защиту прав, свобод и законных интересов как собственных, так и иных лиц;
- борьбу с проявлениями правового нигилизма;
- превенцию совершения правонарушений;
- повышение правовой культуры и правовой активности населения;
- осуществление полезной для общества и государства деятельности и т.д.

Исходя из целей правового воспитания, можно выделить его задачи. К ним относятся:

- формирование социальной значимости права как ценности;
- обеспечение свободного доступа к праву;
- выработка навыков применения права в процессе жизнедеятельности;
- освоение особенностей правоотношений в обществе;
- развитие чувства личной ответственности за свое поведение [2].

К функциям правового воспитания относятся направления воздействия на сознание, поведение и волю человека, которые порождают необходимость осуществления правового воспитания как организованного процесса.

Среди функций правового воспитания выделяют такие, как:

- регулятивная;
- охранительная;
- познавательная;
- коммуникативная;
- идеологически-воспитательная;
- профилактическая;
- практико-прикладная;
- прогностически-эвристическая.

Таким образом, очевидно, что правовое воспитание – это довольно сложный и целенаправленный процесс, от которого зависит повышение уровня правовой культуры общества в целом. Этот процесс является важным фактором воспитания сознательной правовой личности, способной применять имеющиеся знания о праве в обществе, уметь отстаивать свои законные права и интересы.

Как уже отмечалось, основными направлениями правового воспитания в современном обществе можно считать: формирование правосознания и правовой культуры в семье; обучение основам права и воспитание правовой культуры в школе; профессиональную правовую подготовку в высших учебных заведениях юридического (и родственного) профиля; самовоспитание; распространение правовых знаний средствами массовой информации; выпуск и распространение через розничную торговлю разнообразной юридической литературы; осуществление правовой пропаганды государственными органами и их должностными лицами; создание компьютерных баз данных, распространение правовой информации через Интернет.

Повышение уровня правовой культуры во многом зависит даже не столько от объема полученных правовых знаний, сколько от умения их правильно использовать в повседневной жизни. Значение правового воспитания возрастает в зависимости от его практической (прикладной) со-

ставляющей – от осознания того, насколько приобретенные знания и навыки могут быть полезны и востребованы при решении ежедневных задач.

Уровень правовой культуры оказывает большое влияние на формирование правосознания. Правосознание – это отношение к праву, оно характеризуется совокупностью идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к деяниям и поступкам, совершаемым в правовой сфере. Правосознание – это одобрительная или отрицательная реакция людей на вновь принятые законы, конкретные проекты нормативных актов и т. п. Оно представляет собой систему таких переживаний и идей, в которых выражается отношение людей не только к праву, но и иным явлениям правовой действительности.

Успешное функционирование государства во многом зависит от состояния правосознания членов общества. Без правосознания как всего общества, так и конкретного индивида невозможно говорить о нормальном функционировании действующего права – конкретных законов, указов и т.п. Положительное правосознание общества, уважение закона членами этого общества являются залогом формирования крепкого государства с эффективной политической и правовой системами. На положительном правосознании основывается принцип соблюдения договоров, принятых на себя обязанностей, что позволяет регулировать общественные отношения законами государства, требуя строгого соблюдения правовых норм всеми субъектами права, возлагая ответственность за нарушение законов.

Правовое сознание активно влияет на регулирование всех многообразных жизненных процессов в государстве и обществе, способствует консолидации общества и его социальных групп, укреплению целостности общества и порядка в нем.

Правосознание представляет собой многоаспектное явление, состоящее из нескольких взаимосвязанных элементов: правовой психологии и правовой идеологии, поскольку правосознание стоит воспринимать как симбиоз сфер эмоционального и рационального [7, с. 41–43].

Процесс развития правовой культуры сопровождается ростом правосознания молодых людей, переоценкой ценностей, критическим осмыслением правового опыта предшествующих поколений, новыми представлениями о своем будущем и будущем общества [5, с. 5]. Е. В. Аграновская указывает на необходимость развития правовой культуры личности, при

которой уважение к праву, к закону становится личным убеждением каждого человека [1, с. 28].

Формирование правовой культуры происходит в процессе социализации личности, осуществляясь в определенной социально-демографической группе – в среде молодежи. Длительность становления правосознания определяет и многочисленность факторов, влияющих на это [5, с. 22–23]. Правовая культура формируется и развивается всю жизнь и связана с таким понятием, как правовая социализация личности, под которой подразумевается процесс, обуславливающий формирование ее правовой культуры и являющийся следствием общественного развития, продуктом, синтезирующим наиболее характерные черты среды формирования правовых традиций, социально-правовых установок, ценностных ориентаций общества [9, с. 78].

При формировании правосознания, т.е. стройной системы правовых знаний, взглядов, представлений, потребностей, установок и убеждений, выражающих их отношение к праву, обеспечивающих безупречное личное соблюдение нормативных правовых актов, существенное значение имеет целенаправленная деятельность руководителей, преподавателей, сотрудников воспитательных подразделений, наставников и других субъектов.

Правовая культура есть более совершенная и объемная форма правосознания. Она характеризует уровень правосознания, но в то же время без должного правосознания невозможно формирование правовой культуры. Оба явления отражают духовную жизнь общества, будучи частью духовного сознания общества. В отличие от правовой культуры, которая выражается непосредственно, правосознание невозможно наблюдать, это некая абстракция, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций. Правовая культура и правосознание – элементы правовой системы, представляющие собой социальный феномен, отражающий, порождающий и моделирующий правовую жизнь во всем ее многообразии. Подавляющая часть ученых вполне обоснованно включает правосознание в объем понятия правовой культуры [12, с. 90].

Правовая культура характеризует уровень правосознания в обществе, включает в себя профессиональный и бытовой пласты. В отличие от правосознания, включающего лишь элементы духовной жизни общества, она охватывает как духовные, так и материальные компоненты правовой системы – юридические структуры, отношения по поводу роли права, отношений с гражданами, взаимопроникновение с иными системами культуры.

Согласимся с мнением, что «правовая культура способствует выработке ценностно-нормативной ориентации в области права и законности, регулирует поведение личности. Она оказывает существенное воздействие на все сферы государственно-правовой деятельности» [1, с. 28].

Согласно «Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) [10], одним из факторов, влияющих на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения является качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания.

Правовая информированность влияет на уровень правовой культуры человека, способствует воспитанию уважительного отношения к закону, развивает правовое мышление и воздействует на правовое сознание личности, создавая внутреннюю направленность человека на точное соблюдение закона, его широкое использование как средства развития социальной активности.

Обратимся к опыту правового воспитания, осуществляемого на базе Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Так, следует отметить, что преподавателями кафедр юридического профиля активно ведется работа по формированию правосознания и правовой культуры не только со студентами направления подготовки «Юриспруденция» и специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», но и со студентами других направлений и специальностей, а также с обучающимися общеобразовательных учреждений. Наряду с общим учебным курсом «Правоведение» в вузе ежегодно проводится Неделя права, в рамках которой преподаватели кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» организуют различные мероприятия правовой направленности: конкурсы эссе, стенгазет и постеров на актуальную правовую тематику, информационные встречи студентов с представителями правоохранительных и иных государственных органов, студенческую научно-практическую конференцию, к участию в которой привлекаются как студенты, так и старшекласники. В период пандемийных ограничений мероприятия проводились в онлайн-формате.

Особое внимание уделяется формированию профессиональной правовой культуры юриста. Развитая правовая культура позволяет юристу правильно воспринимать и перерабатывать нормативную правовую информацию, оценивать свои и чужие действия с точки зрения соответствия

действующим законам и подзаконным актам и на их основе определять цели и выбирать законные средства для их достижения.

Еще один проект, реализуемый на базе кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» – «Школа юного юриста» (далее – Школа), который помимо решения задач профориентации школьников, их правового просвещения, оказывает существенное влияние на развитие их правовой культуры и формирование позитивного правосознания. К работе в Школе привлекаются как преподаватели кафедры, так и специалисты-практики, сотрудники правоохранительных органов (судьи, работники прокуратуры, сотрудники полиции, а также юристы различных предприятий). Школа функционирует на протяжении 12 лет, за время ее работы десятки слушателей сделали выбор в пользу профессии юриста, в том числе, став студентами ДВГУПС.

Одним из основных методов правовой воспитательной работы, на наш взгляд, является взаимосвязь теории с практикой. Формирование достойного уровня правосознания и правовой культуры в целом возможно при условии освоения молодыми людьми базовых правовых понятий и последующего правового просвещения с участием практиков, способных на конкретных примерах продемонстрировать, как реально работает та или иная правовая конструкция. Студенты и слушатели активнее вовлекаются в процесс правового воспитания в тех случаях, когда перед ними в процессе обучения ставятся практические задачи, требующие навыков работы с нормативными документами, данными статистики, а также серьезной аналитической деятельности.

Исполнение правовых норм людьми осуществляется сознательно, в силу внутреннего убеждения, что свидетельствует о регулирующей роли правосознания, его контроле над поведением. Правосознание «приводит» поведение в соответствие с целями и волей, выраженными в праве, создаёт основу правопорядка. Деформация правосознания порождает правонарушения, снижает уровень правопорядка.

Наращивание правоохранительных структур и ужесточение наказания не приводят к укреплению правопорядка. Путь к решению этой задачи – в воспитании высокого уровня правовой культуры и формировании правосознания граждан [11].

Надлежащий уровень правовой культуры обеспечивает законопослушное поведение, грамотную реализацию гражданами своих прав и исполнение ими обязанностей, способствует предупреждению правонарушений в обществе, тем самым гарантируя законность и правопорядок, без которых не может существовать цивилизованное общество.

Список литературы

1. Аграновская, Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности / Е. В. Аграновская. – Москва, 1988. – 267 с.
2. Адаева, О. В. Цели и задачи правового воспитания / О. В. Адаева, А. С. Громов // *European research*. – 2016. – № 5 (16). – С. 78–79.
3. Ахметов, А. С. Проблемы формирования правовой культуры современного общества / А. С. Ахметов // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2017. – № 3. – С. 18–22.
4. Биче-оол, А. М. Правовое воспитание в Российской Федерации / А. М. Биче-оол // *Результаты современных научных исследований и разработок*. – Пенза, 2018. – С. 152–156.
5. Джамалова, Э. К. Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Джамалова Э. К. – Махачкала, 2005. – 199 с.
6. Иванов, С. А. Значение правовой культуры в формировании правового государства / С. А. Иванов // *Вестник Российского университета кооперации. Юридические науки*. – 2021. – № 3 (45). – С. 117–120.
7. Ковалёва, А. М. Правосознание: понятие и сущность / А. М. Ковалёва // *Пробелы в Российском законодательстве*. – 2018. – № 1. – С. 41–43.
8. Мальцев, Г. В. Нравственные основания права / Г. В. Мальцев. – Москва : Изд-во СГУ, 2008. – С. 107.
9. Овичев, Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Овичев Р. М. – Ростов-на-Дону, 2006. – 22 с.
10. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : [утв. Президентом РФ 28 апр. 2011 г. № Пр-1168] // *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. – Последнее обновление: 25.05.2022.
11. Репина, О. Н. Правовое сознание и правовая культура / О. Н. Репина // *Journal of Siberian Medical Sciences*. – 2007. – № 6. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-soznanie-i-pravovaya-kultura/viewer> (дата обращения: 30.06.2022).
12. Титаренко, Т. А. Формирование правосознания и правовой культуры юристов / Т. А. Титаренко // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. – 2018. – № 4 (75). – С. 90–94.

6.2. Специфика правовой культуры российского общества

Значение права в жизни общества трудно переоценить, поскольку оно выступает не просто системой нормативных установок, регулирующих общественные отношения, но и важнейшим фактором формирования социального существования в целом. Право является «порождением человеческого общества, оно создано для человека, задач его существования, оно обусловлено его бытием. Но право не может существовать вне его сознания и понимания существа происходящих событий, «пропускания» права через себя» [3, с. 16]. Право, как и всё, что создано человеком в социуме, представляет собой элемент культуры. Справедливо мнение Л. В. Карнаушенко, что «право тесным образом интегрировано в социокультурную систему, вследствие чего важную роль в актуализации норм права играют идеалы, ценности, идеологии, традиции и т.п. Не случайно в обществоведческой литературе право позиционируется как элемент духовной жизни наряду с моралью, религией, наукой, искусством» [4, с. 23].

Состояние правовой культуры государства является показателем степени зрелости его социально-правовой системы, отражает достигнутый уровень прогрессивно-правового развития. Существует несколько научных подходов к трактовке правовой культуры. Один из них – деятельностный подход, согласно которому правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением правовых ценностей. Правовая культура представляет собой один из аспектов общечеловеческой культуры, воплотившейся в праве и юридической практике. Творец, носитель и реализатор правовой культуры – личность. Под правовой культурой личности принято понимать субъективно выработанный индивидом уровень овладения правом в своей деятельности. Особое значение для государства и общества имеет профессиональная правовая культура, в которой сливаются воедино юридический профессионализм и профессиональная этика [2, с. 106–109].

Ряд исследователей утверждают, что наиболее продуктивным является аксиологический подход к сущности правовой культуры. Последний определяет правовую культуру через систему норм и ценностей общества. Именно здесь прослеживается связь правовой культуры и нравственности членов общества. Причина низкой правовой культуры современного общества – низкий уровень нравственной культуры, без повышения которого невозможно добиться состояния правокультурности.

К особенностям русской культуры, оказывающим существенное влияние на специфику современного российского правосознания и правовой

культуры, следует отнести противоречивость и сложность, обусловленные тем, что Россия является точкой пересечения двух потоков мировой истории – Востока и Запада. Русская культура не может считаться чисто европейской или чисто азиатской. Для обозначения этого феномена часто используют термин – евразийская культура [1, с. 44]. Основной особенностью русского общественного сознания и правосознания, в частности, является *этикоцентризм*, то есть подчинение права более высоким, нравственным и религиозным ценностям. Именно поэтому западноевропейский индивидуалистический идеал правового государства никогда не выступал в российском правосознании в качестве общественного идеала. С последним чаще связывались представления о царстве «правды», чем права. Соборный, надындивидуалистический характер этой «правды» также является отличительной чертой правосознания российского общества. Это во многом объясняет отсутствие в русской правовой идеологии культа прав человека, столь характерного для западноевропейской правовой мысли, как и связанного с ним культового отношения к славе (цель самоутверждения) и к богатству [5, с. 478–479].

В сознании россиян изначально существует разграничение понятий «закон» и «мораль». Закон воспринимается большинством российских граждан не как целесообразные принципы общественного устройства, а как аппарат агрессии, как средство ограничения свободы. В своей деятельности они зачастую руководствуются не нормами закона, а моральными установлениями, лежащими в основе права. При возникновении противоречия между нормами права и морали приоритет отдается преимущественно последним. В правосознании россиян нравственное право в целом всегда доминировало над юридическим. В России общепринято было поступать по законам совести, а не по писаным законам.

Чрезмерная ориентация на моральные нормы выступает своеобразным компенсаторным механизмом законопослушания при недостаточно эффективном правовом регулировании.

Отношение к праву в русском правосознании всегда носило двойственный характер. Это отражало сосуществование в России двух правовых систем: системы обычного права, которая складывалась из нормативных обычаев всех общин, существующих в России в конкретно-исторических условиях, и системы позитивного права, которая устанавливалась государством [8]. В представлениях россиян обычай и право традиционно отождествлялись. «Это влекло легитимацию массовым сознанием всех норм, которые исходили от общины. Закон воспринимается как легитимный, только если государство в должной мере осуществляет свои функции

и реализует идеал должного, присущий этой общине; вместе с тем он мыслится как утверждение и защита государством своей версии идеала должного... Идеал должного, реализуемый государством, вступает в противоречие с обычным правом. Государство, пытаясь ликвидировать дуализм правовой системы, не осуществляя при этом в должной мере своих функций, теряет легитимность, что дает возможность для поиска новых версий идеала должного, форм и способов реализации этих идеалов. Эти и другие правовые представления русского народа открывали возможность для проведения социального эксперимента по созданию в будущем справедливого государственного и общественного устройства, который и начал происходить в XX в. в процессе реализации коммунистического идеала в Советском государстве и праве» [9, с. 90].

В различных культурных традициях существуют разные подходы к праву. Особенности восприятия права и отношения к нему занимают наиболее важное место в числе факторов, определяющих неповторимый «культурный колорит» действующего права. При этом сами особенности восприятия права и отношения к нему являются культурно обусловленными. Понимание этого привело современную юридическую науку к необходимости ввести в оборот понятие «правовой менталитет».

Несмотря на отсутствие единого общепризнанного мнения относительно того, что собой представляет правовой менталитет, последний неизменно рассматривается в качестве феномена, имеющего социокультурную природу. Он является наиболее консервативным духовным наполнением правовой культуры общества.

Связь природы правового менталитета с «культурным кодом» соответствующей ему цивилизации устанавливают И. Н. Сенин и Б. К. Хамзина, которые рассматривают правовой менталитет с позиции цивилизационного и функционального подходов к типологии государства и права [6]. При этом процесс развития правового менталитета, согласно концепции цивилизационного подхода, осуществляется в рамках правовых традиции тех цивилизаций, которыми они обусловлены. Исходя из этого, основной отличительной чертой менталитетов разных народов признается их принадлежность к той или иной цивилизации.

Говоря о том, что правовой менталитет по своей природе является социокультурным феноменом, следует особо отметить, что он имеет конкретно исторический и национальный характер, напрямую связан с правовой культурой и с национальной культурой в целом.

Давая краткую характеристику российского правового менталитета как феномена правовой культуры, обозначим его важнейшие признаки:

1) российский правовой менталитет обладает очевидной социокультурной спецификой, что объясняется его формированием под влиянием уникального сочетания географических, политических, этнических, исторических, социально-экономических и интеллектуально-духовных факторов; 2) особенности ценностно-смысловой сущности российского правового менталитета в немалой степени обусловлены характерной для российской правовой культуры тесной связью права с моралью; 3) российский правовой менталитет представлен, прежде всего, такими важными правовыми ценностями как моральность, социальная справедливость, гражданственность; 4) российский менталитет отличается нигилистическим отношением к праву, что обуславливает состояние правового сознания и правовой культуры российского общества. А последние, в свою очередь, определяют правовое поведение россиян.

Современное неопределенно-промежуточное состояние общества и индивидуального правосознания проявляется в правовом поведении индивидов. Традиционная советская правовая парадигма еще сохраняется в мировоззрении миллионов, а либерально-демократическая альтернатива лишь слегка начинает проявляться. Сложившаяся практика функционирования политической системы общественного управления сегодня приводит к тому, что в массовых слоях развиваются негативные социальные реакции эскапизма (уклонения), отчуждения и нигилизма, которые особенно остро проявляются в области правового поведения, порождая неверие в силу закона, возможности правовой защиты, и в крайних своих проявлениях вызывая девиантное или противоправное поведение. На уровне конкретных правоотношений нигилистические настроения принимают весьма опасные и социально разрушительные формы. Ввиду тесных связей, существующих между правовой культурой, правосознанием и правовым поведением, представление о ненужности, бессилии и нравственной бесплодности права превращается в устойчивую установку массового сознания, формирующую на практике соответствующее поведение. Оно характеризуется наличием множественных девиаций, а зачастую и откровенной противоправной направленностью. Более того, обратное влияние правового поведения на правосознание в этом случае выражается в отсутствии правильной социальной оценки противоправного поведения, что проявляется в абсолютном или умеренном одобрении и даже восхищении практикующими его индивидами. Именно правовым нигилизмом, возобладавшим в сознании значительной части населения, объясняется массовый ин-

терес к быту криминальной среды, распространенность блатного жаргона или его элементов на всех уровнях социальной жизни.

Правовой нигилизм расшатывает и без того размытые представления россиян о праве, и последнее приобретает в них облик инструмента достижения определенных политических и личных эгоистических целей власть имущих. Подрыв доверия к праву как средству защиты личности в обществе автоматически приводит к моральному обоснованию и оправданию неправовых и противоправных форм самозащиты: самосуда, кровной мести (в регионах, где существовали такие традиции), криминальных и полукриминальных форм заработка и обогащения.

Согласимся с мнением о том, что не совсем корректно говорить о целенаправленном повышении правовой культуры, поскольку это естественный процесс, который нельзя формировать «кавалерийским натиском»; речь должна идти скорее о мерах по созданию для него необходимых условий. В числе таких мер предлагаются следующие:

- *в сфере общегосударственной стратегии* – нацеленность государственной политики на защиту интересов личности, выработка единой правовой политики, всемерное обеспечение благосостояния граждан, строжайшее соблюдение Конституции и законов всеми государственными органами;

- *сфере правотворчества* – профессионализация законодательной деятельности, предоставление населению права законодательной инициативы, распространение знаний в области юридической техники, широкое публичное освещение законопроектной деятельности, усиление юридической ответственности за нарушение прав и свобод граждан;

- *сфере правоприменения* – развитие судебной системы, обеспечение прямого действия норм Конституции РФ, проведение практических семинаров для работников государственных органов, создание консультативных советов при юридических ведомствах;

- *сфере юридического воспитания* – повышение общей нравственности граждан, популяризация правовых знаний (в том числе через средства массовой информации), использование ролевых игр и практических ситуаций, пробуждение интереса к правовым знаниям и повышение их доступности, применение методов рекламы и «public relations», развитие семейного правового воспитания;

- *сфере юридической науки и юридического образования* – дальнейшее развитие научных исследований в области правовой культуры, преодоление разрыва между наукой и практикой, повышение эффективности выс-

шего юридического образования, расширение спектра юридических дисциплин в неюридических вузах и общеобразовательных учреждениях;

– *в сфере гражданского общества и личной инициативы* – развитие системы общественных организаций, активное отстаивание личностью своих прав, борьба с любыми проявлениями беззакония и произвола.

Представляется, что указанные меры позволят обеспечить высокий уровень правосознания личности и правовой культуры российского общества в целом.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. – Москва : Наука, 1990. – С. 43–271.

2. Ветютнев, В. В. Правовая культура в России на рубеже столетий / В. В. Ветютнев, А. С. Шириков, А. С. Трифонов // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 106–109.

3. Дудченко, Л. В. Особенности проявления российского правового менталитета в правосознании различных социальных групп : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дудченко Л. В. – Орел, 2019. – 261 с.

4. Карнаушенко, Л. В. Право как элемент социокультурной реальности современного общества / Л. В. Карнаушенко // Закон и право. – 2019. – № 10. – С. 22–25.

5. Поляков, А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А.В. Поляков. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004. – 863 с.

6. Сенин, И. Н. Российский правовой менталитет / И. Н. Сенин, Б. К. Хамзина. – Омск : Изд-во ОмЭИ, 2012. – 124 с.

7. Смоленский, М. Б. Правовой менталитет – фактор формирования правовой культуры как основы гражданского общества / М. Б. Смоленский // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2002. – № 1. – С. 73.

8. Туркулец, С. Е. Социально-проективный потенциал права : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Туркулец Светлана Евгеньевна. – Улан-Удэ, 2012.

9. Шаповалов, И. А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания / И. А. Шаповалов // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 84–90.

6.3. Профессиональная культура юриста

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано, что «современный мир переживает период трансформации», в связи с чем «жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности» [8]. В настоящее время в России осуществляются кардинальные государственно-политические и социально-экономические, правовые преобразования. Становление правовой основы современного общества требует пересмотра сложившейся системы ценностей, возрождения нравственно-правовых идеалов российского народа. Сегодня правовая наука может развиваться, лишь опираясь на духовный опыт народа, его высокую правовую культуру.

Возникшие перед нашим государством новые обстоятельства указывают на то, что современное российское общество переживает сложный этап, в том числе правового развития. В условиях переходного периода решается, как правило, целый комплекс взаимосвязанных и подчас противоречивых проблем реформирования существующей правовой системы с тем, чтобы она соответствовала новым экономическим, социальным, общественно-политическим, культурным и другим потребностям. Переход в новое состояние может сопровождаться одновременно ослаблением социальных связей, противоречиями общественного сознания, снижением уровня общественного порядка, ростом преступности и других правонарушений. В этих условиях особое значение приобретают эффективное правовое регулирование складывающейся системы общественных отношений, укрепление законности, повышение уровня правовой культуры.

Под влиянием модернизационных процессов меняется содержание правовой и духовной жизни, существенно возрастают требования, предъявляемые к уровню правовой культуры граждан. В свою очередь, правовая культура общества и личности выступает фактором оптимизации государственно-правовых институтов, важным компонентом содержания политико-правовой и социальной модернизации, условием ее эффективности и результатом развития. Обновление России на принципиально новой основе напрямую связано с уровнем правовой культуры, правового сознания и правовой активности граждан [3, с. 12].

Необходимость формирования правовой культуры членов общества и, в частности, юристов, призванной определять будущее российского государства – одна из первостепенных задач всех политических организаций и

государственно-властных органов. Профессия юриста пользуется у нас в стране популярностью и входит в топ самых востребованных профессий, являясь достаточно почётной.

К любой профессии всегда предъявляются определённые требования, которые нужны для исполнения должностных инструкций и совершенствования своих профессиональных качеств. С учетом этого становится понятным соотношение взаимосвязей и взаимодействия профессиональной культуры юристов и законности в правовой жизни общества. Юрист является не просто специалистом в области права. Он обеспечивает защиту прав и свобод граждан, олицетворяет закон и государство. Правозащитная деятельность основана на положениях нормативно-правовых актов, определяющих в том числе полномочия и обязанности юристов.

Мир права представлен совокупностью ценностей: свободы, равенства, справедливости, гуманизма, безопасности, защищенности, прав человека, правопорядка, ответственности и др. Ценности права обеспечивают целостность правовой системы общества, играя роль связующего звена, системообразующего интегрирующего фактора. Вне ценностей правовая культура существовать не может. Государство, являясь хранителем правовых ценностей, должно не только провозглашать, но и обеспечивать их полную реализацию. Статья 2 Конституции Российской Федерации устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Однако часто в общении с государственными структурами человек не ощущает себя ни личностью, ни ценностью. Уровень юридической культуры государственного аппарата определяется его фактическим отношением к правовым ценностям.

Формирование правовой культуры юристов представляет собой сложный процесс. Именно юристы, как никто другой, должны демонстрировать достойный уровень профессионально-правовой культуры. Их можно считать своеобразным «мерилом» уровня общественного правосознания, ведь если их правовой культуре будут свойственны худшие показатели, то, что говорить о рядовых гражданах. Однако правовая культура не может сформироваться у специалиста-юриста из ниоткуда, она должна прививаться в процессе обучения: как самой системой образования, так и посредством саморазвития.

В юридической деятельности личностные качества юриста играют особую роль, поскольку с правосудием и юстицией общество соизмеряет свои нравственные критерии и идеалы. Уровень правовой культуры конкретной профессиональной группы юристов определяется степенью развитости культуры каждого из его членов. Подлинная правовая культура и

юридическая справедливость гармонически взаимосвязаны. Юрист, работающий в среде межличностного общения, помимо профессиональных знаний, просто обязан обладать высоким уровнем правовой культуры, высокой культурой общения, диалога, основываясь при этом на нравственных принципах и началах.

Понятие «профессиональная культура» не является простым сочетанием понятий «профессионализм» и «культура». Это синтез, создающий новое общественное явление, где происходит встреча высокого мастерства с общей культурой человека. В связи с этим поиски определения понятия профессиональной культуры необходимо начинать с выяснения важнейшего составляющего элемента данного единства, т.е. с того, что мы понимаем и какой смысл вкладываем в понятие «культура».

Это понятие широко используют в различных областях деятельности и познания: в быту, науке, к нему обращаются для характеристики разнообразных сторон и явлений жизни. Диапазон значений культуры очень широк. Ю. М. Лотман справедливо считает, что культура – это сложная семиотическая система, ее функция – память, ее основная черта – накопление; культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией; культура есть форма общения между людьми [7]. Арнольд А. И. определяет культуру как исторически развивающуюся систему созданных человеком материальных и духовных ценностей, социокультурных норм; способ организации поведения и общения, а также обусловленный способ материального производства, процесс развития сущностных сил человека, его самореализации; процесс его творческой деятельности, социально значимой по своей сущности и направленной на освоение и изменение мира, в котором живет человек [2]. Мы определяем культуру через уровень развития общества, выраженный в типах организации жизни и деятельности людей, а также создаваемых ими материальных и духовных ценностей.

Профессионализм – это особое свойство людей систематически, эффективно и надёжно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях. Как отмечает С. А. Дружилов, в понятии «профессионализм» отражается такая степень овладения человеком психологической структурой профессиональной деятельности, которая соответствует существующим в обществе стандартам и объективным требованиям. Профессионализм человека – это не только достижение им высоких производственных показателей, но и особенности его профессиональной мотивации, система его устремлений, ценностных ориентаций, смысла труда

для самого человека [5, с. 157]. Профессионализм видится нам в качестве интегральной характеристики человека-профессионала как личности и субъекта деятельности. Понятие «профессиональная культура» часто употребляется вне связи с культурой в целом. Одни ученые обращаются к нему при рассмотрении социализации личности, не касаясь его сущности, другие, не определяя явления, тем не менее, различают общую и профессиональную культуру. Согласно А. И. Кравченко, «Профессиональная культура – это культура, которая содержит в себе совокупность специальных теоретических знаний и практических умений, связанных с конкретным видом труда. Степень владения профессиональной культурой выражается в квалификации и квалификационном разряде. При этом различают формальную и реальную квалификацию: первая предполагает необходимые для данной профессии теоретические знания, а вторая – практические навыки и умения, профессиональный опыт, приобретаемый после нескольких лет работы в данной области» [6].

Профессиональную деятельность юриста характеризуют следующие категории: профессионализм, профессиональная ориентация, профессиональное самоутверждение, профессиональное мастерство, талант, социальные чувства, продуктивная деятельность и др. Так, профессиональное самоутверждение юриста неотделимо от культурного и нравственного состояния общества. Профессиональное мастерство юриста определяется, прежде всего, высоким уровнем теоретической подготовленности, продуктивной деятельностью, талантом, высокими моральными качествами, развитыми социальными чувствами. Ведущую роль играют талант и социальные чувства. Под талантом понимают высокий уровень способностей юриста, склонность к юридической деятельности, умение чувствовать новое, что проявляется в результатах служебной деятельности. Талант, как известно, врожденное качество. Понятно, что талантливым юристом может быть не каждый. Однако творческие интеллектуальные способности должны развивать все. Социальные чувства юриста находят проявление в профессиональных эмоциональных переживаниях, которые имеют четко выраженный правовой и моральный характер – это устойчивость, уравновешенность, сдержанность в выражении эмоций. Одним из критериев профессионализма юриста является выработка собственного почерка юридической деятельности: постоянная потребность продуктивно работать, совершенствоваться, а также формирование необходимых навыков и привычек. Исходя из этого, под профессионализмом юриста понимают степень знания права, юридической практики, навыки применения право-

вых норм, искусство общения, что находит проявление в повседневной деятельности.

Профессиональная культура юриста формируется поэтапно. Прежде всего, на этапе осознания юристом своего назначения, когда происходит определенная адаптация, ознакомление со служебными и функциональными обязанностями и спецификой работы юридического учреждения. Это фактически первые служебные действия под контролем наставника. Этап формирования юриста как профессионала характеризуется полной самостоятельностью в служебной деятельности, приобретением отдельных навыков, выработкой собственного стиля и культуры труда и др. Важной составляющей профессиональной культуры юриста является его профессиональная этика.

Данный термин, как правило, употребляется для обозначения своеобразного нравственного кодекса людей, объединенных определенной профессией. Примером может служить «клятва Гиппократа», «Кодекс судейской этики», «Кодекс профессиональной этики нотариуса» и т.д.

Юридическую этику можно считать специфической формой проявления морали в целом. В данном случае речь идёт о совокупности конкретизированных общих нравственных принципов, норм применительно к правоохранительной и правоприменительной деятельности юриста. Они и составляют основное содержание этого вида этики.

Проблемы нравственно-этического характера существуют в каждой профессии, но среди всех можно выделить группу таких, в которых они возникают особенно часто, сюда можно отнести и представителей практической юриспруденции. Это обусловливается тем, что за помощью к юристам обращаются люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства. Оказание им помощи требует от специалистов проявления участия, заинтересованности, вежливости и принятия решений, основанных на нормах права.

Сферы, непосредственно связанные с воспитанием и удовлетворением потребностей личности (юриспруденция, медицина, журналистика, педагогика и т.д.), в первую очередь нуждаются в повышении моральных и профессиональных требований. Юридическая этика обусловливается спецификой профессиональной деятельности и особенностями её нравственного и социального положения.

Представителями практической юриспруденции выступают следующие юридические профессии: следователь, адвокат, судья, прокурор, юрисконсульт, арбитражный управляющий, нотариус, судебные приставы,

сотрудники органов внутренних дел, сотрудники Министерства юстиции, научные работники – правоведы, преподаватели правовых дисциплин и т.д.

Одновременно с общими моральными нормами для любой профессиональной деятельности юридическая этика формулирует специальные требования и нормы, необходимость в которых возникает из-за своеобразия профессии юриста. Для таких представителей юриспруденции, как следователи, адвокаты, судьи, прокуроры уже существуют различные своды правил и морально-этических норм, но для ряда юридических специальностей научная разработка их нравственных принципов находится лишь на начальной стадии, поэтому пока они складываются стихийно и соблюдаются на основании единых для всех нравственных норм.

Для профессиональной этики юриста характерна особо тесная связь правовых и моральных норм, регулирующих его профессиональную деятельность. И все же, пожалуй, нет другой отрасли, которая так детально была бы прописана в законе, как процессуальная деятельность следователя, прокурора и судьи. Это связано с тем, что все принятые ими решения и совершенные действия должны строго соответствовать закону и по форме и по существу, что, несомненно, накладывает отпечаток на ее нравственное содержание.

Строгович М. С. отмечал, что несправедливость не может быть законной, соответственно законным может быть только справедливое решение, а это значит, что любое решение, принимаемое государственными органами, должно быть законно и справедливо [12].

Согласно этой мысли, получается, что при законности и правильности его понимания каждое действие следователя, прокурора, судьи будет соответствовать нравственным нормам, на которых основывается и сам закон. Любые отступления, нарушения или обход закона являются безнравственными и идут в разрез с основами юридической этики.

Напрашивается вывод, что профессиональная этика юриста основывается на взаимосвязи нравственных и правовых принципов, правового и нравственного сознания.

Как отмечалось ранее, юридическая этика является составной частью методологической основы формирования профессиональной культуры юриста – как его свойства, наравне с философией и культурой права, юридической деонтологией и юридической психологией. Следует отметить, что профессиональная культура юриста как качество определяется его особым правовым статусом. Наличие юридических специализаций порождает специфику профессиональных свойств.

Для профессиональной культуры правовой статус является основой, он влияет на профессиональную дисциплину, поведение юриста, служебные отношения, организацию труда и др. Основы профессиональной культуры юриста закладываются во время получения юридического образования, другие составляющие профессиональной культуры приобретаются в процессе деятельности, когда происходит дальнейшее осознание своего предназначения, углубление знания специфики юридической деятельности. Поскольку профессиональная культура объединяет все виды культуры личности юриста (является комплексом её различных видов), то все принципы и функции этих видов определяют профессиональную культуру. Но при этом существуют определенные особенности, поскольку стержнем является именно правовая культура. Так, собственные принципы профессиональной культуры юриста имеют общий и специальный характер. К общим принципам профессиональной культуры юриста следует отнести: защиту прав юриста; равенство всех юристов перед Законом, подчинение всех ведомственных актов Закону; единство прав и обязанностей юриста и т.д. Однако для реализации этих принципов необходимы как минимум два условия: высокие моральные качества юриста и доверие граждан к его служебным действиям. Независимо от должности юрист обязан придерживаться правовых норм и нести ответственность за их нарушение. Принцип единства прав и обязанностей гарантирует действенность правовых норм, обеспечивает исполнительскую дисциплину юристов. Акцент только на права или обязанности плохо влияет на юридическую деятельность. Конечно, при наличии прав – обязательное, а при наличии обязанностей – неукоснительное их выполнение. Следовательно, использование прав и выполнение обязанностей являются основными принципами необходимого и достаточного условия профессиональной культуры юриста. В праве каждого демократического общества принцип презумпции невиновности лица занимает особое место. На юристов, как на отдельную часть общества, также распространяется этот общеправовой принцип. Речь идет о недопущении поспешности в освобождении юристов от работы в случае возбуждения против них уголовного дела. Ведь виновность определяется только судом.

К специальным принципам профессиональной культуры юриста относятся: разрешено то, что не запрещено законом; умение пользоваться властными полномочиями; самосознание юриста; оптимальность и эффективность юридической деятельности – дифференцированный подход в правоохранительной работе. Принцип «разрешено то, что не запрещено законом» может использоваться только служебными лицами, в том числе

юристами. Здесь нет места альтернативе, плюрализму. Принцип рассчитан на возможные пробелы в законе, появление новых прецедентов и др. Он имеет целью обеспечить правомерное поведение юриста, предостеречь его от нарушения законности. Профессиональная мораль в этом случае помогает юристу правильно реализовать этот принцип. Однако юрист должен быть уверен, что при исполнении служебных обязанностей его действия даже после негативной реакции населения будут оценены адекватно, не будут ставиться под сомнение, подлежать ревизии со стороны других чинов и инстанций и ему не будет грозить наказание. Умение пользоваться властными полномочиями свойственно юристам, поскольку они обладают значительной властью. Реализация этого принципа на практике основывается на высоких моральных качествах представителя государственной власти.

Для профессиональной культуры юриста чрезвычайно важен принцип законности. Этот принцип дает возможность осуществлять правовые формы деятельности государства, функционировать в обществе в соответствии с нормами прав и обязанностей человека.

Также существует зависимость между профессиональной культурой и служебной дисциплиной, которые служат средством укрепления законности в деятельности юристов. Пренебрежение профессиональной культурой приводит к моральному обнищанию, что в свою очередь негативно сказывается на профессиональных качествах юриста. Сформированный и поддерживаемый положительный стереотип поведения юриста имеет социальную ценность и заключается в сознательном соблюдении юристом моральных и правовых требований, что в итоге формирует у него определенный образец поведения, профессиональную привычку. Высокий уровень усвоения юристом общечеловеческих ценностей побуждает его к правомерным действиям во время выполнения служебных обязанностей. Юристы с низкой общей культурой проявляют недопустимый тон, бестактные разговоры с правонарушителями, недоверие, подозрение в отношении гражданина, подвергают сомнению каждое высказывание и т.д. Действия профессионала, который стремится получить соответствующую информацию, должны иметь другой характер и определяться обстоятельствами, ситуацией.

Итак, профессиональная культура юриста призвана определять границы распространения моральных норм на служебную деятельность, утверждать общечеловеческие ценности, национальные традиции и обычаи, теоретически обосновывать их необходимость, сущность и специфику проявления на практике, отображать нормы служебного поведения работ-

ников, подвергать ее критически-ценностному анализу, способствовать рациональному выбору тех или иных правил взаимоотношений и принципов профессиональной морали. Профессиональная культура юриста как вид культуры личности впитывает в себя внутренние и внешние профессиональные аспекты практически всех видов культур. Профессиональное мастерство юриста определяет его умение применять в процессе реализации правовых норм результаты существующих видов культур (субкультур), осуществлять правовое воспитание граждан. Кроме этого, юрист как профессионал должен максимально использовать в своей деятельности духовные, моральные и этические достижения человечества. Профессиональная культура юриста, хотя и объединяет другие виды культуры (субкультуры) личности юриста, однако сама является субкультурой относительно профессиональной культуры вообще – это лишь один вид культуры всех возможных профессий.

Список литературы

1. Абызов, Р. М. Правовая культура и правовое сознание как признаки правового государства / Р. М. Абызов, Е. Р. Абызова // Философия права. – 2012. – № 4 (53). – С. 84–87.
2. Арнольдов, А. И. Культура: человек и картина мира / А. И. Арнольдов. – Москва : Наука, 1987. – 347 с.
3. Балаклеец, И. И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Балаклеец И. И. – Казань, 2012. – 252 с.
4. Доровских, Е. М. Культура как фактор национальной безопасности: правовые аспекты / Е. М. Доровских // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 14–22.
5. Дружилов, С. А. Психология профессионализма субъекта труда : интегративный подход / С. А. Дружилов // Ежегодник Российского психологического общества : материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. В 8 т. Т. 3. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 157.
6. Кравченко, А. И. Культурология : учебное пособие для вузов / А. И. Кравченко. – Москва : Акад. проект, 2021. – 324 с.
7. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 1994. – 412 с.

8. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ : [2 июля 2021 г. № 400] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Последнее обновление : 30.11.2022.

9. Певцова, Е. А. Актуальные проблемы формирования правовой культуры юристов : учебное пособие / Е. А. Певцова. – Москва : Международный юридический институт, 2010. – 272 с.

10. Славова, Н. А. Дескрипторы юридической деонтологии в формировании профессионально-правовой культуры будущих юристов / Н. А. Славова, В. А. Чвякин // Полицейская и следственная деятельность. – 2020. – № 2. – С. 41–50.

11. Сливка, С. С. Юридическая деонтология / С. С. Сливка // Понятие «профессиональная культура юриста» : учебное пособие. – 2018. – URL : banauka.ru (дата обращения: 18.05.2022).

12. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 468 с.

13. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.

6.4. Уголовно-правовые основы защиты культурного и исторического наследия народов России в аспекте борьбы с незаконным перемещением культурных ценностей через таможенную и государственную границу Российской Федерации

Укрепление любого государства, его социально-экономическое развитие невозможно без бережного сохранения и приумножения культурного достояния всех народов. Известный отечественный философ А. Ф. Лосев отмечал, что «культура есть предельная общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, идеологических, практически-технических, ремесленных, научных, художественных, моральных, религиозных, философских, народно-национальных, бытовых)» [4, с. 27–30].

В последние годы особую остроту приобрела проблема защиты движимого исторического и культурного наследия народов России и зарубежных стран от преступных посягательств – хищений, незаконной перепродажи, контрабандного вывоза за границу. Решение проблем сохранения культурного наследия непосредственно связано с дальнейшей судьбой человека, ибо культурные ценности являются одним из основных элементов цивилизации и культуры народов. Не случайно в конце прошлого века

была принята Конвенция ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» [3].

Культурные ценности являются невосполнимой частью наследия любого народа. Через осознание достижений предшествующих поколений формируется национальное самосознание, национальный менталитет, а также ответственность перед будущими поколениями за состояние культуры. Именно эти факторы, а также возросшая в последнее время «утечка» предметов культурного наследия за рубеж составляют актуальность вопросов сохранения культурного достояния России.

Так, значительная активизация внешнеэкономической деятельности в последнее десятилетие сказалась и на увеличении количества попыток контрабандного вывоза предметов, являющихся культурными ценностями. К таким предметам, в первую очередь, относятся археологические, палеонтологические и этнографические раритеты (от латинского *raritas* редкость), отличающиеся уникальностью происхождения, содержания и распространения и представляющие для государства культурную, историческую, научную и художественную ценность одновременно, а также предметы религиозного назначения и антиквариат. Поэтому не случайно одной из важнейших функций государственных органов Российской Федерации является пресечение незаконного оборота через таможенную границу РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран.

Ответственность за данные преступления предусмотрена двумя уголовными статьями: статьёй 190 УК РФ «Невозвращение на территорию РФ культурных ценностей» и статьёй 226.1 УК РФ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов» [13].

Рассмотрим отдельные специфические черты уголовно-правовых характеристик, вышеупомянутых деяний, уделив особое внимание характеристике предмета указанных преступлений, который в общих чертах схож для них. Так, ст. 190 УК РФ предусматривает уголовную ответственность

за невозвращение на территорию РФ культурных ценностей, когда такое возвращение было установлено в обязательном порядке законом, и они были ранее вывезены с территории РФ в режиме временного вывоза, что подтверждается необходимыми разрешительными документами. Данным преступлением причиняется вред как общественным отношениям, обеспечивающим соблюдение установленного порядка временного вывоза за пределы РФ культурных ценностей, так и непосредственно духовной безопасности общества и его национальному культурному наследию, что подтверждается спецификой самого предмета преступления.

Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» понимает под временным вывозом культурных ценностей перемещение культурных ценностей из Российской Федерации в иностранные государства, не являющиеся государствами-членами Евразийского экономического союза, с обязательством их обратного ввоза в установленный срок; а под временным ввозом культурных ценностей – перемещение культурных ценностей в Российскую Федерацию из иностранных государств, не являющихся государствами-членами Евразийского экономического союза, с обязательством их обратного вывоза [9].

К культурным ценностям, подлежащим обязательному возвращению в РФ, относятся:

- 1) культурные ценности, имеющие особое значение, за исключением случаев вывоза таких культурных ценностей физическим лицом – их автором;
- 2) культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, иных государственных и муниципальных организациях Российской Федерации, осуществляющих постоянное хранение культурных ценностей;
- 3) культурные ценности, включенные в состав Архивного фонда Российской Федерации, Музейного фонда Российской Федерации, в национальный библиотечный фонд, в том числе находящиеся в частной собственности;
- 4) археологические предметы [9].

К сожалению, единых критериев для определения предмета преступления как для ст. 190 УК РФ, так и для ст. 226.1 УК РФ не существует, эти нормы бланкетные и они отсылают правоприменителя как к российскому законодательству, так и к международным актам, среди которых стоит выделить Конвенцию «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» от 14 ноября 1970 г., подписанную в Париже [9].

В Конвенции 1970 г. в качестве критерия отнесения к категории охраняемых предметов называется значение ценности. Однако здесь перечис-

ляются различные категории культурных ценностей через такие понятия, как редкость предмета, его давность и оригинальность. Давность в Конвенции определена: более чем 100 лет. Однако, критерии редкости в ней не содержатся. Но, несмотря на эти недостатки, необходимо отметить основополагающую роль Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры, а также Конвенции «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» [3], принятой в закреплении принципов справедливого международного обмена культурными ценностями, сохранение культурного достояния каждого народа. Конвенция стала первым документом, определяющим границы международной и национальной охраны движимых культурных ценностей в условиях мира.

В последующих международно-правовых актах, в частности, в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия [2], принятой на 17-й сессии ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г., в качестве основного критерия отнесения тех или иных объектов к охраняемым категориям названа «выдающаяся универсальная ценность». Содержащееся в преамбуле Конвенции указание на то, что речь идет о сохранении уникальных и незаменимых ценностей независимо от того, какому народу они принадлежат, может способствовать толкованию данного критерия. Этот критерий, однако, может быть применим лишь для целей охраны культурных ценностей, имеющих мировое значение.

Следует отметить, что в последние годы международные акты приобретают особую актуальность в сфере правового регулирования рассматриваемых отношений. Учитывая, что, в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, ратифицированные Россией, являются составной частью ее правовой системы, принимая во внимание, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Соответственно внутригосударственное законодательство РФ об охране культурных ценностей необходимо рассматривать в контексте международной нормативной системы, так называемой концепции всемирного культурного наследия (достояния), нормативно закреплённой в современном международном праве.

Относительно обширное трактование определению «культурные ценности» можно обнаружить в различных актах законодательства РФ. Сюда можно отнести Законы РФ, Указы Президента России, Постановления Правительства России, а также различные ведомственные акты. Однако,

несмотря на обширный перечень специальных Федеральных законов РФ и подзаконных нормативных актов, единое понятие рассматриваемых предметов они так же, как и международные акты, не содержат.

В процессе подготовки Основ законодательства РФ о культуре предлагались различные проекты. Инициативный авторский проект, предложенный группой ученых из Института философии и права Уральского отделения АН СССР (В. М. Голубицкий, С. В. Кодан, Э. Н. Ренов, Н. А. Шайкенов) [11, с. 7], содержал следующее определение культурных ценностей: «Культурными ценностями являются объекты (независимо от форм собственности), имеющие художественное, историческое, археологическое и этнографическое значение».

Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-І «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (в редакции от 2021 г.) [10], являясь правовой базой сохранения и развития культуры в России, определяет культурные ценности как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремёсла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Исходя из данного определения, при расследовании дел о контрабанде культурных ценностей, можно заключить, что в силу бланкетного характера ч. 1 ст. 226.1 УК РФ контрабандой является не только незаконное перемещение предметов художественных промыслов и ремесел, произведений культуры и искусства, но и таких объектов, как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость зданий, сооружений. Нетрудно заметить, что при установлении культурной ценности контрабандно-перемещаемых предметов нельзя применять данное определение в силу его весьма обширного характера.

Нормативными актами, действовавшими до 1993 г. и регулируемыми вопросы безопасности в области сохранения культурного наследия, являлись Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15.12.1978 г. и принятое на его основе Постановление Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению незаконного вывоза культурных ценностей за пределы СССР» (1979). В соответствии с указан-

ными нормативно-правовыми актами, был принят Перечень запрещенных к вывозу предметов, который был утвержден Правительством СССР, и инструкция Министерства Культуры СССР, утвержденная приказом Министерства Культуры СССР от 23.03.1987 г., устанавливавшая порядок контроля за вывозом культурных ценностей.

В настоящее время основополагающим нормативным актом, регулирующим правоотношения в сфере перемещения культурных ценностей через таможенную границу РФ, является Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в ред. от 08.12.2020 г.) [9] (далее – Закон). Ст. 5 Закона определяет культурные ценности как движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение. С 30 марта 2018 г. Закон установил разрешительный порядок вывоза культурных ценностей.

Вывоз культурных ценностей, в отношении которых правом Евразийского экономического союза установлен разрешительный порядок вывоза, осуществляется физическими лицами для личного пользования на основании заключения (разрешительного документа) на вывоз культурных ценностей, а физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, и юридическими лицами – на основании лицензии на вывоз культурных ценностей. (Решение ЕЭК от 16.03.2021 г. № 30, Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Письмо Министерства культуры Российской Федерации от 11 января 2016 г. № 1-01-39-ВА «Методические рекомендации по оформлению документации на вывоз, временный вывоз культурных ценностей из Российской Федерации»).

Временный вывоз культурных ценностей осуществляется на основании заключения (разрешительного документа) на временный вывоз культурных ценностей. Заключение (разрешительный документ) на временный вывоз культурных ценностей выдается уполномоченным органом Министерства культуры по результатам рассмотрения заявления физического или юридического лица о выдаче заключения (разрешительного документа) на временный вывоз культурных ценностей и документов.

Форма и порядок выдачи (разрешительного документа) на вывоз культурных ценностей установлена Решением Коллегии ЕЭК от 16.05.2012 г. № 45 «О единой форме заключения (разрешительного документа) на ввоз, вывоз и транзит отдельных товаров, включенных в Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами-членами Таможенного союза в рамках Евразийского

экономического сообщества в торговле с третьими странами и методических указаниях по его заполнению». Форма и порядок выдачи лицензии на вывоз культурных ценностей (за исключением случаев вывоза культурных ценностей, помещенных под таможенные процедуры реэкспорта и таможенного транзита) установлен Решением Коллегии ЕЭК от 06.11.2014 г. № 199 «Об Инструкции об оформлении заявления на выдачу лицензии на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров и об оформлении такой лицензии и Инструкции об оформлении разрешения на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров».

Заключение (разрешительный документ) на вывоз культурных ценностей и лицензия на вывоз культурных ценностей выдаются в каждом случае вывоза культурных ценностей.

Культурные ценности, в отношении которых правом Евразийского экономического союза не установлен разрешительный порядок вывоза, могут быть вывезены и временно вывезены без оформления заключения (разрешительного документа) на вывоз культурных ценностей или лицензии на вывоз культурных ценностей. В отношении указанных культурных ценностей по желанию заявителя может быть проведена экспертиза культурных ценностей, по результатам которой оформляется экспертное заключение, форма которого утверждена Приказом Министерства культуры РФ от 1 марта 2018 г. № 205 «Об утверждении формы экспертного заключения, составленного экспертом по культурным ценностям по результатам проведения экспертизы культурных ценностей». Уполномоченный орган по желанию заявителя выдает уведомление, подтверждающее, что в отношении культурных ценностей правом Евразийского экономического союза не установлен разрешительный порядок вывоза. Форма уведомления утверждена Приказом Министерства культуры РФ от 15 июня 2018 г. № 925 «Об утверждении формы уведомления о культурных ценностях, в отношении которых не установлен разрешительный порядок вывоза».

Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-І «О вывозе и ввозе культурных ценностей» дает определение двум категориям культурных ценностей:

1) культурные ценности – движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение;

2) культурные ценности, имеющие особое значение, культурные ценности, отнесенные в соответствии с критериями, установленными Правительством Российской Федерации, к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение.

Постановлением Правительства РФ от 14.09.2020 г. № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» установлены две группы критериев. Несомненно, в критериях отнесения движимых предметов к культурным ценностям учтен перечень культурных ценностей, документов национальных архивных фондов, оригиналов архивных документов, согласно Приложению 2.20 Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования», которым установлен разрешительный порядок вывоза с таможенной территории Евразийского экономического союза.

Многие исследователи – юристы, культурологи, социологи – в течение длительного времени предпринимали попытки дать определение понятию «культурные ценности». Наиболее удачный и полный подход к определению этого понятия, нам представляется, дал Н. Н. Шарапов, который под культурными ценностями понимает уникальные материальные объекты, охраняемые государством и обладающие значимостью для общества, его истории, культуры, науки. Они, по его мнению, характеризуются следующими признаками:

- уникальностью, свидетельствующей о неповторимости, редкости, оригинальности и эксклюзивности вещи;
- значимостью для общества, выраженной в важности предмета для истории, науки, религии, археологии и т.д.;
- материальностью, обусловленной фиксацией объекта в какой-либо форме;
- коммерческой ценностью, предполагающей денежную оценку произведений искусства;
- охраной государством, предопределенной задачей сохранения ценностей национальной культуры [14].

Однако, учитывая многообразие видов культурных ценностей, наиболее целесообразно их классифицировать по определенным признакам.

1. Видовые отличия: исторические, художественные, научные ценности, а также археологические, палеонтологические, этнографические природные объекты.

2. Характер: религиозные, светские.

3. Типологические признаки:

- памятники архитектуры;
- предметы изобразительного искусства;
- печатные и рукописные издания;
- объекты коллекционирования нумизматики, бонистики, фалеристики, филателии;
- образцы исторической военной техники;
- образцы по биологии (орнитологии, арахнологии, энтомологии, конхиологии, герпетологии и т. п.), ботанике, минералогии;
- редкие музыкальные инструменты (клавишные, струнные, духовые, ударные, полифонические);
- фоно-, кино-, видеоархивы.

4. Фактор старины: антикварные предметы, археологические и палеонтологические образцы; современные предметы искусства.

5. Принадлежность к формам собственности: государственные, муниципальные, частные.

6. Страна происхождения: ценности российского происхождения, ценности иных государств и народностей, не проживающих на территории РФ.

7. Применительно к особенностям перемещения через таможенную границу: культурные ценности, в отношении которых правом Евразийского экономического союза установлен разрешительный порядок вывоза и культурные ценности, в отношении которых правом Евразийского экономического союза не установлен разрешительный порядок вывоза.

8. Места хранения, в качестве которых, как правило, выступают учреждения науки и культуры, а также частные коллекции.

Критерии отнесения того или иного объекта к культурным ценностям должны отвечать на такие вопросы, как:

- чем определяется культурная ценность того или иного объекта;
- какие признаки отражают сущность культурных ценностей;
- какие признаки носят вспомогательный характер;
- каково соотношение культурных ценностей с иными объектами правовой охраны и др.

Таким образом, нам представляется возможным сформулировать понятие культурных ценностей: «это ценности особого вида, имеющие (независимо от формы собственности) художественное, историческое, археологическое, этнографическое, научное или иное культурное значение для общества» [5, с. 142–143]. При этом важно отметить наличие у данных предметов мемориальных и временных (древностных) свойств.

В соответствии с предложенным определением наиболее важными признаками, отличающими культурные ценности от других предметов, являются:

- историческое значение, т. е. связанное с конкретной эпохой и знаменательными событиями;
- художественное, отвечающее критериям высокого искусства, связанное с формированием эстетического вкуса;
- археологическая значимость, состоящая в принадлежности конкретных предметов к культуре древних народов;
- этнографическая значимость, отражающая уникальную связь предмета с духовной и материальной жизнью какого-либо народа.

«Эти качественные признаки могут существовать отдельно или сочетаться во всевозможных вариантах в одном предмете ввиду многообразия и взаимопроникновения различных сфер культурной жизни общества» [1, с. 71–81].

Особая роль мемориальности как значимого признака культурной ценности предмета состоит в неразрывной связи его с каким-либо субъектом или событием, увековеченными в той или иной форме и бережно сохраняемым. В Приказе Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» [6] дается определение мемориальным предметам.

Временной (древностный) признак позволяет не просто отождествить предмет с той или иной эпохой, но и указывает на его возраст.

Одновременное наличие признаков мемориальности и признаков отнесения к тому или иному временному периоду в тех или иных предметах является важным элементом характеристики и означает, что независимо от времени и места происхождения культурные ценности всегда будут являться связующим звеном между различными поколениями, всегда будут носить конкретно-исторический характер и способствовать развитию культуры в обществе.

Таким образом, проводя процессуальные действия в процессе доказывания по уголовным делам о контрабанде культурных ценностей должностному лицу при определении признака культурной ценности, необходимо учитывать названные сущностные и вспомогательные признаки.

Следует отметить, что в доказывании виновности лиц, причастных к контрабанде по рассматриваемой категории дел, решающая роль в отнесении того или иного предмета к культурным ценностям отводится экспертизе культурных ценностей. Порядок осуществления экспертизы культур-

ных ценностей установлен Постановлением Правительства РФ от 14.09.2020 г. № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» [8].

Экспертизе культурных ценностей отводится особая роль при выявлении и пресечении контрабанды культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ) и выявлении и пресечении невозврата культурных ценностей, вывезенных с территории РФ на законных основаниях (ст. 190 УК РФ).

Предельный срок временного вывоза культурных ценностей с учетом продления срока временного вывоза культурных ценностей составляет пять лет.

От независимой экспертизы и итогового заключения зависит, будет ли установлено, что контрабандно перемещались именно культурные ценности. И даже если данные предметы будут отнесены к культурным ценностям, необходимо учитывать наличие критериев отнесения их к той или иной категории, и крайне важно учитывать стоимость культурных ценностей. Тогда степень вреда будет совершенно иной и, следовательно, отмечается иная степень общественной опасности, вследствие чего возможно прекращение уголовного дела и возбуждение административного. В повседневной практике таможенных органов бывает и так, что после экспертизы прекращается административное дело и возбуждается уголовное. Поэтому при наличии у предмета преступного посягательства признаков, характеризующих его как предмет, подпадающий под запреты и ограничения, следователю, дознавателю необходимо рассмотреть вопрос о проведении искусствоведческой экспертизы.

Экспертизу культурных ценностей, заявленных к вывозу, временному вывозу, а также возвращенных после временного вывоза культурных ценностей осуществляют эксперты по культурным ценностям, аттестованные Министерством культуры Российской Федерации в порядке, установленном правилами аттестации экспертов по культурным ценностям, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 198 «Об утверждении Правил аттестации экспертов по культурным ценностям» [7], в соответствии с их специализацией. Экспертиза проводится в отношении:

- заявленных в качестве культурных ценностей движимых предметов, в отношении которых правом Евразийского экономического союза установлен разрешительный порядок вывоза;

- культурных ценностей, не подлежащих вывозу без обязательства их обратного ввоза, возвращенных в Российскую Федерацию после временного вывоза, за исключением музыкальных инструментов или смычков, временно вывозимых физическими или юридическими лицами и включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, при наличии охранной маркировки, предусмотренной ст. 5 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», а также культурных ценностей, временно вывозимых и возвращенных после временного вывоза государственными и муниципальными музеями, архивами, библиотеками, иными государственными и муниципальными хранилищами культурных ценностей, при условии наличия в этих организациях уполномоченного коллегиального органа, который имеет право принимать решение о состоянии сохранности и об установлении страховой стоимости временно вывозимых культурных ценностей, а также о подлинности и состоянии сохранности культурных ценностей, возвращенных после временного вывоза;

- культурных ценностей, ввозимых в Российскую Федерацию;
- культурных ценностей, в отношении которых правом Евразийского экономического союза не установлен разрешительный порядок вывоза;
- культурных ценностей, незаконно ввезенных и незаконно вывезенных и задержанных, в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее – задержанные культурные ценности).

В соответствии с законом РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» экспертиза культурных ценностей проводится в следующих целях:

- 1) отнесение (неотнесение) исследуемых движимых предметов к культурным ценностям;
- 2) отнесение (неотнесение) исследуемых культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое значение;
- 3) определение подлинности и состояния сохранности культурных ценностей, возвращенных в Российскую Федерацию после временного вывоза;
- 4) отнесение (неотнесение) исследуемых движимых предметов к культурным ценностям, в отношении которых правом Евразийского экономического союза установлен разрешительный порядок вывоза.

Итогом проведенных исследований является заключение, которое эксперт дает в письменной форме от своего имени. В заключении должны быть указаны время и место проведения исследования, кем и на каком основании проводились исследования, вопросы, поставленные перед экс-

пертом, объекты исследований, материалы и документы, предоставленные эксперту, содержание и результаты исследований с указанием примененных методов, оценка результатов исследований, выводы по поставленным вопросам и их обоснование. Материалы и документы, иллюстрирующие заключение эксперта или нескольких экспертов в отношении предоставленных для проведения экспертизы культурных ценностей, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Если эксперт при проведении экспертизы культурных ценностей устанавливает имеющиеся существенные для дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение. Если экспертиза проводилась при участии нескольких экспертов, заключение подписывается всеми экспертами. При разногласии между экспертами каждый из них делает свои выводы отдельно.

По результатам экспертиз таможенные органы, рассмотрев заключения экспертов, принимают решение. Вопрос о принадлежности товаров или иных предметов, незаконно перемещенных через таможенную границу ЕАЭС, к категории культурных ценностей должен решаться с учетом заключения экспертов и в соответствии с федеральным законодательством в области охраны объектов культурного наследия и контроля за вывозом из Российской Федерации и ввозом на ее территорию культурных ценностей.

Таким образом, можно заключить, что укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России, являясь одним из национальных интересов Российской Федерации и стратегическим национальным приоритетом [12], может быть достигнуто благодаря высокой правовой культуре граждан РФ. Особое место в достижении поставленных целей по обеспечению национальной безопасности РФ отводится разработке и правовой регламентации эффективных мер, направленных на предотвращение незаконного вывоза с территории нашего государства культурных ценностей, являющихся частью культурного и исторического наследия народа России.

Список литературы

1. Беспалько, В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений / В. Г. Беспалько // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 71–81.

2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : [принята в г. Париже 16 ноября 1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО]. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 12.01.2023).

3. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // Справочно-правовая система «Гарант». – URL : <https://base.garant.ru/2540238/> (дата обращения: 12.01.2023).

4. Лосев, А. Ф. Философия культуры. Ответы на вопросы редакции журнала «Вопросы философии» / А. Ф. Лосев. – Москва, 1983. – С. 27–30.

5. Ляпустин, С. Н. Идентификация культурных ценностей : учебное пособие / С. Н. Ляпустин, Н. С. Ляпустина, В. И. Дьяков. – Владивосток. – 2010. – 288 с.

6. Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций : приказ Минкультуры России (Министерство культуры РФ) : [23 июля 2020 г. № 827] // Справочно-правовая система «Гарант». – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74768877/> (дата обращения: 12.01.2023).

7. Об утверждении Правил аттестации экспертов по культурным ценностям : постановление Правительства РФ : [28 февр. 2019 г. № 198 (с изм. и доп.)] // Справочно-правовая система «Гарант». – URL : <https://base.garant.ru/72187714/> (дата обращения: 12.01.2023).

8. Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение : постановление Правительства РФ : [14 сент. 2020 г. № 1425] // Справочно-правовая система «Гарант». – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74547966/> (дата обращения: 12.01.2023).

9. О вывозе и ввозе культурных ценностей : федеральный закон : [15 апр. 1993 г. № 4804-1 (ред. от 8 дек. 2020 г.)] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL : <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 12.01.2023).

10. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : [утв. ВС РФ 9 окт. 1992 г. № 3612-1) (ред. 28 дек. 2022 г.)] // Справочно-право-

вая система «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 12.01.2023).

11. Основы законодательства Союза ССР и субъектов Федерации о культуре: какими им быть? Мнение ученых. Инициативный авторский проект / В. М. Голубицкий, С. В. Кодан, Э. Н. Ренов, А. Н. Шайкенов. – Москва, 1991. – 357с.

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ : [2 июля 2021 г. № 400] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 12.01.2023).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации : [13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 29 дек. 2022 г.)] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.01.2023).

14. Шарапов, Н. Н. Правовое регулирования перемещения через таможенную границу Российской Федерации культурных ценностей : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Шарапов Н. Н. – Саратов, 2004. – 22 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определяющим в предназначении и сущности культуры сегодня является то, что может быть сформулировано как «человеческое в социуме». Кризис современного социума, характеризующийся межнациональными, межгосударственными, межконфессиональными социальными конфликтами, требует от представителей социогуманитарных наук переосмысления механизмов общественного развития, выявления ключевых факторов возрождения его гуманитарных составляющих, исследования места и роли Человека в ходе социальных преобразований.

В современной социальной ситуации целесообразно обратиться к базовым положениям методологического подхода, предполагающего изучение общества как единства культуры и социальности. К числу основополагающих принципов данной социокультурной методологии относятся следующие:

- человек представляет собой био-, социокультурное существо, осознающее, что его поступки выступают компонентом взаимодействия с другими субъектами; данный принцип предполагает учет всех наиболее значимых характеристик личности, обладающей свободой воли, ее социальной активности, оказывающей влияние на социальные нормы;

- принцип эволюции подразумевает способность системы к развитию, что может проявляться как линейное или циклическое ее прогрессивное движение; в этой связи следует учитывать, что в ходе эволюции возникают качественно новые социокультурные явления, восприятие которых в обществе не всегда происходит однозначно;

- принцип историзма предусматривает необходимость исторической ретроспективы для понимания сущности и особенностей функционирования различных общественных институтов; учет прошлого позитивного социального опыта и традиций неизменно выступает эффективным инструментом не только познания, но и социально-преобразующей практики.

С одной стороны, данные принципы могут лежать в основе весьма разнообразных, как по своей тематике, так и по своему предметному воплощению социокультурных исследований. С другой стороны, междисциплинарный характер исследований сущности и перспектив развития культуры и ее различных проявлений демонстрирует общность целей и задач представителей социогуманитарных наук.

Авторы, представившие результаты своих изысканий в настоящей монографии, едины в высокой оценке ценностного потенциала, духовно-преобразующей и созидательно-интегративной функции культуры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

А

Азаров Артур Александрович – кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург).

Аникеева Нина Семеновна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Б

Барей Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Бородулина Наталья Владимировна – главный библиотекарь отдела Центра по работе с книжными памятниками Ростовской области Донской государственной публичной библиотеки (г. Ростов-на-Дону).

Г

Гареева Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

К

Кононец Анастасия Николаевна – старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Кузнецова Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Л

Лисица Ксения Эдуардовна – старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Листопадова Евгения Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

М

Мерецкая Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Миронова-Тихомирова Антонина Сергеевна – кандидат психологических наук, самозанятый тренер по йоге и фитнесу, практикующий психолог (г. Москва).

П

Петрулевич Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Погребная Яна Всеволодовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь).

Р

Рыбас Дарина Алексеевна – магистрант Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

С

Сенченко Алексей Геннадьевич – аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Снежко Галина Евгеньевна – кандидат социологических наук, директор Ростовского областного центра обработки информации в сфере образования (г. Ростов-на-Дону).

Стрелкова Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Сушко Вера Борисовна – художник-реставратор 2-й категории центра консервации библиотечного фонда Донской государственной публичной библиотеки (г. Ростов-на-Дону).

Т

Тулупьева Татьяна Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший научный сотрудник лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (г. Санкт-Петербург).

Туркулец Алексей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Туркулец Валентина Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Туркулец Иван Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Туркулец Светлана Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Тюрина Юлия Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры Государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)

III

Штомпель Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Штомпель Олег Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Научное издание

Азаров Артур Александрович, **Аникеева** Нина Семеновна, **Барей** Наталья Сергеевна,
Бородулина Наталья Владимировна, **Гареева** Ирина Анатольевна, **Кононец** Анастасия Николаевна,
Кузнецова Анна Владимировна, **Лисица** Ксения Эдуардовна, **Листопадова** Евгения Вячеславовна,
Мерецкая Наталья Александровна, **Миронова-Тихомирова** Антонина Сергеевна,
Петрулевич Ирина Анатольевна, **Погребная** Яна Всеволодовна, **Рыбас** Дарина Алексеевна,
Сенченко Алексей Геннадьевич, **Снежко** Галина Евгеньевна, **Стрелкова** Елена Викторовна,
Сушко Вера Борисовна, **Тулупьева** Татьяна Валентиновна, **Туркулец** Алексей Владимирович,
Туркулец Валентина Алексеевна, **Туркулец** Иван Алексеевич, **Туркулец** Светлана Евгеньевна,
Тюрина Юлия Александровна, **Штомпель** Людмила Александровна, **Штомпель** Олег Михайлович

КУЛЬТУРА В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Коллективная монография

Под общей редакцией **Туркулец** Светланы Евгеньевны

Редактор *К. Ш. Ворошилова*
Технический редактор *С. С. Заикина*

План 2023 г. Поз. 7.37. Дата подписания к использованию 21.03.2023.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 12,5. Зак. 31. Электронный ресурс

680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.